

Фонд ИНДЕМ

Анализ экспертных оценок судебной власти в России и транзитных странах (Аналитический доклад)

Оглавление

Введение	2
1. Методика проведения экспертизы и анализа экспертных оценок	3
1.1. Методические предпосылки	3
1.2. Экспертная анкета	3
1.3. Построение индексов	5
2. Россия: микроанализ	8
2.1. Анализ отказов от ответов	8
2.2. Анализ вопросов, не ассоциированных с характеристиками	12
2.3. Анализ вопросов, указывающих на специфичность судебной практики	16
2.4. Анализ вопросов, представляющих самостоятельный интерес	20
3. Россия: макроанализ	28
3.1. Сопоставление оценок для разных экспертных групп	28
3.2. Сопоставление критериев	31
3.3. Проверка Гипотезы 1	35
3.4. Портреты профессиональных групп экспертов	38
4. Изучение шести транзитных стран	46
4.1. Сравнение стран на уровне вопросов. Проверка Гипотезы 2	47
4.2. Макроанализ. Проверка гипотез 1 и 3	52
4.3. Портреты стран	63
5. Обсуждение полученных результатов и основные выводы	76
5.1. Субъективность экспертных оценок и надежность выводов	76
5.2. Поле права в соотношении с другими субполями власти	79
5.3. Основные выводы	86
Приложения	
Приложение 0. Методика построения статистических индикаторов качества судебной власти по данным экспертного опроса	
Приложение 1. Экспертная анкета и ее структура	
Приложение 2. Таблицы результатов микроанализа ответов российских экспертов	
Приложение 3. Таблицы результатов микроанализа ответов экспертов шести стран	
Приложение 4. Исследование частных корреляций	

Введение

Излагаемая в данном докладе часть проекта «Судебная реформа в России: институционально-социетальный анализ трансформации, ревизия результатов, определение перспектив» отличается от других своим возникновением: она не входила в предварительно намеченный план. Идея экспертизы возникла в ходе проекта. К ней подталкивали совместно несколько причин. Первая – банально практическая. Первоначально программа включала анкетирование большого числа членов юридического сообщества. Но это требовало больших затрат, поэтому от идеи пришлось отказаться. Вторая – по ходу подготовки международных семинаров, предназначенных для сравнения судебных властей и их трансформаций в разных странах, возникла идея формального сравнения с помощью экспертных методов, дополняющего запланированные ранее описательные подходы. Вслед за этим, естественным образом, созрела идея, что такая экспертиза может заменить нереализованное анкетирование экспертов.

Третья причина такова. Параллельно шла интенсивная работа по подготовке подходов к социологическому измерению правосознания. Выкристаллизовавшаяся в результате концепция подталкивала к идее применить ее не только на клиентах поля права, но и на его агентах. А это подталкивало к идее переноса подхода на методологическую сферу экспертных оценок, что влекло смену целей и задач, инструментов и методов анализа результатов из-за изменения объемов выборки.

Четвертая причина, самая, пожалуй, главная, – необходимость проверки основных гипотез исследования (точнее – всего проекта). Приводим их формулировки.

Гипотеза 1. Для удовлетворительного функционирования судебной власти, находящейся в процессе трансформации, внеинституциональные факторы создают больше препятствий, чем дефекты или пробелы институционального дизайна.

Гипотеза 2. Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле). Большая, по валовому показателю числа рассматриваемых дел, фракция характеризуется рутинными делами, лишенными внешнего интереса и влияния, а потому решаемыми в соответствии с законом и справедливостью (правом). Меньшая фракция касается дел, в которых задействован внешний интерес. Именно в таких делах проявляются основные дефекты правосудия.

Гипотеза 3. Сопряженные с судебной властью институты в большинстве своем оказывают на ее функционирование существенное, недооцениваемое влияние, снижают качество правосудия и искажают цели трансформации судебной власти.

Экспертная анкета составлялась таким образом, чтобы возникла еще одна возможность для подтверждения сформулированных гипотез.

Наше упование на продуктивность возможности применить экспертный подход в нашем проекте был основан на неоднократном успешном опыте его применения участниками нашего проекта в самых различных исследовательских контекстах. Наконец, у нас имелся опыт собственных методических разработок в этой сфере.

1. Методика проведения экспертизы и анализа экспертных оценок

1.1. Методические предпосылки

Первоначально, перед разработкой основного инструмента – анкеты, нам было ясно ее структура; она индуцировалась стержневыми смысловыми категориями нашего исследования: независимость судов, независимость судебных решений, доступность правосудия, процедурная справедливость. Кроме того, из первой гипотезы нашего проекта непосредственно вытекало, что все четыре категории, применительно к функционированию судебной власти, должны быть исследованы как с формально-нормативной точки зрения, так и с точки зрения внеинституциональных факторов¹; перечислим их для напоминания (перечисляются те, что реально учтены в экспертной анкете):

- влияние сопряженных институтов;
- традиции, неформальные практики и институты;
- правосознание агентов и клиентов поля юстиции.

Таким образом, мы должны были оперировать восемью категориями, образованными четырьмя аспектами функционирования правосудия, каждый из которых делился на формальную и неформальную стороны.

В соответствии с методологическими подходами, практикуемыми в исследованиях Фонда ИНДЕМ, предполагалось, что экспертная анкета должна содержать вопросы в таком наборе, чтобы каждой из восьми категорий соответствовала серия вопросов анкеты. По ответам респондентов на одну серию вопросов должен был вычисляться отдельный числовой индекс (шкала), который характеризовал бы качество функционирования судебной власти по критерию (аспекту, категории), которому соответствовала данная серия вопросов. Не исключалось, что один вопрос мог работать на несколько критериев, а также наличие вопросов, имевших самостоятельный социологический интерес, лежащих вне восьми базовых критериев, указанных выше. Из этого вытекало, что экспертное исследование должно было включать разработку процедуры построения шкал (индексов).

1.2. Экспертная анкета и ее проведение

Следует отметить, что разработка анкеты и отбор вопросов к ней велись довольно долго. Нам предстояло преодолеть одну трудность. Поскольку анкета должна была распространяться в других странах, вопросы должны были быть осмысленными для других стран и языков, наконец, иных судебных систем. В результате было обсуждено девять вариантов анкеты.

Итоговая анкета содержала 88 вопросов (помимо вопросов, характеризующих экспертов). Текст анкеты приведен в Приложении 1. Следует обратить внимание, что экспертным вопросам предшествуют четыре страницы, не только разъясняющие порядок работы с анкетой, но и цель исследования, а также обстоятельный тезаурус

---

¹ Говоря о внеинституциональных факторах, мы имеем в виду те, что находятся за пределами нормативного регулирования работы судебной власти, т.е. за пределами формальных институтов, образующих институциональный комплекс судебной власти.

используемых терминов. Это было связано с намерением достичь, по возможности, единого понимания экспертами смысла вопросов (и вариантов ответов).

Помимо первых восьми критериев (базовых, основных критериев), приведенных ниже, мы увидели возможность дополнить их еще шестью критериями, поскольку мы могли подбирать наборы вопросов, совокупность ответов на которые порождали новые индексы. В Приложении 1 в Таблице П1.1 можно найти соответствие между вопросами и критериями. Ниже приведен полный список всех четырнадцати критериев.

1. Формальный аспект независимости судов (качество норм, обеспечивающих независимость, самостоятельность судебной ветви власти).
2. Неформальный аспект независимости судов (в какой мере практика применения законов, традиции, неформальные нормы обеспечивают независимость, самостоятельность судебной ветви власти).
3. Формальный аспект независимости судей (независимости, самостоятельности судей в судебном процессе и при принятии решений).
4. Неформальный аспект независимости судей.
5. Формальный аспект доступности судов.
6. Неформальный аспект доступности судов.
7. Формальный аспект справедливости правосудия (процесса и судебных решений).
8. Неформальный аспект справедливости правосудия.
9. Качество нормативного регулирования (как и в какой мере нормативное регулирование способствует независимости судов и судей, доступности судов и справедливости правосудия).
10. Качество правоприменительной практики (как и в какой мере практика применения действующих законов способствует независимости судов и судей, доступности судов и справедливости правосудия).
11. Качество неформальных практик (учет влияния традиций, правосознания, неформальных отношений).
12. Влияние сопряженных институтов (как и в какой мере деятельность органов власти, связанных с судом, способствует независимости судов и судей, доступности судов и справедливости правосудия).
13. Обеспеченность судебной власти (материальное обеспечение, количество судей).
14. Качество принятия судебных решений (степень самостоятельности судей при принятии судебных решений, ориентация судей на закон, а не на неформальные влияния и предубеждения).

Разработанная экспертная анкета была сначала заполнена экспертами в России – агентами юридического поля – в количестве 217 человек. В качестве экспертов использовались представители различных профессиональных групп, что делалось исходя из предположения, согласно которому представители разных профессиональных групп могли иметь различный взгляд на функционирование судебной власти. Вот эти группы: судьи (92), адвокаты (25), корпоративные юристы (36), журналисты (17), правозащитники (37). Еще десять экспертов не вошли ни в какую из перечисленных выше групп. Различия в численности экспертных групп компенсировались, когда необходимо, соответствующими статистическими приемами.

1.3. Построение индексов

В результате опроса мы получаем ответы респондентов на 88 вопросов анкеты, касающихся различных аспектов функционирования судебной власти. Представим себе, что все собранные данные из всех анкет кодируются и хранятся в файле в формате Excel в виде таблицы (страницы). Ее строки соответствуют экспертам, а столбцы соответствуют вопросам. В первом столбце содержатся порядковые номера экспертов, а в первой строке – порядковые номера вопросов. Ячейки содержат номера выбранных ответов либо код «н/д», обозначающий отсутствие ответа. Тогда таблица имеет следующий вид (N – число экспертов).

Таблица 1.3.1. Таблица ответов экспертов на вопросы экспертной анкеты

№	V1	V2	V3	V4	V5	---	V88
1	2	4	3	4	4	---	3
2	5	5	5	4	3	---	3
---	---	---	---	---	---	---	---
12	2	2	3	3	2	---	3
13	5	4	н/д	н/д	5	---	3
---	---	---	---	---	---	---	---
N	5	н/д	3	3	4	---	3

Предлагаемые варианты ответов на вопросы из анкеты имеют, как правило, хорошо выраженную упорядоченность относительно некоторого «качества», но не всегда семантический смысл ответов обеспечивает равномерность интервалов на шкале этого качества между точками, которые могли бы соответствовать на этой шкале вариантам ответов. Поэтому для оцифровки разных ответов во всех 88 вопросах анкеты была разработана десятибалльная шкала и проведена соответствующая *экспертиза вариантов ответов*, в которой участвовало несколько экспертов, приписывая каждому варианту ответа одну из 10 вербальных оценок (см. Таблицу 1.3.2, второй столбец). Её результаты были проанализированы и по итогам анализа были оцифрованы *позиции* каждого варианта ответа на каждый вопрос. Естественно, что для статистического анализа удобнее шкала от -1 до +1, где "-1" интерпретируется как самое худшее состояние судебной власти, а "+1" – как самое лучшее, задаваемое семантикой конкретного варианта ответа. Соотношение между десятью вербальными градациями и их позициями на отрезке от -1 до +1 приводится ниже в той же таблице.

Таблица 1.3.2. Таблица соответствия между семантическими выражениями и точками на шкале некоторого качества судебной власти

Номер градации	Вербальные оценки	Значение на шкале (-1; 1)
1	Хуже некуда	-1
2	Плохо, местами очень плохо	-0,75 = -3/4
3	В среднем - плохо	-0,5 = -1/2
4	Где - плохо, где - так себе	-0,25 = -1/4
5	Так себе, удовлетворительно	0
6	Где - средне, где - хорошо	0,25 = 1/4
7	Можно считать - хорошо	0,5 = 1/2
8	Хорошо, а местами - отлично	0,6667 = 2/3
9	Отлично, местами - похуже	0,8333 = 5/6
10	Превосходно	1

В процессе экспертизы для каждого варианта ответа на каждый вопрос анкеты устанавливалось соответствие между этим вариантом ответа и вербальной оценкой из приведенной таблицы. Это позволило на следующем шаге преобразовать каждый ответ в число, которое приписано этому семантическому выражению в этой же таблице.

Кроме того, проводилась еще одна экспертиза, касавшаяся каждого вопроса, соотношенного с некоторым критерием. По результатам экспертизы устанавливался некоторый вес вопроса, долженствующий характеризовать степень значимости, *пригодности* этого вопроса для характеристики, описания качества судебной власти, соответствующего критерия, связанного с вопросом. (Данная экспертиза проводилась только для критериев с номерами от 1 до 8 из приведенного выше списка. Для остальных критериев с 9-го по 14-й вопросы считались равноправными.). С помощью полученных весов для каждого вопроса корректировались оцифровки ответов, полученных ранее. Эта корректировка эквивалентна сжатию для данного вопроса шкалы оценок связанных с ним вариантов ответа с интервала [-1; 1] до более узкого интервала. Сжатие тем сильнее, чем меньше важность вопроса для данного критерия. После этого мы получаем исходные данные об ответах экспертов, преобразованные в окончательную числовую форму. Это может иметь вид таблицы, похожей на ту, что приведена ниже.

Таблица 1.3.3. Таблица оцифрованных ответов экспертов на вопросы экспертной анкеты

No.	V1	V2	V3	V4	V5	---	V86	V87	V88
1	0	0	0,9167	0,9167	0	---	0,75	0,75	-0,75
2	0,9167	0,9167	0,5833	0,5833	0,9167	---	0,75	0,75	-0,75
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
56	-0,625	-0,25	0,5833	-0,25	0,5833	---	-0,625	-0,625	0
57	0,5833	0,5833	0	0	0,5833	---	н/д	-0,625	н/д
---	---	---	---	---	---	---	---	---	---
N	-0,625	0,5833	0,9167	-0,25	0,5833	---	0,75	-0,625	0

При всех преобразованиях в полученной таблице оцифрованных ответов числовые значения, большие нуля, соответствуют положительным ответам, а значения, меньшие нуля, – отрицательным ответам. В обоих случаях, говоря об отрицательных или положительных ответах, мы игнорируем разницу между степенью «положительности» или «отрицательности».

E_i – среднее значение оцифрованных значений ответов (из таблицы вида 1.3.3) по всем экспертам. Данная величина меняется от -1 до 1; чем больше значение этой величины, тем выше по совокупной оценке экспертов качество правосудия, соответствующее данному вопросу.

P_p – доля экспертов, давших на данный вопрос положительный ответ. Данная величина меняется от 0 до 1; чем больше значение этой величины, тем выше по совокупной оценке экспертов качество правосудия, соответствующее данному вопросу.

P_n – доля экспертов, давших на данный вопрос отрицательный ответ. Данная величина меняется от 0 до 1; чем больше значение этой величины, тем ниже по совокупной оценке экспертов качество правосудия, соответствующее данному вопросу.

D_{p-n} – величина, определяемая следующей формулой: $[P_p - P_n]/[P_p + P_n]$. Данная величина меняется от -1 до 1; чем больше значение этой величины, тем выше по совокупной оценке экспертов качество правосудия, соответствующее данному вопросу.

P_0 – доля экспертов, уклонившихся дать определенный ответ на данный вопрос. Эта величина определяется как разница между единицей и суммой величин P_p и P_n , давших на данный вопрос отрицательный ответ. Данная величина меняется от 0 до 1; чем больше значение этой величины, тем затруднительнее для экспертов в целом дать ответ на этот вопрос. Это затруднение включает выбор экспертов между нейтральным ответом и ответом «Затрудняюсь ответить».

Следует сказать, что большинство из этих характеристик сильно коррелированы (показатель P_0 не входит в эту обойму). Коэффициенты корреляции Пирсона превосходят 0,8. Случайное получение такой величина в предположении гипотезы о независимости практически нереально (шансы намного меньше, чем выбрать одну черную песчинку из тонны белого песка)². Поэтому в процессе дальнейшего исследования использовались те показатели из приведенного списка, которые по тем или иным причинам были удобны для решения конкретных задач.

Рассмотрим, как строятся обобщенные индикаторы на примере использования показателя P_n . Этот индикатор крайне прост, его значения крайне просто интерпретируются, и он высоко коррелирован с другими индикаторами, что подтверждает его пригодность. Итак, если нам нужно характеризовать некоторое качество (характеристику) судебной власти, которой соответствует некоторый набор вопросов, то мы просто подсчитываем долю отрицательных ответов на все эти вопросы. Если мы хотим построить тот же индикатор для оценки качества некоторой группой экспертов, то мы подсчитываем долю отрицательных ответов на все эти вопросы только для экспертов из этой группы. Достоинство такого индикатора состоит в том, что он дает достаточно надежные значения даже для сравнительно небольшой группы экспертов (более двадцати человек).

Последнее, что нужно изложить, это проверку состоятельности отбора вопросов для каждой из четырнадцати характеристик. Проверка осуществлялась следующим образом. По некоторой достаточно однородной группе экспертов и по списку вопросов, связанных с определенной характеристикой составляется матрица оцифрованных ответов этих экспертов на эти вопросы. Строкам матрицы соответствуют эксперты, а столбцам – вопросы. Эта числовая матрица подвергается анализу методом главных компонент. Если подбор вопросов правилен и однородно работает на исследуемую характеристику, то мы должны иметь факторное решение с первой главной компонентой, выделяющейся относительно остальных компонент, а факторные нагрузки вопросов на эту компоненту должны высоко коррелировать с введенными выше числовыми характеристиками, в частности – со средней оценкой или с P_n . В качестве однородной группы экспертов были выбраны российские судьи, отвечавшие на вопросы нашей экспертной анкеты. (Однородность группы обеспечивает надежность проводимой нами проверки, поскольку уменьшает вероятность появления артефактов.) Такие расчеты использовались и для контроля отдельных вопросов в наборах. Если в

---

² Понятно, что речь здесь идет о доверительной вероятности, показывающей значимость выявленной зависимости. Мы будем ниже говорить о зависимостях как о высокозначимых, если доверительная вероятность меньше 0,0001. Это значит, что шанс ошибиться, отвергая гипотезу о независимости меньше чем эта доверительная вероятность.

целом набор демонстрирует состоятельность, а отдельным вопросам набора соответствуют малые факторные нагрузки, то это свидетельствует о том, что такие вопросы не вписываются в набор, не работают на построение нужной нам шкалы. Таблица 1.3.4 содержит результаты проверки состоятельности наборов вопросов, по результатам которой проводилась оценка вопросов. Мы видим, что для всех восьми характеристик мы имеем приличные доли дисперсии, объясняемые первой главной компонентой, крайне низкие доверительные вероятности и весьма высокие доверительные вероятности. Все это свидетельствует в пользу состоятельности сформированных наборов вопросов.

Таблица 1.3.4. Результаты проверки состоятельности набора вопросов для первых восьми основных характеристик (столбцы, номера соответствуют номерам характеристик). Первая строка – доля объясненной дисперсии первой главной компонентой, вторая строка – корреляция между факторными нагрузками вопросов из набора и средней оценкой судебной власти, обеспечиваемой вопросами

характеристика	1	2	3	4	5	6	7	8
% дисперсии	30,5	20,3	29,1	15,4	18,6	16,8	41,0	20,3
корреляция	0,881	0,971	0,866	0,964	0,907	0,949	0,966	0,969

В тоже время, в некоторых наборах действительно выявились отдельные вопросы с низкими факторными нагрузками; возможность обойтись без этих вопросов подтверждалась и содержательным анализом. Эти вопросы были в результате исключены. Повторная проверка состоятельности уточненных наборов продемонстрировала еще более убедительный результат³.

2. Россия: микроанализ

В этом разделе мы рассмотрим результаты анализа ответов российских экспертов на вопросы анкеты. Основные данные расположены в Приложении 2. Там можно найти частоты ответов на все вопросы анкеты в целом по всем экспертам и для отдельных профессиональных групп, а также характеристики для каждого вопроса, указанные в предыдущем разделе по всем экспертам.

2.1. Анализ отказов от ответа

Частоты выбора экспертами ответа «Затрудняюсь ответить» колеблются в широких пределах – от полпроцента до почти шестидесяти процентов. Среди вопросов, вызвавших наименьшее затруднение, такие вопросы, как (в скобках указана частота в процентах ответа «Затрудняюсь ответить»):

35. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения административных дел? (0,5).

56. В какой мере работа судебного аппарата, обеспечивающего функционирование судов и судей, влияет на отправление правосудия? (0,5).

5. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей? (0,9).

6. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют социальные гарантии деятельности судей? (0,9).

³ Более подробно методика описана в Приложении 0.

73. В какой степени суды соблюдают принципы состязательности и равноправия сторон? (0,9).

1. Каким образом, по Вашему мнению, нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на ее независимость? (1,4).

15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества? (1,4).

Мы видим в приведенном списке вопросы разных типов – относящиеся как к формальной сфере, так и к неформальной, а также чисто практические вопросы. Теперь рассмотрим вопросы с максимальной частотой выбора ответа «Затрудняюсь ответить»:

53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве? (59,1).

52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве? (55,3).

37. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения конституционных дел? (52,1).

36. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения арбитражных дел? (38,1).

84. В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в арбитражном процессе? (37,7).

В этом списке мы видим только вопросы, связанные с внеинституциональными аспектами правосудия. Отсюда естественно вытекает гипотеза о том, что затруднения с ответами могут объясняться типами вопросов (очевидно, например, что не деликатные вопросы, намекающие на коррупцию в судах, вызывают наибольшее замешательство). Гипотезу легко проверить, вычислив показатели распределения частоты ответа «Затрудняюсь ответить» для групп вопросов, ассоциированных с разными характеристиками правосудия. Результаты этих вычислений приведены ниже в Таблице 2.1.1

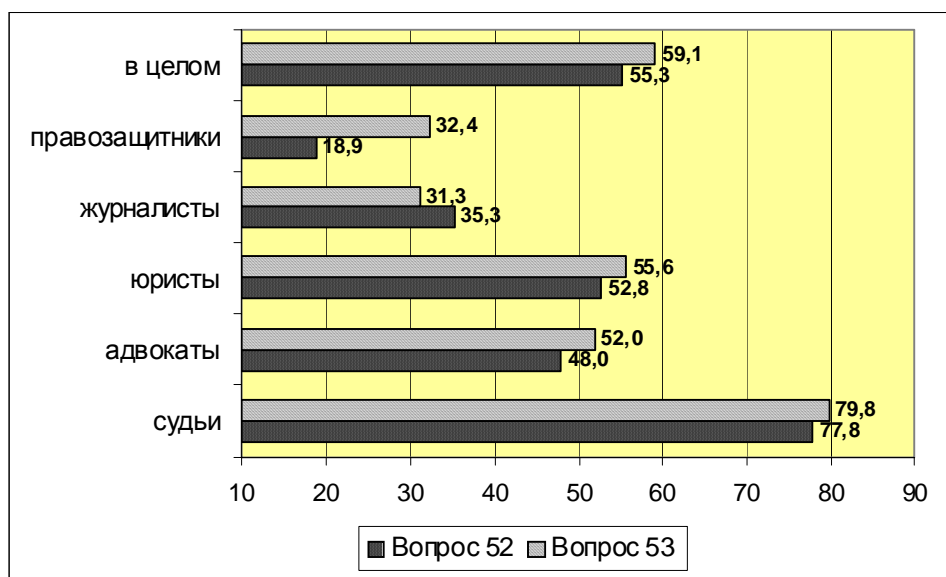
Таблица 2.1.1. Показатели распределения частоты ответа «Затрудняюсь ответить» для групп вопросов, ассоциированных с разными характеристиками правосудия; mean – среднее значение; min – минимальное значение; max – максимальное значение; std – стандартное отклонение

№	Характеристика	mean	min	max	std
1	Формальный аспект независимости судов	3,31	0,9	11,2	3,38
2	Неформальный аспект независимости судов	4,59	0,9	11,3	3,90
3	Формальный аспект независимости судей	4,59	0,9	11,3	3,90
4	Неформальный аспект независимости судей	6,70	2,3	22,0	5,18
5	Формальный аспект доступности судов	5,71	0,5	15,3	4,10
6	Неформальный аспект доступности судов	15,80	0,5	59,1	20,03
7	Формальный аспект справедливости правосудия	7,51	2,3	16,2	5,25
8	Неформальный аспект справедливости правосудия	10,82	0,5	25,5	8,04
9	Качество нормативного регулирования	4,85	0,9	15,3	4,28
10	Качество правоприменительной практики	12,26	0,9	37,7	11,06
11	Качество неформальных практик	9,16	1,4	24,7	6,72
12	Влияние сопряженных институтов	8,03	2,8	16,2	4,95

13	Обеспеченность судебной власти	19,37	0,5	52,1	21,00
14	Качество принятия судебных решений	7,93	2,8	15,2	5,29

Как видно из таблицы 2.1.1, высказанная гипотеза подтверждается. Мы видим, что всякий раз, когда осмысленно сравнение, средняя частота ответа «Затрудняюсь ответить» выше для внеинституциональных аспектов, чем для соответствующих формально-институциональных. Особенно отчетливо это видно при сравнении характеристики 9 с характеристиками 10, 11 и 12.

Теперь обратимся к отдельным вопросам, вызвавшим затруднения у экспертов. Из таблицы П2.1 Приложения видно, что рекордсменами являются два вопроса, тематика которых связана с коррупцией. Наибольшие затруднения эти вопросы вызвали у судей – почти восемьдесят процентов экспертов этой группы воздержались от определенного ответа. Меньше всех колебания были свойственны правозащитникам. Больше подробностей можно увидеть на диаграмме следующего рисунка.

Рисунок 2.1.1. Частоты выбора ответа «Затрудняюсь ответить» на вопросы экспертной анкеты 52 «Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?» и 53 «Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?» для всех экспертов и экспертов отдельных профессиональных групп

Следующие два вопроса, вызвавшие затруднения у экспертов, связаны с темой обеспеченности судьями разных видов судебных процессов. Интересно, что не все виды судебного процесса вызвали подобное затруднение. На диаграмме следующего рисунка 2.1.2 можно видеть результаты сравнения. Наибольшие затруднения вызывает оценка арбитражного и конституционного процесса, что, видимо, объясняется недостаточным опытом наших экспертов в сфере взаимодействия с этими типами судов. Такая гипотеза подтверждается некоторыми свидетельствами. Первое – судьи, задействованные в нашем экспертном опросе, были из судов общей юрисдикции.

Второе: при ответе на вопрос 36 о достаточности судей арбитражных судов опция «Затрудняюсь ответить» используется существенно реже, чем при ответе на такой же вопрос о конституционном правосудии. Третье свидетельство: это распределения частот выбора ответа «Затрудняюсь ответить» по профессиональным группам экспертов при ответах на вопросы 36 и 37. Обратившись к этим частотам, приведенным в таблице П2.1 Приложения, мы увидим, что в случае оценки арбитражных судов видно отчетливое профессиональное расслоение, а в случае конституционного, столкновения с которым крайне редки, затруднения с ответами распределены более равномерно.

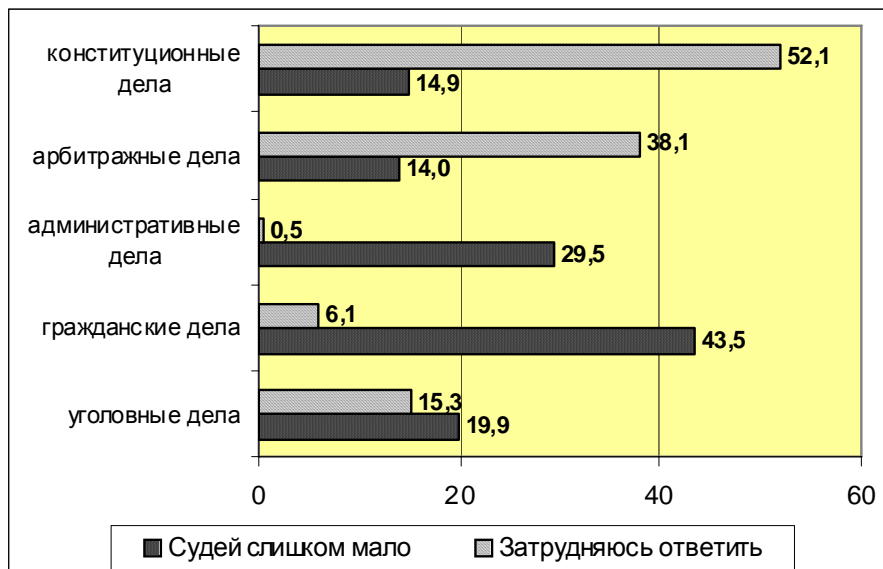

Рисунок 2.1.2. Частоты выбора ответов «Недостаточно, судей слишком мало, приходится долго ждать» и «Затрудняюсь ответить» в ответ на вопросы 33 – 37 вида «Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения ... дел?» для разного вида дел для всех экспертов и экспертов отдельных профессиональных групп

Если привлечь последний вопрос 84 из приведенного в начале параграфа списка вопросов с самыми высокими частотами выбора ответа «Затрудняюсь ответить», то мы получаем еще одно подкрепление наших рассуждений, поскольку этот вопрос связан также с арбитражным процессом.

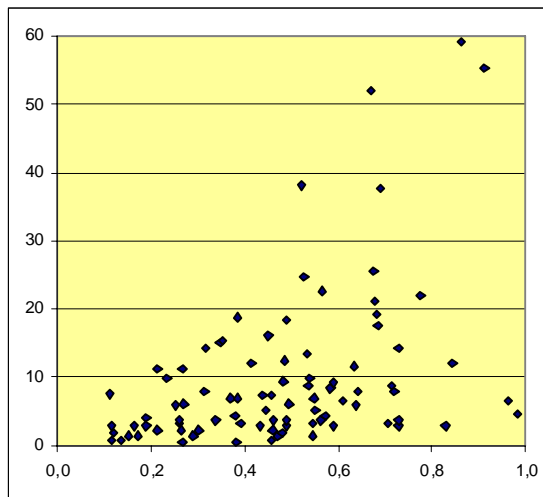

Рисунок 2.1.3. Диаграмма рассеяния двух переменных: индекс P_n (ось X) и частота (в процентах) выбора ответа «Затрудняюсь ответить» для всех вопросов анкеты

Последний сюжет, который нам надо обсудить, весьма важен. Индексы, которые описаны в разделе 3.1, не учитывают информации о частоте выбора ответа «Затрудняюсь ответить». Насколько это может исказить конечную оценку? Для ответа на этот вопрос рассмотрим диаграмму рисунка 2.1.3. Мы видим на диаграмме рассеяния пять точек-вопросов с частотой выбора ответа «Затрудняюсь ответить», превосходящей 35 процентов. Именно эти вопросы, которые могут быть отнесены к категории «выбросы», были изучены нами выше. Остальные точки-вопросы образуют колоколообразное поле. Для подавляющей части точек частота выбора ответа «Затрудняюсь ответить» не превосходит двадцати процентов. Форма поля естественна и приводит только к одному эффекту: значения индекса, близкие к 0,5 имеют несколько меньшую статистическую точность (большую погрешность). В целом, устойчивость оценки сохраняется.

2.2. Анализ вопросов, не ассоциированных с характеристиками

Пять вопросов (с номерами 21, 23, 43, 45, 46), не вошедших в списки вопросов, ассоциированных с четырнадцатью характеристиками, отражают, тем не менее, важные аспекты среды, в которой функционируют суды. Рассмотрим оценки, порождаемые ответами на эти вопросы экспертов из различных профессиональных групп.

Результаты подсчета частот ответов на вопрос 21 крайне любопытны, и потому приводятся в следующей таблице в полном объеме.

Таблица 2.2.1. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 21 «В какой степени информация о деятельности судебной власти востребована обществом?» в целом по всем экспертам и внутри профессиональных групп

Варианты ответов	судьи	адво- каты	юристы	журна- листы	правоза- щитники	В целом
1. В высокой степени	16,3	16,0	25,0	41,2	35,1	24,0
2. В достаточной степени	57,6	44,0	36,1	41,2	35,1	47,0

3. В низкой степени	18,5	24,0	27,8	5,9	18,9	18,9
4. Практически не востребована	4,3	16,0	11,1	11,8	10,8	8,8
5. Затрудняюсь ответить	3,3	0,0	0,0	0,0	0,0	1,4

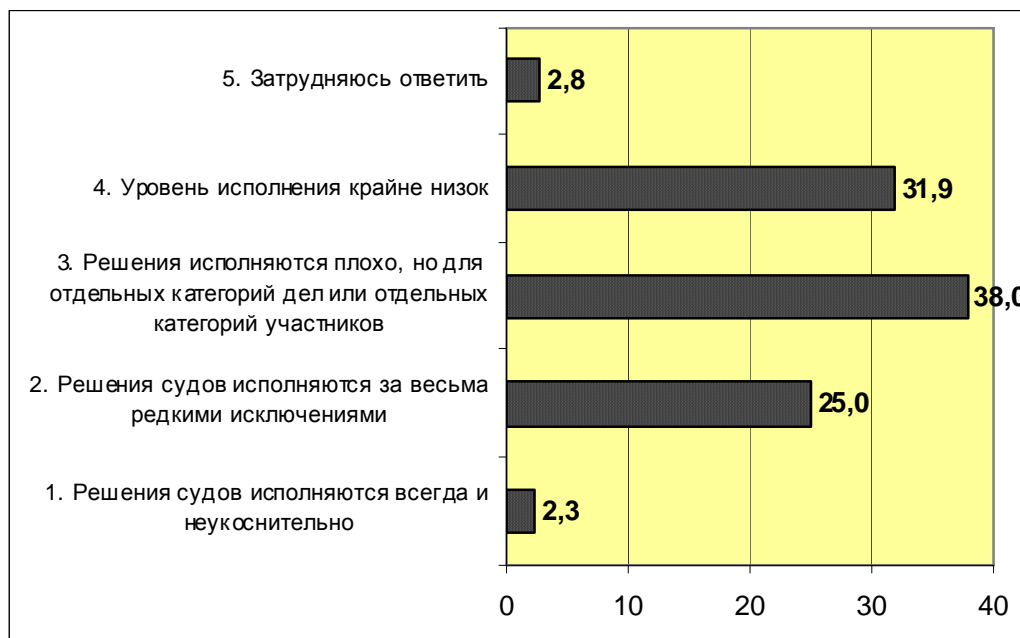
Первое, что бросается в глаза, это почти полное отсутствие колебаний среди экспертов при ответе на вопрос об обществе. Крохотная доля выбора ответов «Затрудняюсь ответить» проявилась только среди судей. Остальные уверены, что знают про общество все. Второе интересное обстоятельство – нет значимой статистической зависимости между выбором ответов на вопрос 21 и принадлежностью экспертов к разным профессиональным группам (доверительная вероятность равна 0,168). Третье наблюдение самое важное: эксперты уверены в довольно высокой востребованности гражданами информации о деятельности судебной власти. Однако граждане, по данным наших социологических опросов не подтверждают эту уверенность. Следующая таблица содержит результаты сравнения частот ответов на соответствующие вопросы для экспертов и респондентов выборки граждан.

Таблица 2.2.2. Сравнение частот выбора (в процентах) ответов на сходные вопросы о востребованности информации о судах в экспертном опросе и социологическом опросе на выборке граждан

Вопрос 21 экспертам: «В какой степени информация о деятельности судебной власти востребована обществом?»		Вопрос 12 анкеты для граждан: «В какой степени Вы интересуетесь информацией о работе судов?»	
Варианты ответов	частоты ответов	частоты ответов	Варианты ответов
1. В высокой степени	16,3	2,4	1. Очень интересуюсь
2. В достаточной степени	57,6	14,7	2. Интересуюсь, но не очень
3. В низкой степени	18,5	21,0	3. Интересуюсь в небольшой степени
4. Практически не востребована	4,3	58,2	4. Практически не интересуюсь
5. Затрудняюсь ответить	3,3	3,7	5. Затрудняюсь ответить

Мы видим разительное различие между мнениями экспертов и собственными сообщениями граждан о себе. Таким образом, мы видим, что **уверенность экспертов в своем знании об обществе сопрягается с неадекватностью этого знания.**

Теперь перейдем к вопросу 23 «Каков уровень исполнения судебных решений?». Этот вопрос не относится напрямую к судебной власти, но касается сопряженного института – исполнительного производства. Анализ сопряженностей между ответами и профессиональными группами не выявляет зависимости; доверительная вероятность достигает значения 0,755.

Рисунок 2.2.1. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 23 «Каков уровень исполнения судебных решений?» для всех экспертов

На диаграмме рисунка 2.2.1 приведены частоты ответов по всем экспертам, что состоятельно в силу зафиксированного отсутствия зависимости. Мы можем сделать следующие выводы: эксперты тяготеют к негативным оценкам (почти 70 %) исполнительного производства, в этой оценке они довольно единодушны. И еще одно важное обстоятельство, которое будет анализироваться ниже: почти сорок процентов выбрали ответ 3, указывающий на то, что дефекты исполнительного производства структурированы, поскольку концентрируются в определенных зонах юридического поля, характеризующихся специфическими категориями дел и (или) участников.

Сходные тенденции проявляются и при анализе ответов на вопрос 43 экспертной анкеты «В какой степени является проблемой при обращении в суд неудобное расположение суда?». Разногласия между профессиональными группами имеются, но небольшие. Такой уровень разногласия обеспечивается, главным образом, выбором ответа «4 В низкой степени является проблемой» адвокатами, из которых ни один не выбрал это ответ. Общие частоты выбора ответов приведены ниже на диаграмме рисунка 2.2.2.

Рисунок 2.2.2. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 43 экспертной анкеты «В какой степени является проблемой при обращении в суд неудобное расположение суда?» для всех экспертов

Мы видим снова, что более сорока процентов экспертов выбирают ответ, указывающий на неоднородность юридического поля, что работает на подтверждение базовой Гипотезы 2.

Следующие два вопроса посвящены важной проблеме циркулирования общей информации о судах. Это вопросы 45 «В какой мере для желающих развиты возможности электронного доступа (в том числе – через сеть Интернет) к информации о судебных решениях?» и 46 «Существует ли возможность доступа (в том числе – электронного) к судебной статистике?». Ответы на оба вопроса также не вызывают жестких различий между профессиональными группами. Исключение составляют журналисты, более драматично оценивающие недостатки доступа к информации. Воспользуемся тем, что список ответов на два анализируемых вопроса один и тот же, и сведем общие частоты ответов в одну таблицу.

Таблица 2.2.3. Сравнение частот выбора (в процентах) ответов на вопросы 45 «В какой мере для желающих развиты возможности электронного доступа (в том числе – через сеть Интернет) к информации о судебных решениях?» и 46 «Существует ли возможность доступа (в том числе – электронного) к судебной статистике?» о доступности информации о судах по ответам всех экспертов

Варианты ответов	Ответы на вопрос 45	Ответы на вопрос 46
1. Такая информация общедоступна в полном объеме, предусмотренном законом	7,9	6,0
2. Такая информация есть, но она неравномерна и несистематична, а доступ к ней не прост	38,6	26,0

3. Такая информация скудна и почти недоступна	44,7	48,8
4. Затрудняюсь ответить	8,8	19,1

Главный вывод, который следует из данных таблицы 2.2.3, таков: эксперты негативно оценивают доступность информации о судебных решениях и о судебной статистике.

2.3. Анализ вопросов, указывающих на специфичность судебной практики

В предыдущем разделе было упомянуто о теме выделения экспертами вариантов ответов, вроде ответа «3 Решения исполняются плохо, но для отдельных категорий дел или отдельных категорий участников» на вопрос 23 «Каков уровень исполнения судебных решений?». Этот ответ имеет в данном случае максимальную частоту выбора. Это важно, поскольку позволяет обратиться к проверке Гипотезы 2, сформулированной во Введении: *«Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле). Большая, по валовому показателю числа рассматриваемых дел, фракция характеризуется рутинными делами, лишенными внешнего интереса и влияния, а потому решаемыми в соответствии с законом и справедливостью (правом). Меньшая фракция касается дел, в которых задействован внешний интерес. Именно в таких делах проявляются основные дефекты правосудия».*

В экспертной анкете имеется 23 вопроса, имеющие в списке ответов вариант, включающий фрагмент «...для отдельных категорий дел или отдельных категорий участников...». Этот фрагмент включался в вариант ответа именно тогда, когда составители анкеты предполагали, что обстоятельства и специфические особенности функционирования судебной власти сопряжены с такой возможностью. Такие возможности состояли, собственно, в разного рода нарушениях нормальной работы судебной власти. Суть ответа в том, что подобные нарушения определяются не степенью их интенсивности, распределенной более или менее равномерно по всему судебному пространству, но, напротив, локализируются в некоторых специфических зонах. Поэтому ниже будем называть такого сорта ответы так: «ответы локализации».

Высказанные предположения вполне убедительно подтверждаются: в более чем трети случаев ответы локализации занимали первое место по частоте выбора. В подавляющем большинстве остальных случаев такой ответ оказывался вторым по популярности, причем часто с небольшим отрывом от ответа, занявшего по частоте выбора первое место. Если учесть общее число использования ответов рассматриваемого типа, явно превосходящее их вероятное количество при случайном выборе, то можно определенно сделать первый вывод: эксперты явно склоняются к указанию на наличие специфических ситуаций, в которых нарушается нормальное функционирование судебной власти.

Сделав такой вывод, можно переходить к следующей фазе анализа. Подсчитаем для каждого эксперта число случаев использования ответа локализации. Эта переменная, обозначим ее символом λ , по результатам подсчетов, принимает значения в интервале от 0 (таких экспертов только 4) до 18. Чем больше значение переменной λ , тем в большей степени эксперты придают значение эффекту локализации проблем судебной власти. Для проведения анализа с помощью таблиц сопряженности введем еще одну переменную Λ , принимающую всего три значения: значение 1, если λ меньше

5 (45,6 % экспертов); 2, если λ располагается в интервале от 5 до 9 (36,4 %); и значение 3, если λ больше 9 (18 %). Переменная Λ имеет тот же смысл, что и λ .

Теперь рассмотрим взаимосвязи между последней переменной и ответами на некоторые вопросы, затрагивающие различные проблемы судебной власти, но не входящие в конструирование переменной λ . Ниже приводится таблица сопряженности между группами экспертов, соотнесенных с различными значениями переменной Λ , и вопросом анкеты 74 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в уголовном процессе?». Анализ сопряженности выявил высокозначимую зависимость.

Таблица 2.3.1. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопросы 74 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в уголовном процессе?» внутри групп экспертов, соотнесенных с различными значениями переменной Λ

Вариант ответа	$\Lambda = 1$	$\Lambda = 2$	$\Lambda = 3$
1. Является в полной мере и соблюдается	39,4	11,5	2,6
2. Формально декларируется, но бывают отдельные нарушения, не одобряемые профессиональным сообществом	17,2	23,1	25,6
3. Формально декларируется, но нередко нарушается без каких-либо моральных санкций	13,1	32,1	43,6
4. Институт профессионально-этических норм и санкций в этой сфере отсутствует	8,1	10,3	5,1
5. Затрудняюсь ответить	22,2	23,1	23,1

Из таблицы видна совершенно отчетливая зависимость в строках 1 и 3. Она указывает на то, что рост числа выборов экспертами ответов локализации сопряжено с ростом негативной оценки данного аспекта функционирования суда. Такая форма зависимости воспроизводится, когда данный вопрос заменяется на похожий вопрос 75 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в гражданском, административном и арбитражном процессе?». Подобные отчетливые зависимости встречаются, конечно, не всегда. Но довольно часто отчетливая зависимость проявляется локально – для тех вариантов ответа, которые соответствуют наиболее оптимистичному взгляду на судебную систему. Типичный пример приводится ниже на диаграмме рисунка 2.3.1 для вопроса 62 «В какой степени полное и всестороннее обоснование судебных решений обеспечивается нормами, регулирующими судебный процесс?». В данном случае анализ сопряженностей выявил зависимость с доверительной вероятностью, равной $3,45E-05$.

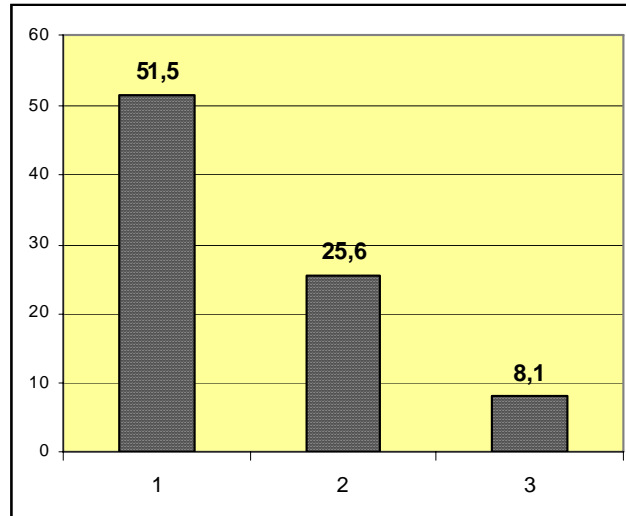

Рисунок 2.3.1. Частоты выбора (в процентах) ответа «1. Действующие нормы в полной мере обеспечивают полное и всестороннее обоснование судебных решений» на вопрос 62 экспертной анкеты «В какой степени полное и всестороннее обоснование судебных решений обеспечивается нормами, регулирующими судебный процесс?» среди трех групп экспертов, соотнесенных с различными значениями переменной λ

Мы видим более чем убедительную зависимость, подтверждающую выше сформулированную закономерность: рост числа выборов экспертами ответов локализации сопряжено с ростом негативной оценки данного аспекта функционирования суда. Подобные зависимости, не менее убедительные, установлены и для других вопросов. Например, это вопросы 69 «Какова судебная практика при рассмотрении дел по отказу органов дознания и следствия защищать нарушенные права гражданина (например, при обжаловании отказа в возбуждении дела)?» (доверительная вероятность равна $3,08E-07$) или 75 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в гражданском, административном и арбитражном процессе?» ($3,78E-07$).

Последнюю проверку выявленной закономерности мы предпримем, вернувшись к числовой переменной λ . Подтверждением должно служить обнаружение отрицательной статистической зависимости между λ и средним оцифрованным значением ответов по всем вопросам для каждого эксперта. Эта зависимость, хотя и не столь высокая, как выявленные раньше, была установлена: коэффициент линейной корреляции Пирсона равняется $-0,228$ при доверительной вероятности, равной $0,001$.

Тем самым, мы получаем подтверждение проверяемой гипотезы. Эта гипотеза будет проверяться и дальше с помощью анализа социологических данных. Однако задача состоит и в том, чтобы выявить эти зоны специфического функционирования судебной власти. Данные экспертизы позволяют приступить к решению и этой задачи.

В экспертной анкете имеется серия важных вопросов, в которых сравниваются различные виды судопроизводства. Это, например, вопросы 80-84 вида «В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в ...?», где на место многоточия подставляются пять различных видов судебного процесса. Это предоставляет возможность сравнения. Мы осуществим его с

помощью следующего приема. В качестве исходных данных используем оцифрованные ответы всех экспертов на эти вопросы (см. таблицу 1.3.3). Затем для каждого вопроса вычислим средние значения внутри каждой профессиональной группы, а вслед за этим усредним полученные средние значения (полученные средние будем называть *группированные средние*). Такой подход позволяет избавиться от влияния разной численности экспертов в разных профессиональных группах. Результат подсчетов представлен ниже на рисунке 2.3.2.

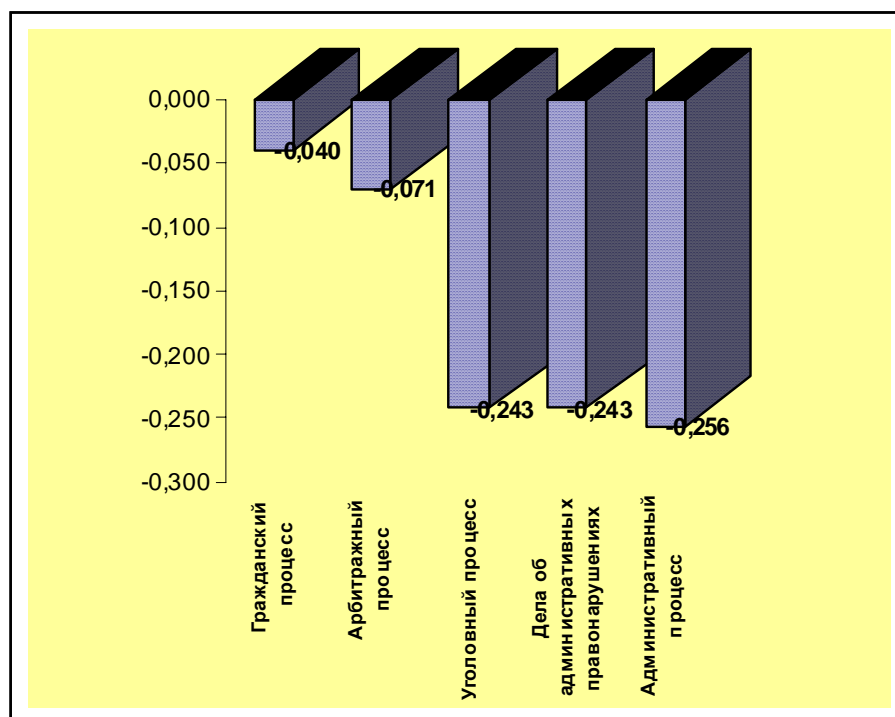

Рисунок 2.3.2. Группированные средние значения оцифрованных ответов по всем экспертам на вопросы 80-84 вида «В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в ...?» в разных видах процесса

Мы видим на диаграмме явные различия между двумя группами видов судебного процесса. К первой группе относятся уголовный и административный процессы и дела об административных правонарушениях. Здесь мы видим значения группированных средних в районе -0,25. Вторую группу составляют арбитражный и гражданский процессы, которым приписываются значения группированных средних от -0,04 до -0,07, что существенно выше, чем в случае первой группы. Таким образом, процессы из второй группы оцениваются экспертами более позитивно, чем первой. Интересно, что разделение пяти видов процессов на две приведенные группы имеет вполне ясный смысл. Во всех трех видах процессов первой группы одной из сторон тяжбы является власть⁴. Следовательно, **участие власти в судебных процессах в качестве одной из сторон снижает состязательность и процессуальное равенство сторон**. Тем самым мы выделяем один из признаков зоны судебного поля, в которой

⁴ В случае уголовного процесса власть представлена обвинением в лице прокуратуры.

проявляется специфичность проблем функционирования судебной власти, о которой мы говорим в настоящем разделе.

2.4. Анализ вопросов, представляющих самостоятельный интерес

Вопросы анкеты образуют не только тематическое разнообразие, запланированное исследователями, но и разнообразие реакций (ответов) экспертов, представляющее особенности их установок, диспозиций о поле права, которое фиксируется нами во всевозможных статистических показателях. Мы воспользуемся ими, чтобы выделять вопросы, маргинальные (принимающие экстремальные значения), как способ поиска «особых точек» поля права. Частично эта работа уже осуществлялась в разделе 2.1 при анализе особенностей выбора ответа «Затрудняюсь ответить».

Мы начнем с анализа стандартных отклонений оцифрованных ответов на вопросы (см. раздел 1.3). Эта статистика может использоваться как индикатор раскола во мнениях между экспертами: чем больше значения стандартного отклонения, тем выше разброс оценок между экспертами (степень несогласия между ними). Рассмотрим сначала несколько вопросов с максимальными стандартными отклонениями. Рекордное значение (0,666) выявлено для вопроса 54.

Таблица 2.4.1. Частоты ответов (в процентах) экспертов различных профессиональных групп на вопрос анкеты 54 «Насколько эффективна помощь гражданам, обращающимся в суд, работников суда (например, помощников судей и работников секретариатов)?»

Варианты ответов	судьи	адво- каты	юристы	журна- листы	правоза- щитники
1. Такая помощь эффективна и положительно влияет на общее качество правосудия	37,4	4,0	11,1	11,8	0,0
2. Такая помощь не очень эффективна, но это не сказывается на общем качестве правосудия	23,1	24,0	27,8	29,4	35,1
3. Такая помощь совсем не эффективна, и это снижает общее качество правосудия	4,4	36,0	22,2	23,5	10,8
4. Такие возможности не предусмотрены формальными нормами	26,4	32,0	36,1	17,6	51,4
5. Затрудняюсь ответить	8,8	4,0	2,8	17,6	2,7

Таблица 2.4.1 содержит частоты ответов на вопрос 54 для разных профессиональных групп. Мы видим, что разнообразие, причем, весьма контрастное, проявляется в трех ответах. Начнем с наиболее примечательных и неожиданных контрастов при выборе ответа 4 «Такие возможности не предусмотрены формальными нормами». Этот вопрос отсылает к формальной стороне дела – оценке норм, связанных с оказанием помощи истцам и иным клиентам судов. Разброс в два раза между судьями и правозащитниками – теми агентами судебного поля, которые должны быть более других знакомы с затрагиваемой в вопросе проблемой – впечатляет. Он слишком велик, когда речь идет о том, что касается конкретной информированности о нормах. Однако надо учитывать, что отсутствие норм в данном варианте ответа может трактоваться респондентами как недостаток норм или несовершенство нормативного регулирования.

Подтверждение этой гипотезе можно поискать следующим образом. Рассмотрим пять значений для каждой профессиональной группы экспертов индекса P_n (см. раздел 1.3), подсчитанного по всем вопросам, характеризующим формальный аспект справедливости правосудия. Сопоставим с этими пятью числами пять частот выбора ответа «4. Такие возможности не предусмотрены формальными нормами» из таблицы 2.4.1 с помощью коэффициента корреляции Кендэла. Поскольку речь идет о малой выборке, то можно воспользоваться точными (неасимптотическими) критериями⁵. Вычисления показывают, что гипотеза о зависимости высоко вероятна: ее шансы выше 95 из 100. Таким образом, высказанное предположение получает частное подтверждение. Следовательно, есть основания предполагать, что эксперты могут нередко пробелы в законах или низкое качество регулирования трактовать как отсутствие регулирования.

Теперь рассмотрим частоты выбора ответа «1. Такая помощь эффективна и положительно влияет на общее качество правосудия». Мы видим в таблице, что оптимизму судей категорически противостоит пессимизм адвокатов и правозащитников. Две последние группы объединяет то обстоятельство, что оцениваемая в этом вопросе помощь клиентам в судах со стороны работников судов составляет конкуренцию услугам, предоставляемым адвокатами и правозащитниками. Интересно, что при выборе ответа «3. Такая помощь совсем не эффективна, и это снижает общее качество правосудия» позиции судей и адвокатов симметрично меняются местами, а правозащитники не столь категоричны в негативной оценке, как адвокаты. Может быть, это означает, что их «ревность» не столь сильна, как у адвокатов.

Другой важный вопрос, вызывающий существенные разногласия между экспертами, что индицируется вторым по величине значением стандартного отклонения, равным 0,649, это вопрос 72 «В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями социального статуса сторон?». Мы видим в таблице 2.4.2, что снова позиции судей контрастно противостоят позициям адвокатов и юристов, к последним двум группам ближе и остальные группы. И снова позиции судей и адвокатов зеркально противоположны. Мы наблюдаем с регулярностью, что позиции судей в наибольшей степени противостоят позиции двух профессиональных групп, которые более других вовлечены в постоянную практику взаимодействия с судами.

Таблица 2.4.2. Частоты ответов (в процентах) экспертов различных профессиональных групп на вопрос анкеты 72 «В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями социального статуса сторон?»

Варианты ответов	судьи	адво- каты	юристы	журна- листы	правоза- щитники
1. Бывает довольно часто	4,4	64,0	33,3	47,1	62,2
2. Бывает довольно редко	27,5	32,0	38,9	29,4	13,5
3. Такие решения практически исключены	60,4	4,0	22,2	5,9	18,9
4. Затрудняюсь ответить	7,7	0,0	5,6	17,6	5,4

⁵ Кендэл М. Ранговые корреляции. – Зарубежные статистические исследования / Пер. с англ. – М., «Статистика», 1975.

Сопоставляя структуру размежевания оценок в двух только что проанализированных вопросах, мы можем сделать вывод, что руководствоваться социальным статусом сторон при вынесении судебных решений считается экспертами неправильным. В связи с этим уместно здесь отвлечься на анализ сходного соседнего вопроса 71 «В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями общественных интересов или общественной пользы?». По замыслу это такой же вопрос относительного того, в какой степени судьи при вынесении суждений руководствуются посторонними соображениями, лежащими за пределами закона. Однако, в данном случае реакция экспертов совершенно иная. Разница настолько разительна, что таблица частот заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью.

Таблица 2.4.3. Частоты ответов (в процентах) экспертов различных профессиональных групп на вопрос анкеты 71 «В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями общественных интересов или общественной пользы?»

Варианты ответов	судьи	адво- каты	юристы	журна- листы	правоза- щитники
1 Бывает довольно часто	19,6	36,0	13,9	17,6	10,8
2 Бывает довольно редко	34,8	40,0	27,8	52,9	51,4
3 Такие решения практически исключены	32,6	4,0	36,1	11,8	32,4
4 Затрудняюсь ответить	13,0	20,0	22,2	17,6	5,4

Мы видим, что в данном случае, нет столь резких отличий между профессиональными группами, как это наблюдалось раньше, и (за исключением адвокатов) довольно амбивалентное распределение оценок по вариантам ответов. Такое ощущение, что эксперты различаются не только по поводу оценки судебной практики, но и в отношении того, следует ли признавать практику, затрагиваемую вопросом, позитивной или негативной. Коль скоро это так, то это дает интересную информацию о правовом сознании экспертов. Значимая часть их признает такую практику естественной.

Другая характеристика, которой мы воспользуемся, среднее значение оцифрованных ответов всех респондентов для всех вопросов – E_i (раздел 1.3), что позволит нам выделить вопросы-темы, представляющие и наиболее болезненные проблемы, и наиболее благополучные стороны функционирования судебной власти. Но, прежде всего, рассмотрим, как соотносятся стандартное отклонение оцифрованных ответов и среднее значение оцифрованных ответов. Графическое представление указанного соотношения приведено на диаграмме рисунка

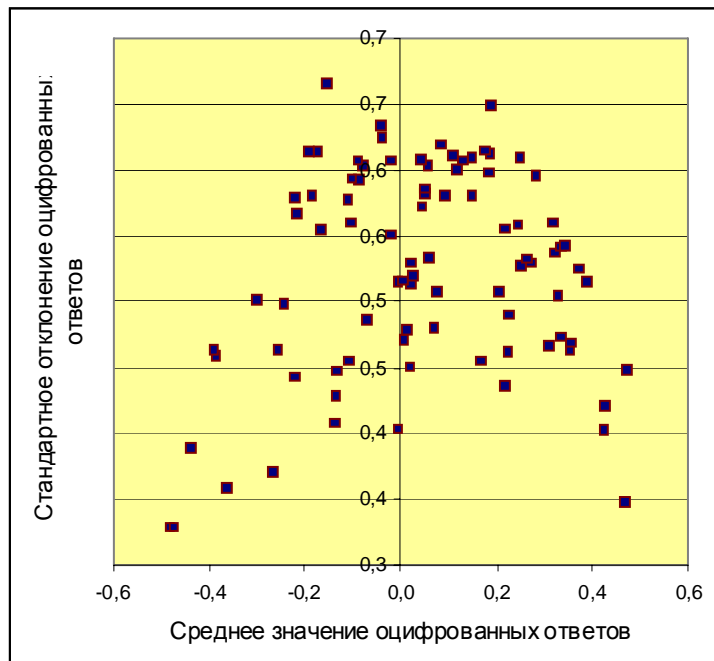

Рисунок 2.4.1. Диаграмма рассеяния двух переменных (одна точка – один вопрос анкеты): среднее значение оцифрованных ответов по всем экспертам (ось X), стандартное отклонение оцифрованных ответов по всем экспертам (ось Y)

Мы видим на диаграмме рассеяния перевернутую U-образную статистическую зависимость ожидаемого характера. Стандартное отклонение становится меньше и варьируется в меньшем диапазоне для вопросов, располагающихся на полюсах шкалы среднего значения оцифрованных ответов. Для вопросов со средними, близкими к нулю, стандартное отклонение варьируют в более широком диапазоне, но оно не может быть достаточно низким. Это означает, что относительно вопросов с высокими и низкими средними эксперты достаточно единодушны.

Теперь рассмотрим вопросы с наименьшими средними значениями оцифрованных ответов. Это вопросы, касающиеся тех аспектов функционирования судебной власти, которые рассматриваются экспертами как наиболее проблемные. Вот список этих аспектов (указываются номера соответствующих вопросов и значения средних):

48. Обременительность расходов на услуги адвоката для обычного гражданина (-0,483);

52. Обременительность для обычного гражданина неофициальных затрат (подарков, взяток и т.п.) при участии в судебном разбирательстве (-0,472);

53. Обременительность для среднестатистического юридического лица неофициальных затрат (подарков, взяток и т.п.) при участии в судебном разбирательстве (-0,438);

46. Возможность доступа (в том числе – электронного) к судебной статистике (-0,390);

88. Традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ) (-0,387);

55. Качество бесплатной правовой помощи (-0,363).

Следом рассмотрим аналогичный список для наибольших значений средних. Соответствующие вопросы касаются аспектов функционирования судебной власти, оцениваемых экспертами как наиболее благополучные:

65. Ориентация судов при вынесении решений на практику вышестоящих судов (0,469);

15. Престижность профессии судьи внутри юридического сообщества (0,469);

6. Влияние на независимость судей социальных гарантий деятельности судей (0,428);

5. Влияние на независимость судей финансовых гарантий деятельности судей (0,425);

47. Частота обращения в суды людей для защиты своих прав (0,388);

30. Влияние норм, регулирующих организацию и деятельность судебной власти, на доступность правосудия (0,373).

Теперь проанализируем содержание двух приведенных выше списков. Чуть выше, в связи с вопросом 71 экспертной анкеты, разбирался случай относительного единодушия экспертов в связи с оценкой явления, неоднозначно оцениваемого экспертами. Вопрос 65 снова дает нам пример подобного явления. Обратимся к приведенной ниже диаграмме рисунка 2.4.2.

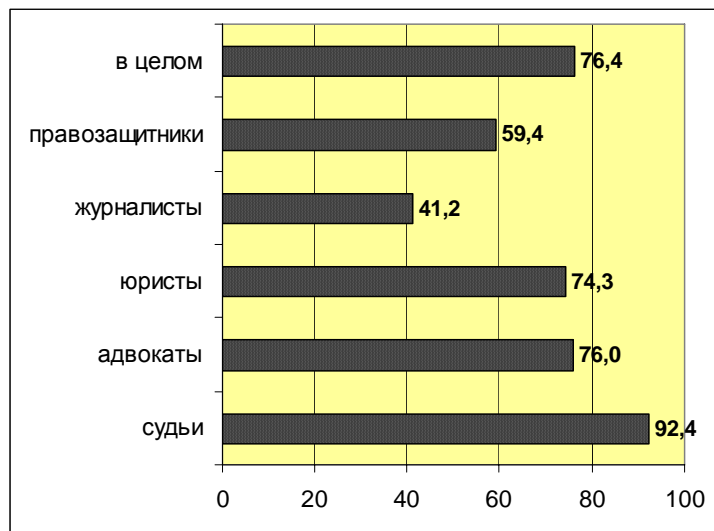

Рисунок 2.4.2. Суммы частот (в процентах) выбора ответов «1. Ориентируются всегда и неукоснительно» и «2. Ориентируются почти всегда» на вопрос 65 экспертной анкеты «В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?» для различных профессиональных групп и в целом для всех экспертов

Прежде всего, мы видим единодушие в позиции судей, которая появляется каждый раз, когда представители этой профессиональной группы в нашей выборке выражают позитивную оценку какого-либо аспекта функционирования судов. Из этого вытекает, прежде всего, что та ориентация на вышестоящие суды, которая затрагивается в вопросе 65, трактуется судьями как позитивное качество судейского корпуса. Что касается остальных профессиональных групп, дополнительный анализ показывает

следующее. Мы видим, что большинство представителей этих профессиональных групп, также как и судьи, рассматривают анализируемое нами явление как достаточно распространенное. Но оценка этого явления на групповом уровне амбивалентное: есть как те, кто разделяет позитивную оценку этого явления судьями, так и те, кто оценивает это явление негативно. Тем самым, мы можем говорить о неустоявшемся, переходном состоянии правового сознания профессионального юридического сообщества, в котором не сформировалась единая позиция относительно одного из важнейших аспектов процессуальной независимости судей и судебных решений.

Мы видим из первого списка, что он почти полностью состоит из вопросов, касающихся неформальных аспектов доступности правосудия. Единственное исключение в этом списке – вопрос 88 о традиции общественного контроля над работой судебной власти. В этом же списке имеются вопросы 52 и 53. Это означает, что проблемы коррупции эксперты относят к числу критических. Но констатируя этот вывод, мы должны учитывать, что оба эти вопроса вызвали у экспертов значительные затруднения: доля ответов «Затрудняюсь ответить» составляет 55 и 59 процентов соответственно для обоих вопросов.

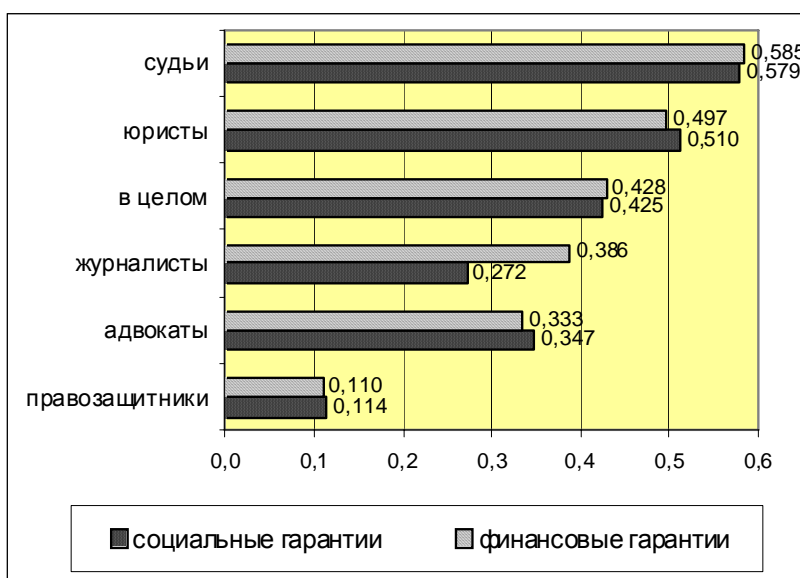
Второй список представляется разнообразнее. Мы уже обсудили в нем специфический вопрос 65. Оставшиеся пять вопросов касаются четырех различных сюжетов. Некоторые из них допускают сравнение с данными, полученными в наших социологических опросах. С них мы и начнем.

Вопрос 15 касался такого важного сюжета, как престижность профессии судьи внутри юридического сообщества. Мы видим, что этот аспект представляется экспертам довольно благополучным. Около 70 % экспертов считают, что профессия судьи котируется как «весьма престижная» и еще более 15 % признают ее «вершиной юридической карьеры». Однако это благолепие, конечно, весьма относительно. Характерно, что среди судей самый позитивный ответ выбрали только 20,7 %. Для сравнения, вопрос 16, касающийся престижности судейской профессии в оценке массового сознания, получил 12-е место по среднему оцифрованным вопросам со средним значением, равным 0,328. А теперь сравним с данными опросов. В оценках респондентов выборки граждан и предпринимателей судьи устойчиво занимают третье место в списке престижности юридических профессий. У предпринимателей они делят третье-четвертое места (с адвокатами), уступая нотариусам и прокурорам. А у граждан они пропускают вперед адвокатов и прокуроров. Если учесть, что соревнуются за лидерство непосредственные участники судебных разбирательств, то положение судей нельзя признать блестящим.

Теперь перейдем к вопросу 47 анкеты, которым экспертам предлагалось оценивать частоту обращения в суд граждан для защиты своих прав и интересов. Из соответствующей таблицы Приложения 2 мы видим, что более 28 % экспертов полагают, что обращение в суд – «очень распространенная практика», и еще более 55 % считают, что это «довольно распространенная практика». Более других проявляют оптимизм по поводу активности граждан судьи, а меньше других – правозащитники. А теперь сопоставим эти оценки с данными нашего опроса на выборке граждан. Установлено, что только 18,1 % респондентов сами обращались когда-либо в суды для разрешения каких-то проблем и затем участвовали в соответствующих судебных

разбирательствах⁶. Таким образом, мы снова убеждаемся, что **агенты поля юстиции имеют довольно смутное представление о его клиентах.**

Вопросы 5 и 6 анкеты давали возможность экспертам высказать суждения о влиянии финансовых и социальных гарантий на независимость судей. Понятно, что мы обсуждаем эти вопросы потому, что они вошли в список тех вопросов, которые связаны с аспектами деятельности судов и судей, оцененные экспертами как наиболее благополучные. Мы видим из соответствующих таблиц Приложения 2, что, к примеру, по мнению 17,5 % экспертов финансовые гарантии «полностью способствуют» независимости судей; и еще 53,9 % экспертов дают оценку «в некоторой степени способствуют». Однако от обобщенной картины перейдем к сравнению разных экспертных групп. Для этого будем использовать групповые средние оцифрованных ответов для вопросов 5 и 6 (см. рисунок 2.4.3).

Рисунок 2.4.3. Средние значения оцифрованных ответов на вопросы экспертной анкеты «5. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей?» и «6. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют социальные гарантии деятельности судей?» для различных профессиональных групп и в целом для всех экспертов

Из диаграммы приведенного выше рисунка мы видим, во-первых, что, за одним исключением (группа журналистов) эксперты различных групп статистически неразличимо оценивают действенность двух типов гарантий – социальных и финансовых. Это довольно странно, поскольку различна природа двух видов гарантий, а финансовые обрели функцию гарантий только после того, как сравнительно недавно заработная плата судей достигла достойного уровня. Во-вторых, мы видим очень высокий разброс средних для различных групп: максимум (судьи) более чем в пять раз превосходит минимум (правозащитники). Это требует объяснения.

⁶ Отметим, что репрезентативная российская выборка представляет не все население страны, а только правоспособных граждан в возрасте не менее 18 лет.

Здесь мы сталкиваемся с интересным эффектом, выявленным нами в ходе глубинных интервью. Некоторые эксперты говорили нам примерно так: «Существенное повышение судейской зарплаты, вместо теоретически предполагаемого укрепления их независимости, привело к их еще большему закреплению». И тут нет никакого откровения. Ведь то же самое касается и социальных гарантий, о чем было известно довольно давно. Например, предоставление судьям квартиры может оборачиваться подарком самого разного качества, что делает тех, кто эти квартиры предоставляет хозяевами, в определенной степени, судьбы многих судей. Подобным образом, утверждают эксперты, повышение зарплаты закрепило зависимость судей в связи со страхом потерять статус. Судьи вынуждены встраиваться в бюрократическую судебную вертикаль и систематически подтверждать лояльность ей.

Бесспорно: социальные и финансовые гарантии трактуются обычно как одно из средств обеспечения независимости судей. Но в нашем случае это «лекарство» дает противоположный эффект. Объяснение этой загадки можно найти в идеях отцов «Второй кибернетики» перуанских биологов Матураны и Варелы⁷. Они сформулировали следующий важный тезис: «Внешние воздействия на сложную адаптивную саморазвивающуюся систему не инструктивны». Иными словами: воздействия не содержат в себе инструкции, согласно которой сложная система должна реагировать на эти воздействия. Поэтому сложные системы реагируют на внешние воздействия в соответствии со своей внутренней структурой. Следовательно, различные сложные системы могут по-разному реагировать на одно и то же внешнее воздействие. В нашем случае специфическая реакция судебного поля на повышение зарплаты судей объясняется тем, что судебная власть уже была бюрократически иерархизирована в такой степени, что это доминирующее свойство превратило повышение зарплаты судей в дополнительный рычаг воздействия на них.

Теперь вернемся к результатам анализа экспертных ответов на вопросы 5 и 6. Наши рассуждения позволяют выдвинуть следующую гипотезу, объясняющую полученный результат. Мы видим, что наиболее высокая оценка влияния гарантий на независимость судей принадлежит самим судьям и корпоративным юристам. Мы предполагаем, что позиция юристов в данном случае определяется, прежде всего, представлениями о должном, сформированными общепризнанными положениями о влиянии гарантий на независимость судей. Такое предположение подтверждается, в частности, низкой частотой выбора юристами ответов «4. Скорее препятствуют независимости» и «5. В высокой степени препятствуют независимости правосудия и судей» (2,8 % и 0,0 % соответственно, равным образом для обоих вопросов). Распределение частот ответов в группе судей весьма близко к тому, что выявлено для группы юристов. Но если в первом случае теоретические представления могли теснить при генерации ответов практические наблюдения, то в случае судей этот вариант кажется маловероятным. Скорее всего, речь в данном случае идет о влиянии корпоративной солидарности, побуждающей судей «лакировать» действительность. Это предположение будет неоднократно подтверждаться ниже. В случае ответов адвокатов и правозащитников практика становится доминирующей, что и приводит к низкой оценке, вызванной наблюдением специфической реакции судебного поля на воздействие гарантиями.

---

⁷ Идеи Матураны и Варелы использовал Никлас Луман при построении своей теории социальных систем.

Нам осталось коснуться ответов экспертов на вопрос 30 о влиянии норм, регулирующих организацию и деятельность судебной власти, на доступность правосудия. Тут самое интересное – само попадание этого сюжета в список тех, что были оценены экспертами наиболее положительно. Это создает контраст попаданию в первый список наиболее негативных сюжетов нескольких вопросов о неформальных аспектах доступности правосудия. Следовательно, мы имеем пример высокого разрыва между формальным и неформальным аспектами одной из важных сторон функционирования судебной власти, что работает на Гипотезу 1, сформулированную в начале данного текста.

3. Россия: макроанализ

В этом разделе мы воспользуемся теми индексами, которые были описаны выше в параграфе 1.3 и Приложении 0. Наша главная цель – подтверждение Гипотезы 1, которую мы повторяем здесь еще раз:

Гипотеза 1. Для удовлетворительного функционирования судебной власти, находящейся в процессе трансформации, внеинституциональные факторы создают больше препятствий, чем дефекты или пробелы институционального дизайна.

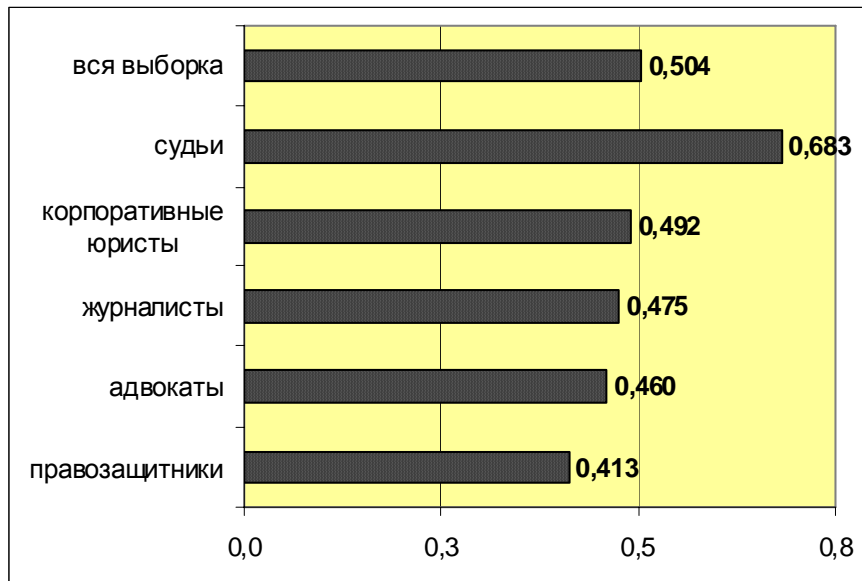
3.1. Сопоставление оценок для разных экспертных групп

Прежде всего, обратимся к основным данным, которыми мы будем оперировать в этом разделе. Речь идет о данных вычисления индекса P_p (см. раздел 1.3), который вычислен по всем 14 критериям, приведенным в разделе 1.2, для каждой экспертной группы в отдельности. Таким образом, P_p есть, в данном случае, доля положительных ответов на все вопросы анкеты, связанные с каждым критерием, для каждой экспертной группы в отдельности. Результаты вычисления значений индексов приведены ниже в таблице 3.1.1 вместе с рангами этих значений. Наименьший ранг для каждой экспертной группы приписывается самому большому значению критерия, т.е. критерию, занявшему первое место по своему значению. Наибольший ранг приписывается наименьшему значению критерия. Этот критерий, следовательно, в данной экспертной группе, соответствует наиболее проблемному аспекту функционирования судебной власти. Например, в группе судей видят больше всего проблем в неформальном аспекте доступности судов. А адвокаты, юристы и правозащитники видят больше всего проблем в качестве практики реализации норм. Из таблицы 3.1.1 можно усмотреть и другие частности. Например, самой благополучной зоной судьи считают принятие решений судьями (14-й критерий). А та же тройка – адвокаты, юристы и правозащитники – видят наименьшее число проблем в формальном аспекте независимости судов. Таблица 3.1.1 показывает нам, что в оценке экспертными группами разных аспектов функционирования власти имеются как различия, так и определенные сходства. Наша задача в них разобраться. Начнем с различий. С этой целью для каждой экспертной группы и для всех экспертов в целом вычислим средние значения индексов по всем критериям. Это делается, чтобы избавиться от влияния

Таблица 3.1.1. Индексы и ранги значений индексов критериев оценки работы судебной власти среди отдельных профессиональных групп экспертов и по всем экспертам в целом. Чем выше значение индекса, тем выше качество работы суда по данному критерию с точки зрения экспертов. Чем ниже ранг значение индекса, тем выше качество работы суда по данному критерию с точки зрения экспертов

№	характеристика	судьи		адвокаты		корпоративные юристы		журналисты		правозащитники		вся выборка	
		индекс	ранг	индекс	ранг	индекс	ранг	индекс	ранг	индекс	ранг	индекс	ранг
1	Формальный аспект независимости судов	0,838	2	0,740	1	0,818	1	0,659	2	0,609	1	0,733	1
2	Неформальный аспект независимости судов	0,658	9	0,303	12	0,338	12	0,364	10	0,291	11	0,391	10
3	Формальный аспект независимости судей	0,763	4	0,585	4	0,700	2	0,591	5	0,502	5	0,628	4
4	Неформальный аспект независимости судей	0,696	8	0,386	8	0,459	8	0,435	8	0,393	8	0,474	8
5	Формальный аспект доступности судов	0,610	11	0,493	7	0,511	7	0,500	7	0,432	7	0,509	7
6	Неформальный аспект доступности судов	0,479	14	0,346	11	0,347	11	0,281	14	0,299	10	0,350	13
7	Формальный аспект справедливости правосудия	0,769	3	0,691	2	0,576	5	0,644	3	0,500	6	0,636	3
8	Неформальный аспект справедливости правосудия	0,730	6	0,252	13	0,290	13	0,299	12	0,251	13	0,364	12
9	Качество норм, регулирующих работу судебной власти	0,752	5	0,642	3	0,658	3	0,676	1	0,542	4	0,654	2
10	Качество практики реализации норм	0,620	10	0,219	14	0,220	14	0,294	13	0,207	14	0,312	14
11	Качество неформальных практик	0,696	7	0,348	10	0,410	9	0,395	9	0,353	9	0,440	9
12	Степень влияния сопряженных институтов	0,551	13	0,358	9	0,381	10	0,335	11	0,286	12	0,382	11
13	Обеспеченность судов (по разным факторам)	0,560	12	0,513	6	0,563	6	0,630	4	0,568	2	0,567	6
14	Принятие решений судьями	0,841	1	0,560	5	0,615	4	0,544	6	0,551	3	0,622	5

различий в численности экспертных групп. Полученные средние характеризуют оценку качества функционирования судебной власти представителями каждой экспертной группы и всеми экспертами. Результаты вычислений приведены ниже на диаграмме Рисунка 3.1.1.

Рисунок 3.1.1. Усредненный по всем критериям индекс работы судебной власти внутри отдельных профессиональных групп и в целом по всем экспертам

Из диаграммы рисунка 3.1.1 видно, что судьи в своих оценках существенно сдвинуты в положительную сторону относительно остальных групп экспертов. Тут можно усмотреть, предполагавшийся и ранее, естественный мотив корпоративной защиты. На противоположном полюсе расположена группа правозащитников. Их сдвиг в сторону негативных оценок также понятен, поскольку по роду их работы им приходится систематически сталкиваться с наиболее тяжелыми случаями нарушений прав граждан. Однако возникает вопрос о причинах наблюдаемых различий. Возможны два принципиально различных объяснения. Первое – разные профессиональные группы имеют различные взгляды на функционирование судебной власти и иерархию проблем, выражаемую в значениях критериев; эти иерархии (структуры проблем) существенно различаются от группы к группе. Второе объяснение: структуры (иерархии) проблем в различных экспертных группах более или менее схожи; главные различия между группами состоят в различной оценке степени тяжести проблем. Огрубляя, можно сказать, что оценки разных групп как бы сдвинуты в положительную (как у судей) или отрицательную (как у правозащитников) стороны шкал индексов.

Эти альтернативы могут быть легко проверены простым способом. Возьмем столбцы таблицы 3.1.1 для каждой группы (заодно и для всех экспертов), содержащие ранги значений критериев и подсчитаем для этих шести столбцов коэффициенты ранговой корреляции Спирмена. Если все эти коэффициенты в совокупности достаточно велики, то мы имеем право выбрать вторую из перечисленных альтернатив, что, конечно, упрощает наш анализ. В противном случае мы обязаны остановиться на первой

альтернативе и анализировать разнообразие наблюдаемых структур (иерархий). Результаты вычислений ранговых корреляций приведены в таблице 3.1.2.

Таблица 3.1.2. Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между столбцами рангов из Таблицы 3.1.1. Одной и двумя звездочками помечены корреляции, позволяющие отвергнуть гипотезу о независимости ранжировок на пяти- и однопроцентном уровнях соответственно

	судьи	адвокаты	юристы	журналисты	правозащитники	все
судьи	1	0,605*	0,629*	0,616*	0,515	0,695**
адвокаты	0,605*	1	0,965**	0,930**	0,890**	0,965**
юристы	0,629*	0,965**	1	0,908**	0,925**	0,956**
журналисты	0,616*	0,930**	0,908**	1	0,886**	0,978**
правозащитники	0,515	0,890**	0,925**	0,886**	1	0,899**
все	0,695**	0,965**	0,956**	0,978**	0,899**	1

Мы видим, что в таблице 3.1.2 только одно значение ранговой корреляции слегка не дотягивает до пятипроцентного уровня. Да и то, речь идет о паре [судьи, правозащитники], различия внутри которой были видны и ранее. Слегка отклонившись от основной линии изложения, вынуждены прокомментировать этот результат. Прискорбно, что именно в представлениях этих двух групп мы видим самые большие различия (хотя и не антагонистические). Ведь речь идет о двух отрядах, один – от власти, другой – от гражданского общества, решающих общую задачу: обеспечивающих гражданам предоставление услуг справедливости.

Возвращаясь к Таблице 3.1.2, мы видим, что имеем веские основания остановиться на второй из перечисленных выше альтернатив, что будет использовано ниже при дальнейшем анализе.

Еще одно забавное наблюдение из Таблицы 3.1.2: самая высокая корреляция в таблице соответствует паре [все эксперты, журналисты]. Если позволить себе легкую спекуляцию (должен же кто-то иногда говорить о журналистах доброе слово), то допустим такой вывод: усредненную (общую) точку зрения лучше всех отражают журналисты.

3.2. Сопоставление критериев

Теперь мы можем перейти к сопоставлению различных критериев, которыми в данном исследовании описывается качество работы судебной власти в различных аспектах. Это подведет нас непосредственно к проверке гипотезы 1. Чтобы читатели не заподозрили нас в статистическом трюкачестве, мы воспользуемся двумя способами сопоставления критериев.

Но сначала несколько слов о том, каким образом мы можем судить в данном случае о правдоподобности гипотезы 1. Напомним, что среди четырнадцати критериев выделяется две группы. Первая – критерии, характеризующие внутренние формальные аспекты функционирования судов и судей, касающиеся качества соответствующего нормативного регулирования. Иногда мы описываем всю эту сферу термином

«институциональный дизайн», возможно – не полностью адекватным. Вторая – критерии, относящиеся к остальным аспектам функционирования судебной власти. Эти аспекты касаются либо функционирования институтов, сопряженных с судебной властью и влияющих на ее функционирование, либо относящиеся к неформальной сфере (включая неформальные институты). Если гипотеза 1 верна, то мы увидим, что индексы критериев первой группы будут иметь в среднем более высокие значения, чем индексы критериев второй группы.

Теперь обратимся к диаграмме Рисунка 3.2.1. На ней различные критерии сравниваются по значениям индекса, приведенного в последнем столбце Таблицы 3.1.1.

Рисунок 3.2.1. Индексы критериев работы судебной власти в целом по всем экспертам, полученные как средние значения критерия по всем экспертам

Будем анализировать результаты, представленные на Рисунке 3.2.1 вместе с данными следующей диаграммы. Напомним, что в конце предыдущего параграфа мы пришли к заключению, что оценки экспертов различных профессиональных групп несколько сдвинуты друг относительно друга. Это может смазывать сравнение с помощью обычного среднего арифметического. Поскольку мы убедились в определенном сходстве структур оценок у разных экспертных групп, то мы можем воспользоваться другим способом сравнения критериев. Мы используем столбцы рангов индексов из Таблицы 3.1.1 и усредним их по всем группам экспертов. На диаграмме следующего рисунка приведены результаты этих вычислений.

Рисунок 3.2.2. Индексы критериев работы судебной власти в целом по всем экспертам, полученные как средние значения рангов индексов по пяти экспертным группам

Сначала некоторые технические и частные комментарии к Рисунку 3.2.2. Средний ранг, который использован сейчас для сравнения критериев, изменяется в промежутке от 1 до 14. Обратите внимание, что вычисленные нами средние ранги заполняют почти весь промежуток изменения (от 1,3 до 13,2). Это лишний раз говорит о том, что вычисление среднего ранга процедура адекватная в нашем случае.

Однако для некоторых критериев разброс рангов может быть ощутимым. Выявим такие критерии с помощью совместного использования двух критериев. Первый – разница между максимальным и минимальным рангами: второй – та же разница, отнесенная к среднему рангу. По совокупности двух этих статистик выделяются пять критериев, которые перечисляются ниже вместе со значениями двух примененных статистик:

- Формальный аспект справедливости правосудия (4; 1,09);
- Неформальный аспект справедливости правосудия (7; 0,61);
- Качество норм, регулирующих работу судебной власти(4; 1,33);
- Обеспеченность судов (по разным факторам) (10; 1,67);
- Принятие решений судьями (5; 1,25).

Оценка «формального аспекта справедливости правосудия» проявила различия между группами адвокатов, которые отвели этому критерию второе место, и правозащитниками, среди которых тот же критерий занял шестое место. Впрочем, это различие не очень существенно. А вот «неформальный аспект справедливости правосудия» растащил оценки судей, присвоивших этому критерию шестое место, и трех групп – адвокатов, корпоративных юристов и правозащитников, дружно поставивших этот критерий на далекое 13-е место (журналисты поставили на 12-е место). Тут мы видим явное проявление корпоративного духа, побуждающего судей приукрашивать ситуацию. «Качество норм, регулирующих работу судебной власти» представители группы журналистов ставят на первое место, чему вряд ли стоит придавать значение в силу дружной позиции остальных групп, отведших этому критерию места с 3-го по 5-е.

Рекордный разрыв мы наблюдаем при оценке «обеспеченности судов». По оценке судей ситуация почти трагическая, поскольку этот критерий поставлен ими на 12-е место. С судьями категорически несогласны правозащитники, отнесшие этот критерий на 2-е место (т.е. считая этот аспект весьма благополучным). Ситуация столь же курьезная, сколь велик разрыв между местами. Единственное утешение в том, что этот критерий не существенен для оценки проверяемой нами гипотезы. То же самое можно сказать и о последнем из отобранных нами критериев – «принятие решений судьями». Нас не удивит уже, что эксперты-судьи отвели этому критерию первое место, сочтя, что именно здесь самая благополучная зона функционирования судов. Вершина корпоративной этики! Иной точки зрения придерживаются журналисты, присвоившие этому критерию шестое место. Общее пятое место, отводимое всеми экспертами этому критерию, надо признать вполне достойной оценкой судебного корпуса.

Итак, мы увидели самый драматичный разрыв в оценках критерия «обеспеченность судов», но это обстоятельство не влияет на решение главной задачи – проверки Гипотезы 1.

3.3. Проверка Гипотезы 1

Вернемся к диаграммам рисунков 3.2.1 и 3.2.2. Используем их, чтобы построить таблицу, которая позволит сопоставить данные обеих диаграмм, с одной стороны, и списки критериев, относящихся к группе благополучных и проблемных качеств, с другой стороны. Для этого по данным обеих диаграмм мы отберем критерии (пригодные для проверки Гипотезы 1) из верхней семерки благополучных и нижней семерки проблемных. Из сопоставления исключаются критерии «Принятие решений судьями» и «Обеспеченность судов», поскольку они не имеют отношения к решаемой задаче по своему содержанию. Но интересно другое: после исключения этих двух критериев оставшиеся упорядочены одинаково и по средним значениям, и по средним рангам. Это не математический артефакт, а свидетельство устойчивости наблюдаемых нами эффектов. Результаты распределения критериев по двум группам представлены в Таблице 3.3.1. Фактически, она в иной удобной форме представляет результаты диаграмм 3.2.1 и 3.2.2.

Таблица 3.3.1. Сравнение списков критериев, распределенных по группам благополучных и проблемных, по данным диаграмм 3.2.1 и 3.2.2. Сохранено упорядочение критериев на диаграммах

Группа	Критерии, отобранные по средним значениям (и рангам)	средние значения	средние ранги
Благополучные критерии	1. Формальный аспект независимости судов	0,733	1,3
	9. Качество норм, регулирующих работу судебной власти	0,654	3,0
	7. Формальный аспект справедливости правосудия	0,636	3,7
	3. Формальный аспект независимости судей	0,628	4,0
	5. Формальный аспект доступности судов	0,509	4,0
Проблемные критерии	6. Неформальный аспект независимости судей	0,474	8,0
	11. Качество неформальных практик	0,440	8,8
	2. Неформальный аспект независимости судов	0,391	10,7
	12. Степень влияния сопряженных институтов	0,382	11,0
	8. Неформальный аспект справедливости правосудия	0,364	11,5
	6. Неформальный аспект доступности судов	0,350	12,2
	10. Качество практики реализации норм	0,312	13,2

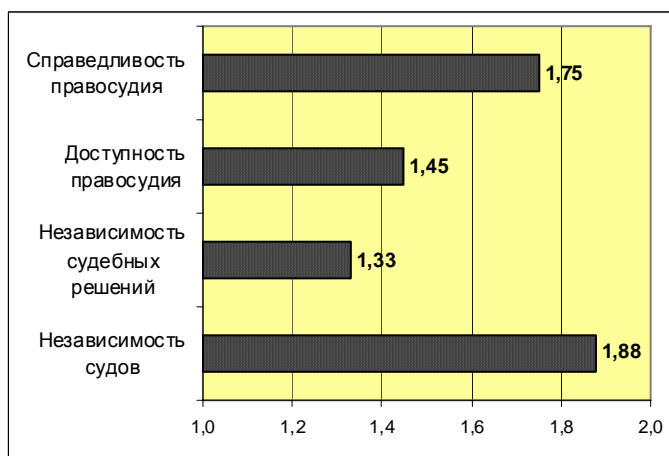
Самый главный факт, вытекающий из данных Таблицы 3.3.1: мы видим, что список проблемных критериев полностью совпадает со списком критериев, характеризующих либо неформальные аспекты функционирования судов, либо влияние сопряженных институтов (внеинституциональные аспекты). Вместе с тем, список благополучных критериев полностью совпадает со списком критериев, характеризующих формальные аспекты функционирования судебной власти. То же самое утверждение можно сформулировать по-другому: значение индекса любого критерия, характеризующего формальные аспекты функционирования судебной власти, выше значения индекса любого критерия, характеризующего внеинституциональные аспекты. Тем самым, **Гипотеза 1 получает убедительное подтверждение.**

Рассмотрим данные таблицы 3.3.1 подробнее. Она позволяет сделать нам следующие частные выводы:

- наиболее проблемной зоной эксперты сочли практику реализации норм, регулирующих работу судебной власти и неформальный аспект доступности судов;
- из проблемных критериев внеинституционального толка наименее проблемным эксперты сочли «Неформальный аспект независимости судей»;
- наиболее благополучными аспектами функционирования судов эксперты определили «Формальный аспект независимости судов» и «Качество норм, регулирующих работу судебной власти»;
- в списке благоприятных аспектов наименее благоприятным эксперты определили «Формальный аспект доступности судов».

Теперь попробуем численно квалифицировать разрыв между формальными и неформальными аспектами функционирования судебной власти. Для этого сосредоточимся на четырех базовых аспектах функционирования судебной власти: независимость судов, независимость судей (судебных решений), доступность судов и справедливость правосудия. Каждый из этих аспектов характеризуется двумя критериями, описывающими формальную и неформальную стороны проявления данного аспекта. Воспользуемся индексом R_n для каждого критерия и внутри одного аспекта рассмотрим отношение этого индекса для неформального критерия по отношению к формальному. Обозначим этот индекс символом R_n . Его смысл предельно ясен: во сколько раз чаще эксперты выбирают отрицательные ответы в отношении неформальной стороны некоторого аспекта по сравнению с формальной стороной этого же аспекта.

Индекс R_n можно рассчитать отдельно для каждого из четырех аспектов по всем экспертам. Это позволит нам определить, в какой мере эксперты полагают неформальные критерии функционирования судов более проблемными по сравнению с формальными для каждого аспекта. Результаты таких расчетов приведены на следующем рисунке.

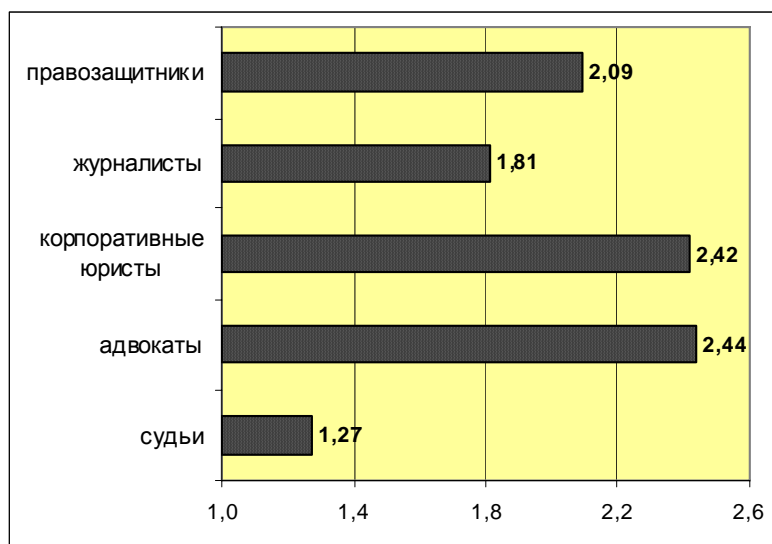

Рисунок 3.3.1. Значения индекса R_n для четырех базовых аспектов функционирования судебной власти

Из диаграммы Рисунка 3.3.1 мы заключаем, что максимальный разрыв в проблемности неформальной и формальной сторон функционирования судебной власти достигается для независимости судов, а минимальный – для независимости судебных

решений. Это различие между двумя типами независимости требует объяснения. Возможная гипотеза такова. Можно предположить, что оценки экспертов определяются не только личным опытом, но и дискурсом в отношении судебной власти. Мы установили при анализе дискурса, что тема независимости судов – самая популярная, в то время как процессуальная независимость судей обсуждается несопоставимо меньше. Возможно, что это обстоятельство влияет на полученные результаты. Конечно, данная гипотеза, несмотря на ее правдоподобность, нуждается в дополнительных подтверждениях.

Теперь для независимости судов рассчитаем индекс R_n отдельно для каждой экспертной группы, что позволит нам определить, в какой мере представители каждой из групп проблематизируют неформальную сторону этого аспекта функционирования судов по-сравнению с формальным⁸. Рассмотрим результаты этих расчетов на диаграмме следующего рисунка.

Рисунок 3.3.2. Значения индекса R_n в отношении независимости судов для пяти профессиональных групп экспертов

Мы видим на диаграмме Рисунка 3.3.2, что более других проблематизируют разрыв между неформальным и формальным аспектами независимости судов адвокаты и корпоративные юристы: превышение частоты выбора негативных ответов почти в два с половиной раза. А судьи почти не признают существование такого разрыва в данной сфере. В данном случае нуждается в объяснении отличие оценок правозащитников от единой позиции адвокатов и корпоративных юристов. Можно предположить, что основное различие лежит в сфере практик представителей этих групп. Возможно, что адвокаты и корпоративные юристы существенно чаще сталкиваются с неформальной стороной деятельности судов. Чтобы проанализировать эти различия подробнее рассмотрим все четыре аспекта функционирования судебной власти через призму индекса R_n . Результаты представлены в следующей таблице.

⁸ Мы выбрали именно независимость судов, поскольку чуть выше было установлено, что именно для этого аспекта деятельности судебной власти максимален разрыв между неформальным и формальным критериями.

Таблица 3.3.2. Значения индекса R_n для различных аспектов функционирования судебной власти в оценке разных профессиональных групп экспертов

Аспекты	профессиональные группы				
	судьи	адвокаты	корпоративные юристы	журналисты	правозащитники
Независимость судов	1,274	2,442	2,420	1,810	2,093
Независимость судей	1,096	1,516	1,525	1,359	1,277
Доступность судов	1,273	1,425	1,473	1,779	1,445
Справедливость правосудия	1,053	2,742	1,986	2,154	1,992

Похоже, что влияние практики представителей различных профессиональных групп экспертов действительно влияет на их оценки, что далее сказывается в наблюдаемых нами результатах вычисления различных индексов. Мы выше разобрали, фактически, эту гипотезу, для независимости судов и видим, что сохраняется то же самое соотношение между оценками правозащитников, с одной стороны, и адвокатов и корпоративных юристов – с другой. В случае доступности судов самой пессимистической оценкой выделяются журналисты. Скорее всего, это объясняется тем, что из всех профессиональных групп они больше всего страдают от неформальных ограничений по формально свободному доступу в зал суда.

Крайне любопытна последняя строчка. Дело, конечно, не в том, что судьи не разделяют пессимизма остальных экспертов в отношении разрыва между неформальным и формальным аспектами справедливости правосудия. Это не удивительно. Мы видели в первых трех строчках практически солидарную позицию адвокатов и корпоративных юристов. А в отношении справедливости правосудия их позиции резко разошлись. Если корпоративные юристы дают статистически неразличимые оценки вместе с журналистами и правозащитниками, то адвокаты остались в гордом пессимистическом одиночестве. В данном случае различие позиций между адвокатами и корпоративными юристами объясняется практически однозначно. Корпоративные юристы имеют дело с арбитражным процессом, реже – с административным. А адвокаты чаще работают в судах общей юрисдикции, сталкиваясь (чаще) с уголовным и (реже) с административным процессами. Но выше мы видели (см. Рисунок 2.3.2) пример того, что процессуальная справедливость в оценках всех экспертов, лучше обеспечивается в арбитражном процессе, по сравнению с уголовным или административным. Стало быть, адвокаты в своей практике чаще сталкиваются с нарушениями процессуальной справедливости, нежели корпоративные юристы.

3.4. Портреты⁹ профессиональных групп экспертов

Мы завершим данный раздел, развив тему, возникшую в конце предыдущего параграфа в связи использованием индекса R_n для описания различий между различными профессиональными группами. Прежде всего, мы воспользуемся приемом выделения вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних

⁹ Этот термин используется здесь как метафора описания отдельных групп экспертов.

оцифрованных ответов (по пять вопросов), как это делалось в параграфе 2.4, применительно к каждой профессиональной группе, вернувшись, тем самым, к микроанализу. А затем снова обратимся к макроанализу, рассмотрев особенности профессиональных групп в терминах четырнадцати используемых нами критериев.

Таблица 3.4.1. Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы судей

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	индекс	Вопрос	индекс
63. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются нормами закона?	0,713	36. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения арбитражных дел?	-0,300
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,661	55. Каково качество бесплатной правовой помощи?	-0,350
30. Каким образом нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на доступность правосудия?	0,658	52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,465
40. В какой степени является проблемой при обращении в суд график его работы?	0,617	48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,465
85. В какой степени состязательность и равноправие сторон являются естественной профессионально-этической нормой судебного сообщества	0,605	53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,475

Мы видим из данных Таблицы 3.4.1, что четыре из пяти позитивно оцененных судьями вопросов касаются собственно работы судов и судей. Вместе с тем, три из пяти максимально негативно оцененных вопросов относятся к внешним по отношению к судьям и судам факторам. Сюда же относится, естественно, и вопрос о достаточном числе судей, ибо оно определяется за пределами судебной власти. Интересно, что в список негативно оцененных вопросов входят и два, касающихся неофициальных затрат клиентов. Возможно, что здесь коррупция, о которой, по существу, идет речь в вопросах, трактуется как внешний «природный» фактор, что свойственно восприятию коррупции гражданами России¹⁰. Если такое предположение справедливо, то снова появляются основания для заключения о том, что судьи при выборе ответов руководствуются в существенной мере корпоративными интересами. Однако ниже мы увидим, что они, во-первых, не одиноки, а во-вторых, корпоративный интерес – не единственное основание для ответа.

¹⁰ Тут снова уместно напомнить, что при ответе на два вопроса о коррупции эксперты, и судьи – в первую очередь, очень часто уклонялись от ответа.

Таблица 3.4.2. Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы адвокатов

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	индекс	Вопрос	индекс
47. Как часто люди обращаются в суды для защиты своих прав?	0,517	82. В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в административном процессе?	-0,493
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,517	46. Существует ли возможность доступа (в том числе – электронного) к судебной статистике?	-0,515
15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества?	0,462	88. Существуют ли традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ)?	-0,558
16. В какой степени профессия судьи является уважаемой в общественном сознании?	0,350	19. Существует ли, и в какой степени, неформальное влияние на судей со стороны судебной бюрократии?	-0,580
5. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей?	0,347	17. Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияния на судей?	-0,595

Таблица 3.4.3. Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы корпоративных юристов

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	индекс	Вопрос	индекс
5. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей?	0,510	67. Насколько охотно судьи пользуются возможностью встать на защиту прав человека, если возникает конфликт между буквой закона и правами человека?	-0,542
1. Каким образом, по Вашему мнению, нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на ее независимость?	0,510	52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,554
6. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые и социальные гарантии деятельности судей?	0,497	20. Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?	-0,598
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,467	48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,604
15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества?	0,458	88. Существуют ли традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ)?	-0,618

Таблица 3.4.4. Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы журналистов

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	индекс	Вопрос	индекс
21. В какой степени информация о деятельности судебной власти востребована обществом?	0,439	55. Каково качество бесплатной правовой помощи?	-0,551
15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества?	0,434	45. В какой мере для желающих развиты возможности электронного доступа (в том числе – через сеть Интернет) к информации о судебных решениях?	-0,555
16. В какой степени профессия судьи является уважаемой в общественном сознании?	0,427	46. Существует ли возможность доступа (в том числе – электронного) к судебной статистике?	-0,583
30. Каким образом нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на доступность правосудия?	0,422	52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,603
6. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые и социальные гарантии деятельности судей?	0,386	48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,706

Таблица 3.4.5. Пять наиболее позитивно и негативно оцененных вопроса по средним оцифрованным ответам для профессиональной группы правозащитников

Позитивные оценки		Негативные оценки	
Вопрос	индекс	Вопрос	индекс
71. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями общественной пользы или общественной пользы?	0,426	52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,553
15. В какой степени профессия судьи является престижной внутри юридического сообщества?	0,418	17. Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияния на судей?	-0,571
21. В какой степени информация о деятельности судебной власти востребована обществом?	0,316	41. Предусматривают ли нормы, регулирующие работу судов, возможность прибегать к помощи специальных консультантов – работников суда (например, помощников судей и работников канцелярий, секретариатов)?	-0,571
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,302	48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,649
32. Каким образом на доступность правосудия влияют финансовое и материальное обеспечение (здания, связь и т.п.)?	0,293	88. Существуют ли традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ)?	-0,649

Рассмотрим теперь, что общего в определении благополучных или проблемных зон в различных профессиональных группах. Начнем с позитивной стороны работы судов и судей. Во всех группах, кроме журналистов, в числе максимально позитивно оцененных обнаруживается вопрос 65, касающийся зависимости судебных решений от практики вышестоящих судов. Эксперты фиксируют, тем самым, наличие такой зависимости. Однако остается открытым вопрос: хорошо это или плохо (как это обсуждалось выше в параграфе 2.3). С одной стороны, такая зависимость способствует единству правоприменения, позволяет исправлять судебные ошибки. С другой стороны, такая зависимость препятствует самостоятельности судебных решений. Еще одно сходство обнаруживается между группами судей и журналистов: эксперты обеих групп высоко оценивают влияние на доступность правосудия норм, регулирующих организацию и деятельность судебной власти (вопрос 30). На этом исчерпываются сходства между группой судей и остальными группами. В остальном обнаруживаются отличия группы судей от остальных и сходства между последними.

Все четыре группы отмечают престижность судейской профессии (вопросы 15, 16), либо внутри юридического сообщества, либо в общественном мнении, либо и то, и другое (как адвокаты). Эта единая оценка тем более характерна, что она не поддержана подобными оценками судей. Они свою оценку престижности судейской профессии внутри юридического сообщества поместили на 13-е место, а в глазах общественного мнения – аж на 31-е. Подобная скромность требует объяснения. Ведь она вступает в противоречие не только с оценками остальных экспертов, но и с данными наших социологических опросов. Бизнесмены ставят суды на первое место по доверию среди всех властных и общественных институтов. Граждане ставят суды на первое место среди всех властных институтов. Но это речь идет об институтах. Когда речь идет о самих судьях, ситуация меняется. В ответе на прямой вопрос: «КАКОЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. С ВАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ПОЛЬЗУЕТСЯ НАИБОЛЬШИМ УВАЖЕНИЕМ В НАШЕЙ СТРАНЕ?», бизнесмены и граждане ставят судей на третье-четвертое место вслед за адвокатами, прокурорами, нотариусами. Причем на эту иерархию не влияет даже опыт общения с судом. Но выясняется одно крайне любопытное обстоятельство. Если мы посмотрим, как оценивают престиж судейской профессии в зависимости от типа используемых источников информации, то обнаруживается отчетливая зависимость: те респонденты, которые пользуются преимущественно профессиональной информацией о работе судов, помещают судей на первое место. Особенно отчетливо это проявляется у предпринимателей. Отсюда напрашивается вывод относительно тенденции, доминирующей в СМИ («любительском» источнике информации) в отношении оценки судей: она преимущественно негативная. Понятно, что такая оценка оказывает влияние на диспозиции граждан. Следовательно, пытаясь объяснить низкую самооценку судьями престижа своей профессии в глазах общества, мы можем предположить с весомой долей уверенности, что судьи рефлексируют формируемое в СМИ представление о себе и учитывают его, вынося свои суждения при оценке на соответствующий вопрос экспертной анкеты. Впрочем, возможно и другое объяснение: завышенная самооценка приводит судей к высокой требовательности к окружающим, не находящей достаточного подтверждения. Это и приводит к наблюдаемому нами результату – сравнительно низкой оценке престижа своей профессии в глазах других.

Другой общий фактор, объединяющий позитивные оценки трех групп, помимо групп судей и правозащитников, образован оценками гарантий независимости судей, как финансовых, так и социальных, в разных сочетаниях (вопросы 5 и 6). Судьи, впрочем,

оценивают эти аспекты своей работы достаточно уважительно, отводя им 8-е и 9-е места. Правозащитники ставят их на 12-е и 14-е места. Видимо, они считают, что материальные стимулы не относятся к числу самых главных. Иные объяснения рассматривались выше. Тут, как представляется, следует отводить этим оценкам нужное место. Мы полагаем, что указанные позитивные оценки гарантий следует трактовать как оценку их нормативного наличия и масштаба. Иное дело – их конечный эффект. Выше уже упоминалось, что высокая зарплата судей в нынешних условиях скорее закрепляет их зависимость, нежели стимулирует независимость.

Теперь перейдем к сопоставлению рекордно негативных оценок проблем, затронутых вопросами экспертной анкеты. Первое, что бросается в глаза, это единая точка зрения на два вопроса, оценка которых объединяет все группы, кроме адвокатов. Один вопрос, номер 42, касается обременительности услуг адвокатов. Последние осознают это как проблему, но отводят ей лишь 65-е место. Другой вопрос, номер 52, формулируется так: «Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?». Тут, надо признать, адвокаты не попали в общую компанию по чисто формальному критерию: они поставили эту проблему на шестое место по степени негативности. Поэтому мы вправе присоединить их оценку к оценкам остальных групп.

Поразительно, что единодушно признав эту проблему как одну из самых критических, профессиональные группы не были столь же едины в реакции на прямой вопрос 20 «Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?». В пятерку поместили эту проблему лишь отважные корпоративные юристы. Адвокаты и правозащитники отвели коррупционному влиянию 81-е место, близкое к рекордной негативной пятерке. Журналисты присвоили коррупции 71-е место, а судьи – умеренное 54-е место. Разумно предположить, что различная реакция на, фактически, одну и ту же проблему объясняется различием формулировок. В случае вопроса 20 тема коррупции вводится так, что подразумеваются прямые участники этого безобразия: те, кто «коррупционно влияют» и кто поддается влиянию. В случае же вопроса 52 коррупция находится на фоне страдающего от него населения (большие издержки) в виде абстрактного зла. Понятно, что в этом случае признать явление и степень его негативности гораздо легче. Тем не менее, надо отдать должное объективности экспертов, внесших проблему, поставленную вопросом 52, в число наиболее критических. На этом важные общие черты групп заканчиваются и начинаются специфические черты.

Мы видим из таблицы 3.4.4, что журналисты, со свойственной им профессиональной непосредственностью, позитивнее всего оценивают собственную сферу деятельности: они полагают, что граждане крайне нуждаются в их информации. Точно также к сфере корпоративного интереса относятся два негативно оцененных вопроса – 45 и 46, касающихся доступа к нужной журналистам информации. Потому можно предположить, что в оценках этой профессиональной группы также прослеживается корпоративный интерес.

К специфическим особенностям группы правозащитников нужно отнести негативную оценку ею обозначенной выше проблемы, представленной вопросом 88. Но если для прочих профессиональных групп признание этой проблемы – лишь хладнокровная констатация факта, то в случае правозащитников это очевидная самокритика, которая не была продемонстрирована другими группами.

Теперь вернемся к макроанализу и воспользуемся рангами индексов для отбора специфических черт профессиональных групп. В следующую таблицу мы будем отбирать критерии, специфические для той или иной группы в двух случаях. Первый случай: если некоторая группа приписала критерию ранг индекса, существенно более низкий, чем все остальные группы; это означает, что данная группа оценивает это качество контрастно положительнее остальных групп. Второй случай: если некоторая группа приписала критерию ранг индекса, существенно более высокий, чем все остальные группы; это означает, что данная группа оценивает это качество контрастно отрицательнее остальных групп.

Таблица 3.4.6. «Портреты» профессиональных групп экспертов, построенные по рангам критериев внутри этих групп, выделяющихся в позитивную или негативную сторону по отношению к оценкам остальных групп

Профессиональные группы	Аспекты, оцениваемые контрастно позитивно	Аспекты, оцениваемые контрастно негативно
Судьи	Формальный аспект доступности судов Неформальный аспект справедливости правосудия Качество практики реализации норм Качество неформальных практик Принятие решений судьями	Обеспеченность судов (по разным факторам)
Адвокаты		
Корпоративные юристы		Формальный аспект независимости судей
Журналисты	Качество норм, регулирующих работу судебной власти	
Правозащитники		

Адвокаты и правозащитники в описании Таблицы 3.4.6 не выделяются, ибо сходны между собой и отличаются от остальных групп более негативными оценками в целом. Журналисты благодушно настроены в отношении законов, регулирующих работу судебной власти, а корпоративные юристы положительнее других оценивают ту часть норм, которые регулируют независимость судебных решений. Оба указанных специфических признака не поддаются немедленной интерпретации и нуждаются в дополнительном анализе.

На другом полюсе описания – яркий портрет группы судей. В нем интересно то, что они единственные негативно оценивают обеспеченность судов. Тут, как говорится, им виднее. Однако нельзя не принимать во внимание тот факт, что они последние годы стали получать весьма достойную зарплату. Вместе с тем, судьи в основном переоценивают качество неформальной стороны работы судов, что характерно и нуждается в объяснении, к чему мы и перейдем.

Говоря о том, что ответы экспертов могут порождаться корпоративными интересами, мы не должны забывать, что неформальная корпоративная этика группы порождается единством специфических для этой группы практик. Отсюда следует, что на ответы могут влиять эти практики непосредственно, без отнесения к корпоративным

интересам. Зафиксируем этот факт, чтобы вернуться к нему чуть позже, закрепив за ним название «Аргумент №1».

Наш проект различными способами (включая данное экспертное исследование) подтверждает базовую Гипотезу 2: «Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле). Большая, по валовому показателю числа рассматриваемых дел, фракция характеризуется рутинными делами, лишёнными внешнего интереса и влияния, а потому решаемыми в соответствии с законом и справедливостью (правом). Меньшая фракция касается дел, в которых задействован внешний интерес. Именно в таких делах проявляются основные дефекты правосудия».

Если мы говорим об уголовных делах, то здесь главная проблема, как показывают данные статистики и наши глубинные интервью, – обвинительный уклон. Но он объясняется в большей степени влиянием сопряженных институтов и старым правосознанием, когда судьи рассматривают себя не как арбитры, а как часть единой «правоохранительной системы», «карающей машины». Если говорить о гражданском или административном процессах, то здесь доля дел, в которых наличествует внешний властный или корыстный интерес, очень невелика. Еще меньше доля судей, которые послушно и привычно разрешают подобные дела в угоду внешнему интересу. Как показывают глубинные интервью, нынешние возможности председателей судов позволяют влиять на распределение дел. Внешнее влияние, особенно – политическое или административное, осуществляется именно через председателей судов, а те перераспределяют это влияние на судей, про которых известно, что они «решат правильно». Итак, доля судей, в деятельности которых проявляются кардинальные дефекты правосудия, довольно невысока. Это утверждение мы назовем «Аргумент №2».

Наконец, «Аргумент №3». Разные исследования в рамках нашего проекта подводят к заключению о влиянии СМИ на оценки граждан (и, в частности, - экспертов) в отношении судебной власти. Более того, СМИ почти не рассказывают о позитивных сторонах работы судебной власти, но напротив, что вполне естественно, охотно сосредотачиваются на негативных проявлениях работы судов. Это создает определенные комплексы у судей и влияет на диспозиции в отношении судов у остальных. Во время экспертного анкетирования часть судей агрессивно воспринимали сам факт анкетирования, рассматривая его как часть «нападок», и уж тем более неприязненно они воспринимали вопросы, которыми презюмировалось наличие коррупции в судах или иных «неприличных» аномалий. Это – типичное проявление социального комплекса.

Три приведенные аргумента позволяют взглянуть более широко и непредвзято на наблюдаемое нами различие в ответах судей и остальных групп экспертов. Аргументы №1 и №2 вместе позволяют предположить, что среди наших экспертов большинство составляли обычные судьи, вовлеченные в рутинную судебную практику и принимающие нормальные судебные решения в соответствии с формальными нормами и укоренившимися традициями и представлениями (если говорить об уголовном процессе). Им повезло, ибо они непричастны к той части судебной практики, которая порождена внешними влияниями на судебные решения. Практика таких судей порождает их экспертные оценки, которые сдвинуты в положительную сторону относительно оценок остальных групп.

Что касается упомянутых остальных групп экспертов, то на них, в свою очередь, влияет их практика. Журналисты, в соответствии со стандартами и миссией профессии накидываются на негативные явления. Правозащитники систематически имеют дело с

жертвами сбоев правосудия (иные к ним не обращаются). Корпоративные юристы систематически убеждаются в том, как трудно противостоять власти в самых банальных ситуациях. А адвокаты часто видят процессуальных оппонентов не в прокурорах, а в судьях; по крайней мере, справедливые решения воспринимаются (не только ими) как норма или собственная победа, а не достоинство суда и судьи, а несправедливость западает в душу и приобретает характер закономерности. И на всех них действует информационный фон, создаваемый СМИ.

Из этих рассуждений можно было бы сделать вывод о непригодности в данном случае экспертных оценок как метода в принципе. Однако этот вывод не верен. Во-первых, для того и вовлекаются в экспертизу эксперты с разным практическим опытом, чтобы учесть разнообразие позиций. Кроме того, и это главное, наши основные выводы относительно базовых гипотез делаются на основании того общего, что есть в оценках различных экспертов с различным опытом.

4. Изучение шести транзитных стран

Главным результатом предыдущего раздела стало подтверждение базовой Гипотезы 1 нашего исследования, согласно которой «для удовлетворительного функционирования судебной власти, находящейся в процессе трансформации, внеинституциональные факторы создают больше препятствий, чем дефекты или пробелы институционального дизайна¹¹». Однако на данный момент это сделано только по материалам анкетирования российских экспертов. На этом основании мы вправе предположить, что Гипотеза 1 выполняется именно для России, с ее собственной спецификой. Альтернативная гипотеза состоит в том, что важен факт трансформации судебной власти, а не особенности страны. Чтобы выбрать одну из этих альтернатив, в рамках нашего исследования описанное выше экспертное анкетирование было проведено еще в пяти странах (см. Таблицу 4.1).

Таблица 4.1. Список стран, охваченных экспертным анкетированием и число экспертов из каждой страны, заполнявших анкету

Страна	Число экспертов
Болгария	33
Чили	24
Латвия	33
Польша	37
Россия	217
Украина	33

Список стран, приведенных в Таблице 4.1, включает пять транзитных стран и Чили, где сравнительно недавно произошла масштабная реформа судебной власти. Включение Чили позволит нам разрешить еще одну альтернативу: что существенно для справедливости Гипотезы 1, факт транзита или факт судебной реформы.

При анализе экспертных данных из шести стран использовалась та же самая методика, что и ранее. Естественно, что сравнивались между собой страны так же, как

¹¹ Здесь понятие «институциональный дизайн» трактуется широко – как вся сфера нормативного регулирования работы судебной власти.

выше сравнивались профессиональные группы. Приведенный ниже анализ частично повторяет логику проводившегося выше анализа. Следует иметь в виду, что эксперты из Чили не смогли дать ответы на 11 вопросов с номерами 11, 36, 37, 49, 52, 53, 78, 82, 83, 84, 85. Это вопросы, которые либо не соответствуют судебной системе Чили, конкретнее – классификации видов судебных процессов, либо неуместны с точки зрения культуры, традиций, общепринятых неформальных практик¹². Однако это обстоятельство не снижает качество нашего анализа и надежность выводов.

4.1. Сравнение стран на уровне вопросов. Проверка Гипотезы 2

Приложение 3 содержит таблицы частот ответов на вопросы анкеты в целом по шести странам и отдельно для каждой страны, а также таблицу средних значений оцифрованных ответов по всем экспертам отдельно для каждой из шести стран.

Последней статистикой можно воспользоваться, чтобы осуществить «быструю разведку» – проверить самое важное: есть ли какое-то общее сходство между ответами российских экспертов и экспертов из остальных стран. Это можно сделать сопоставлением вектора средних значений оцифрованных ответов российских экспертов с вектором, полученным следующим образом. Берем средние значения оцифрованных ответов для остальных стран и усредняем их для каждого вопроса. Адекватность использования линейного коэффициента корреляции проверялась по форме приведенной ниже диаграммы рассеяния двух описанных переменных.

Рисунок 4.1.1. Диаграмма рассеяния двух переменных. Первая (ось X) – усредненные по пяти странам (без России) средние значения оцифрованных ответов. Вторая (ось Y) – средние значения оцифрованных ответов для России; одна точка соответствует одному вопросу

¹² Следует иметь в виду, что Чили – самая европеизированная из латиноамериканских стран, с довольно эффективными институтами, с низкой коррупцией. Судебная реформа в этой стране имела причины, отличные от таковых в транзитных странах. Подробнее об этом можно узнать в докладе нашего Проекта "Сравнительное описание трансформации судебной власти в шести странах"; его текст расположен на сайте Фонда ИНДЕМ по адресу:

Мы видим на диаграмме типичный пример облака точек, соответствующего линейной статистической зависимости. Значение вычисленного для двух указанных переменных коэффициента корреляции равно 0,819 при доверительной вероятности $8,52E-20$, что соответствует весьма убедительной зависимости. Поскольку, как мы увидим ниже, Польша в ряду сравниваемых стран стоит несколько наособицу, то подобная проверка была дополнительно проведена без учета Польши. Кроме того, был проведен эксперимент с такими же расчетами без учета Польши и Чили. Скольконибудь значимых изменений в конечный результат это не внесло. Таким образом, мы можем сказать, что ответы экспертов из России, с одной стороны, и из других стран, с другой стороны, несут сравнительно сходную информацию, что делает осмысленным более подробный анализ. Т.е., мы вправе ожидать наличие общих для всех стран закономерностей при существовании специфических различий.

Теперь сравним страны по ответам на некоторые вопросы, которые не вошли в списки вопросов, ассоциированных с критериями. Будут затронуты только те вопросы, для которых такое сравнение позволяет установить интересные и нужные нам факты.

Таблица 4.1.1. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопрос 23 «Каков уровень исполнения судебных решений?» в целом по всем странам и внутри каждой из стран

Варианты ответов	Болг	Чили	Лат	Пол	Рос	Укр	Все
1. Решения судов исполняются всегда и неукоснительно	6,1	16,7	0,0	29,7	2,3	0,0	5,9
2. Решения судов исполняются за весьма редкими исключениями	33,3	66,7	45,5	70,3	25,0	6,1	33,0
3. Решения исполняются плохо, но для отдельных категорий дел или отдельных категорий участников	39,4	8,3	36,4	0,0	38,0	45,5	33,0
4. Уровень исполнения крайне низок	9,1	4,2	15,2	0,0	31,9	45,5	24,7
5. Затрудняюсь ответить	12,1	4,2	3,0	0,0	2,8	3,0	3,5

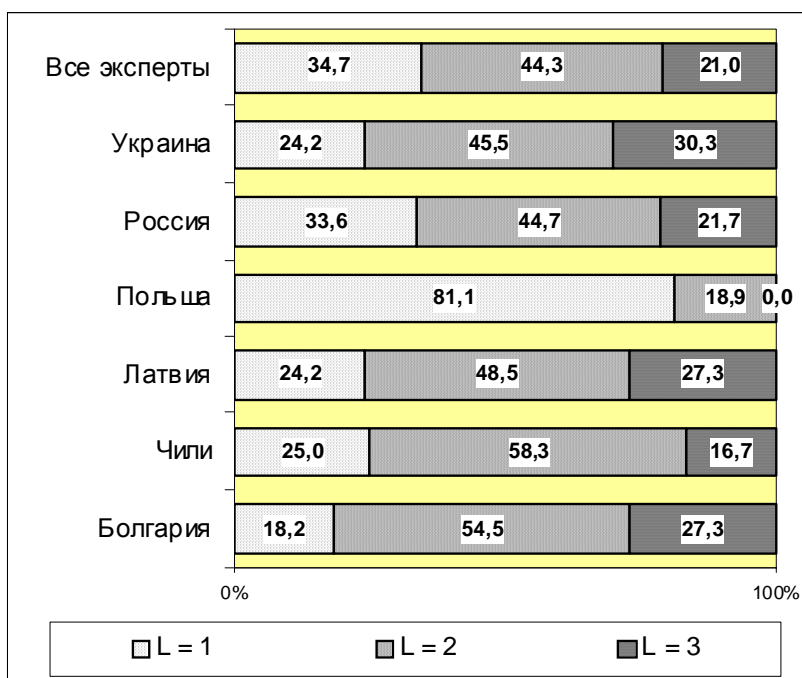
Мы видим из данных таблицы разделение стран на три пары. Первую образуют довольно благополучные Польша¹³ и, чуть менее, Чили. На противоположном полюсе мы видим братских Россию и Украину, которые характеризуются весьма высоким процентом выбора ответа «4. Уровень исполнения крайне низок». Между ними средняки – Болгария и Латвия. Весьма логичное разделение на группы. Любопытно, что такое же разделение на пары сохраняется и для данных об ответах на вопрос «43. В какой степени является проблемой при обращении в суд неудобное расположение суда?». Интересны также ответы на вопросы 45 и 46 о возможностях электронного доступа к информации о судах и судебной статистике. Здесь довольна благополучная Польша оказывается аутсайдером.

В разделе 2.3 вводилось понятие «ответ локализации», которым характеризовались ответы, указывающие на то, что некоторое свойство выполняется «...для отдельных категорий дел или отдельных категорий участников...». В анкете 23 вопроса с ответами локализации. По ответам на эти вопросы строилась переменная λ –

¹³ Ниже мы проанализируем возможные причины плохо объяснимых различий между странами.

для каждого эксперта число случаев использования ответа локализации. Мы повторим этот прием для экспертов из других стран. Но для того, чтобы сделать сопоставимыми данные по Чили, мы ограничимся использованием 19 вопросов с ответами локализации. По результатам подсчетов, λ принимает значения в интервале от 0 (таких экспертов 36, между тем в России было только 4) до 16. Чем больше значение переменной λ , тем в большей степени эксперты придают значение эффекту локализации проблем судебной власти. Для дополнительного анализа с помощью таблиц сопряженности введем, как это было и выше, еще одну переменную Λ . Она принимает значение 1, если λ меньше 3 (34,7 % экспертов), значение 2, если λ располагается в интервале от 3 до 7 (44,3 %), и значение 3, если λ больше 7 (21 %). Переменная Λ имеет тот же смысл, что и λ . Можно сказать так: чем выше значение Λ (или, что то же самое, λ), тем в большей степени эксперт представляет себе судебную власть как удовлетворяющую Гипотезе 2. Распределения величины Λ в разных странах приведены на следующем рисунке.

Рисунок 4.1.2. Распределение величины для экспертов каждой из стран и по всем экспертам в целом

При взгляде на диаграмму сразу бросается в глаза принципиальное отличие распределение величины Λ для Польши. Причем все остальные страны характеризуются статистически неразличимыми распределениями. Следовательно, эксперты из Польши пользуются ответами локализации несопоставимо реже, чем эксперты из других стран. Из 19 анализировавшихся вопросов с ответами локализации только в шести вопросах этот ответ использовался хотя бы одним экспертом. Вот тематика этих вопросов (с указанием номера вопроса – в начале в скобках – и частоты выбора ответа локализации – в конце в скобках):

- (18) существование практики проведения совместных обсуждений по применению норм закона между судьями и представителями институтов, сопряженных с судебной властью (56,8 %);
- (24) руководствуются ли суды при вынесении решений соображениями этнической принадлежности, принадлежности к национальным меньшинствам, сторон (5,4 %)?
- (25) руководствуются ли суды при вынесении решений соображениями социальной принадлежности и статуса участников процесса (5,4 %);
- (65) ориентация судов при вынесении решений на практику вышестоящих судов (2,7 %);
- (86) использование затягивания рассмотрения дел судами в качестве инструмента нарушения права на доступ к правосудию (45,9 %);
- (87) использование затягивания рассмотрения дел институтами, сопряженными с судом (следствие, прокуратура...), в качестве инструмента нарушения права на доступ к правосудию (18,9 %).

Очевидно, что в этом списке вопросами 24, 25 и 65 можно пренебречь, невысокие проценты выбора ответов локализации на эти вопросы можно отнести к случайным отклонениям от нуля. А вот оставшиеся три вопроса, вполне возможно, характеризуют особенности судебной системы, традиций и неформальных практик в Польше. Характерно, что частоты выбора ответа локализации на вопросы 18 и 86 существенно выше среди польских экспертов, нежели среди экспертов других стран. Но, с учетом трех специфических исключений, в случае Польши эффект локализации не является распространенным так, как это было зафиксировано для России и как это фиксируется сейчас для остальных четырех стран. Следует вспомнить, переменная Λ конструировалась для проверки Гипотезы 2. В связи с этим возникает предположение, согласно которому данная гипотеза не пригодна для Польши.

Однако продолжим работу с переменной Λ . Как и выше, в разделе 2.3, обратимся к ответам экспертов разных стран на вопрос 74, исключая из рассмотрения Польшу. Только в одной стране обнаруживается зависимость ответов на этот вопрос от переменной Λ такая же, как в России – это Болгария. При нынешнем анализе эти зависимости близки и весьма значимы.

Таблица 4.1.2. Частоты выбора (в процентах) ответов на вопросы 74 «В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в уголовном процессе?» внутри групп болгарских экспертов, соотнесенных с различными значениями переменной Λ

Вариант ответа	$\Lambda = 1$	$\Lambda = 2$	$\Lambda = 3$
1. Является в полной мере и соблюдается	100,0	5,6	0,0
2. Формально декларируется, но бывают отдельные нарушения, не одобряемые профессиональным сообществом	0,0	44,4	55,6
3. Формально декларируется, но нередко нарушается без каких-либо моральных санкций	0,0	11,1	22,2
4. Институт профессионально-этических норм и санкций в этой сфере отсутствует	0,0	0,0	11,1

5. Затрудняюсь ответить	0,0	38,9	11,1
-------------------------	-----	------	------

Как видно из содержимого этой таблицы, мы видим более чем отчетливую зависимость ответов болгарских экспертов на вопрос 74 от того, насколько они убеждены, говоря введенным нами языком, в справедливости Гипотезы 2. Причем форма этой зависимости такая же, как мы видели выше в Таблице 2.3.1, но более контрастная. Особенно это проявляется в частотах выбора ответа 1. Итак, можно сказать, что адекватность Гипотезы 2 для юридических пространств Болгарии и России подтверждается в равной мере с помощью анализа ответов на вопрос 74, но не подтверждается для Чили, Латвии и Украины. В параграфе 2.3 подобная проверка осуществлялась также и на вопросах 62, 69, 75. При обращении к этим вопросам при изучении стран в двух последних случаях снова проявилась идентичность Болгарии и России, остальные три страны снова оказались нечувствительны к этому методу проверки Гипотезы 2.

Перейдем к другому инструменту проверки Гипотезы 2 – это сравнение разных видов процессов с помощью вопросов 80-84 вида «В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в ...?», где на место многоточия подставляются пять различных видов судебного процесса. Если мы обратимся к соответствующим строкам Таблицы ПЗ.2 Приложения то увидим следующее. Польша снова благополучна средние оцифрованные ответы колеблются в интервале от 0,755 до 0,910. Данные по Чили позволяют сравнить только уголовный и хозяйственный процессы; да и то – уголовный процесс оказывается более состязательным, что противоположно российским данным, приведенным на диаграмме Рисунка 2.3.2¹⁴. В Литве хуже других арбитражный процесс, а в Болгарии – уголовный, но зато сравнительно состязательны административный процесс и дела об административных правонарушениях. Обе страны также не напоминают Россию. А вот Украина ближе всех к России (в сравнении с данными диаграммы Рисунка 2.3.2). Единственное отличие – сравнительное благополучие административного процесса.

Еще раз вспомним: Гипотеза 2 говорит о том, что дефекты, проблемы судебной власти не распределены случайно-хаотически, статистически однородно по судебному пространству, но, напротив, структурированы и концентрируются в определенных зонах, обладающих определенными характеристиками – юридическими, социальными, проблемными, ситуативными и т.п. Мы видели выше, что в случае России это подтверждалось весьма отчетливо и различными способами, подкреплялось социологическими результатами. Разумно предположить, что в странах, где дефекты судебной власти значительны, Гипотеза 2 действует по-разному, проявляясь разными способами в зависимости от судебной системы, культуры, традиций, истории развития и трансформации судебной власти. Похоже, что именно это мы наблюдаем, когда при разных способах тестирования Гипотезы 2 мы выявляем сходство России то с Болгарией, то с Украиной. Возможно также, что наблюдение достаточно тонких эффектов, в которых проявляется действие Гипотезы 2, возможно при количестве экспертов, сопоставимым с тем, которое имелось в случае России. По крайней мере,

¹⁴ Читатель наверняка обратит внимание, что числа на диаграмме Рисунка 2.3.2 не совпадают с числами в российском столбце Таблицы ПЗ.2 против вопросов 80-84. В этом нет ничего удивительного, поскольку в параграфе 2.3 используются группированные средние, позволяющие избежать влияния численности группы судей. В таблице же ПЗ.2 содержатся обычные средние по всем экспертам страны.

один вывод мы можем сделать с достаточной степенью уверенности: распределение величины Λ , продемонстрированное на Рисунке 3.1.2, показывает, что **Гипотеза 2 не актуальна для Польши, но действует в разной степени и разными способами в остальных странах.**

4.2. Макроанализ. Проверка гипотез 1 и 3

Теперь мы перейдем к макроанализу результатов экспертиз, проведенных в шести странах. Мы воспользуемся теми же индексами, что применялись в разделе 3 при анализе российских данных. Ниже приведены две таблицы. Первая содержит значения индекса P_p (см. раздел 1.3), вычисленного по всем 14 критериям для каждой страны в отдельности и для всех экспертов вместе. Вторая таблица содержит ранги значений индекса для каждой страны в отдельности. Теперь мы будем работать с этими данными.

Беглый взгляд на Таблицы 4.2.1 и 4.2.2 подводит к следующим предварительным выводам. Во-первых, в целом сохраняется (за единственным исключением для Польши) тенденция, работающая на Гипотезу 1 нашего исследования: Значения индекса выше для критериев, характеризующих формально-нормативную сторону функционирования судебной власти, и ниже для критериев, отражающих внеинституциональные аспекты работы судебной власти. Во-вторых, явно выделяется в положительную сторону Польша. Последнее различие иллюстрируется диаграммой Рисунка 4.2.1, на которой каждой стране приписано среднее значение всех индексов по всем критериям (среднее по столбцам таблицы 4.2.1).

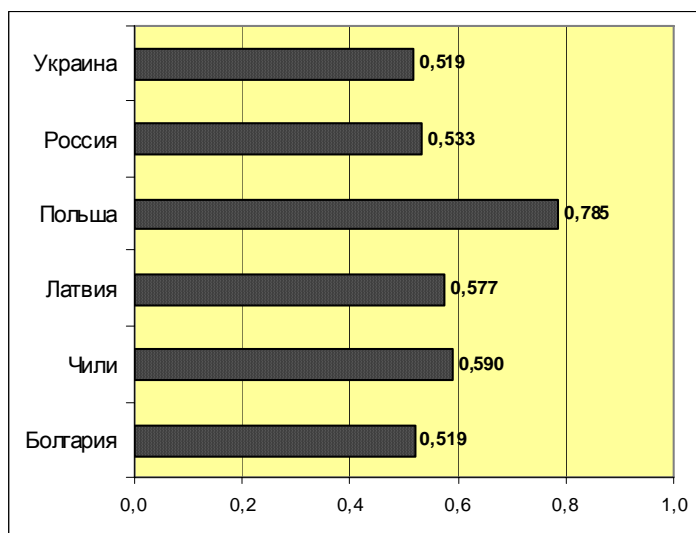

Рисунок 4.2.1. Средние по всем критериям значения индексов для всех шести стран

Мы видим на диаграмме резкое отличие Польши от остальных стран, образующих компактную, статистически не различимую группу по значению использованной статистики. Может возникнуть гипотеза, что эксперты из Польши просто завышали оценки при ответах, руководствуясь «чувством национальной гордости». Но, как мы увидим ниже, есть и качественные отличия в ответах из Польши.

Таблица 4.2.1. Значения индекса P_p по четырнадцати критериям работы судебной власти для каждой страны в отдельности и по всем экспертам в целом. Чем выше значение индекса, тем выше качество работы суда по данному критерию с точки зрения экспертов

№	Критерий	Болгария	Чили	Латвия	Польша	Россия	Украина	В целом
1	Формальный аспект независимости судов.	0,702	0,714	0,723	0,963	0,733	0,731	0,748
2	Неформальный аспект независимости судов.	0,435	0,551	0,562	0,751	0,390	0,354	0,454
3	Формальный аспект независимости судей.	0,679	0,641	0,654	0,797	0,627	0,588	0,648
4	Неформальный аспект независимости судей.	0,486	0,596	0,559	0,787	0,465	0,466	0,521
5	Формальный аспект доступности судов.	0,511	0,590	0,534	0,739	0,494	0,554	0,543
6	Неформальный аспект доступности судов.	0,448	0,485	0,471	0,504	0,344	0,338	0,395
7	Формальный аспект справедливости правосудия.	0,688	0,720	0,760	0,795	0,666	0,848	0,696
8	Неформальный аспект справедливости правосудия.	0,428	0,493	0,552	0,811	0,473	0,403	0,453
9	Качество нормативного регулирования.	0,629	0,643	0,649	0,872	0,678	0,676	0,674
10	Качество правоприменительной практики.	0,403	0,458	0,446	0,828	0,400	0,364	0,405
11	Качество неформальных практик.	0,488	0,608	0,554	0,750	0,514	0,449	0,506
12	Влияние сопряженных институтов.	0,370	0,568	0,461	0,677	0,432	0,319	0,431
13	Обеспеченность судебной власти.	0,419	0,521	0,455	0,851	0,566	0,459	0,555
14	Качество принятия судебных решений.	0,580	0,672	0,693	0,868	0,685	0,712	0,666

Таблица 4.2.2. Ранги значений индексов критериев оценки работы судебной власти для каждой страны в отдельности и по всем экспертам в целом. Чем ниже ранг значение индекса, тем выше качество работы суда по данному критерию с точки зрения экспертов

№	Критерий	Болгария	Чили	Латвия	Польша	Россия	Украина	В среднем
1	Формальный аспект независимости судов	1	2	2	1	1	2	1,45
2	Неформальный аспект независимости судов	10	10	6	10	13	12	10,45
3	Формальный аспект независимости судей	3	5	4	7	5	5	4,45
4	Неформальный аспект независимости судей	8	7	7	9	10	7	8,00
5	Формальный аспект доступности судов	6	8	10	12	8	6	8,09
6	Неформальный аспект доступности судов	9	13	11	14	14	13	12,18
7	Формальный аспект справедливости правосудия	2	1	1	8	4	1	3,27
8	Неформальный аспект справедливости правосудия	11	12	9	6	9	10	10,36
9	Качество нормативного регулирования.	4	4	5	2	3	4	3,45
10	Качество правоприменительной практики	13	14	14	5	12	11	12,18
11	Качество неформальных практик	7	6	8	11	7	9	8,36
12	Влияние сопряженных институтов	14	9	12	13	11	14	11,64
13	Обеспеченность судебной власти	12	11	13	4	6	8	7,64
14	Качество принятия судебных решений	5	3	3	3	2	3	3,45

Тем более необходимо сопоставление структуры значений индексов для разных стран так, как это делалось выше в параграфе 3.1. Сходным образом мы воспользуемся сопоставлением столбцов Таблицы 4.2.2 с помощью коэффициентов ранговой корреляции Спирмена. Результаты расчетов приведены в следующей таблице.

Таблица 4.2.3. Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между столбцами-ранжировками из Таблицы 4.2.2. Одной и двумя звездочками помечены корреляции, позволяющие отвергнуть гипотезу о независимости ранжировок на пяти- и однопроцентном уровнях соответственно

	Болгария	Чили	Латвия	Польша	Россия	Украина	Все
Болгария	1,000	0,868**	0,877**	0,358	0,758**	0,877**	0,833**
Чили	0,868**	1,000	0,886**	0,371	0,837**	0,859**	0,886**
Латвия	0,877**	0,886**	1,000	0,380	0,688**	0,785**	0,785**
Польша	0,358	0,371	0,380	1,000	0,714**	0,613*	0,635*
Россия	0,758**	0,837**	0,688**	0,714**	1,000	0,899**	0,930**
Украина	0,877**	0,859**	0,785**	0,613*	0,899**	1,000	0,947**
Все	0,833**	0,886**	0,785**	0,635*	0,930**	0,947**	1,000

Мы видим из данных Таблицы 4.2.3, что пять стран из шести (без Польши) демонстрируют хорошую согласованность ранжировок на доверительном уровне ниже однопроцентного. Выделяется Польша. Правда, любопытно, что она демонстрирует структуру проблем, похожую более всего на российскую и, чуть меньше, на украинскую. Эти неожиданные сходства будут изучены позже.

А сейчас мы можем констатировать, что в целом согласованность между ранжировками вполне достаточна, чтобы применять те статистические приемы, которые применялись в параграфе 3.2. Поэтому начнем с сопоставления индексов критериев (последний столбец Таблицы 4.2.1) на диаграмме рисунка 4.2.2. Мы видим иерархию критериев, довольно близкую той, что мы наблюдали отдельно для России на диаграмме Рисунка 3.2.2. Так же, как и в параграфе 3.2, мы тут же переходим к средним рангам и на диаграмме рисунка приводим данные последнего столбца Таблицы 4.2.3.

Сравнивая диаграммы рисунков 4.2.2 и 4.2.3 с диаграммами рисунков 3.2.2 и 3.2.3, мы можем обратить внимание на то, что разброс значений индексов и усредненных рангов индексов для стран несколько меньше, чем в российском варианте. Это не удивительно, поскольку разнообразие оценок экспертов из разных стран все-таки выше, чем разнообразие оценок российских экспертов из разных экспертных групп. Существенно и влияние оценок польских экспертов. Мы уже видели, что Польша в их оценках имеет определенные структурные отличия. Интересно выглядит иерархия усредненных рангов на диаграмме рисунка 4.2.3. Довольно отчетливо просматривается три группы критериев с малыми, средними и высокими средними рангами. Наконец, есть еще одно отличие. Иерархии критериев по российским данным удовлетворяли следующему жесткому условию (выполнявшемуся и для индексов и для средних по странам рангов индексов): значение индекса любого критерия, характеризующего формальные аспекты функционирования судебной власти, выше значения индекса любого критерия,

характеризующего внеинституциональные аспекты. В случае данных из шести рассматриваемых стран это условие нарушается одной инверсией, правда только для рангов и при очень малой разницей между соответствующими средними рангами. Поэтому этим исключением можно пренебречь.

Рисунок 4.2.2. Индексы критериев работы судебной власти в целом по всем экспертам шести стран, полученные как среднее значения критерия по всем экспертам. Чем больше значение индекса, тем более благополучную картину фиксирует соответствующий критерий.

Рисунок 4.2.3. Усредненные по странам ранги индексов критериев работы судебной власти. Чем меньше средний ранг, тем более благополучную картину фиксирует соответствующий критерий

Теперь, следуя использованной выше методике, мы сводим данные обеих диаграмм в единую таблицу, подобную таблице 3.3.1. При формировании таблицы 4.2.4 по данным диаграмм рисунков 4.2.2 и 4.2.3 отбираются критерии (пригодные для проверки Гипотезы 1) из верхней семерки благополучных и нижней семерки проблемных. Напоминаем, что при этом из сравнения в такой таблице исключены два критерия: «Обеспеченность судебной власти» и «Качество принятия судебных решений». В таблице сохраняется иерархия значений индексов и средних по странам рангов значений индексов.

Таблица 4.2.4 позволяет увидеть, что имеются три небольшие инверсии относительной упорядоченности значений индексов на российских данных. Кроме того, в ячейках таблицы, соответствующих проблемным критериям, имеется одна несущественная инверсия при сравнении иерархий проблемных критериев для значений индексов и для средних по странам рангов значений индексов.

Таблица 4.2.4. Сравнение списков критериев, распределенных по группам благополучных и проблемных, по данным диаграмм 4.2.2 и 4.2.3. Сохранено упорядочение критериев на диаграммах

	Критерии, отобранные по средним значениям	Критерии, отобранные по средним рангам
Благополучные критерии	<ul style="list-style-type: none"> • Формальный аспект независимости судов • Формальный аспект справедливости правосудия • Качество норм, регулирующих работу судебной власти • Формальный аспект независимости судей • Формальный аспект доступности судов 	<ul style="list-style-type: none"> • Формальный аспект независимости судов • Формальный аспект справедливости правосудия • Качество норм, регулирующих работу судебной власти • Формальный аспект независимости судей • Формальный аспект доступности судов
Проблемные критерии	<ul style="list-style-type: none"> • Неформальный аспект независимости судей • Качество неформальных практик • Неформальный аспект независимости судов • Неформальный аспект справедливости правосудия • Степень влияния сопряженных институтов • Качество практики реализации норм • Неформальный аспект доступности судов 	<ul style="list-style-type: none"> • Неформальный аспект независимости судей • Качество неформальных практик • Неформальный аспект справедливости правосудия • Неформальный аспект независимости судов • Степень влияния сопряженных институтов • Качество практики реализации норм • Неформальный аспект доступности судов

Все замеченные различия между иерархиями критериев отдельно для России и для шести стран вместе единичны и не существенны. Поэтому мы вправе утверждать, что Гипотеза 1 получает важное подтверждение для случая совокупности шести стран.

Теперь, по аналогии с индексом R , введенном в параграфе 3.3, определим индекс S для четырех базовых аспектов функционирования судебной власти – независимость судов и судей, доступность и справедливость правосудия. Он вычисляется как отношения доли положительных ответов на вопросы о формально-нормативной стороне каждого аспекта к доле положительных ответов на вопросы о неформальной стороне того же аспекта. Иными словами: S показывает во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают формальную сторону по сравнению с неформальной. Вычислим индекс S для каждой страны и для каждого из четырех базовых аспектов. Результаты вычислений представлены для всех шести стран на диаграмме Рисунка 4.2.4. Ниже, для упрощения терминологии, будем использовать термин «разрыв» для соотношения между формальным и неформальным аспектами функционирования судебной власти, которое индицируется индексом S .

Мы видим из диаграммы этого рисунка, что шесть изучаемых стран весьма логично различаются по степени разрыва. Он наименьший для Польши, затем – для Чили и Латвии. Далее следует Болгария. Самый высокий разрыв демонстрирует Украина. Россия уступает ей не очень много.

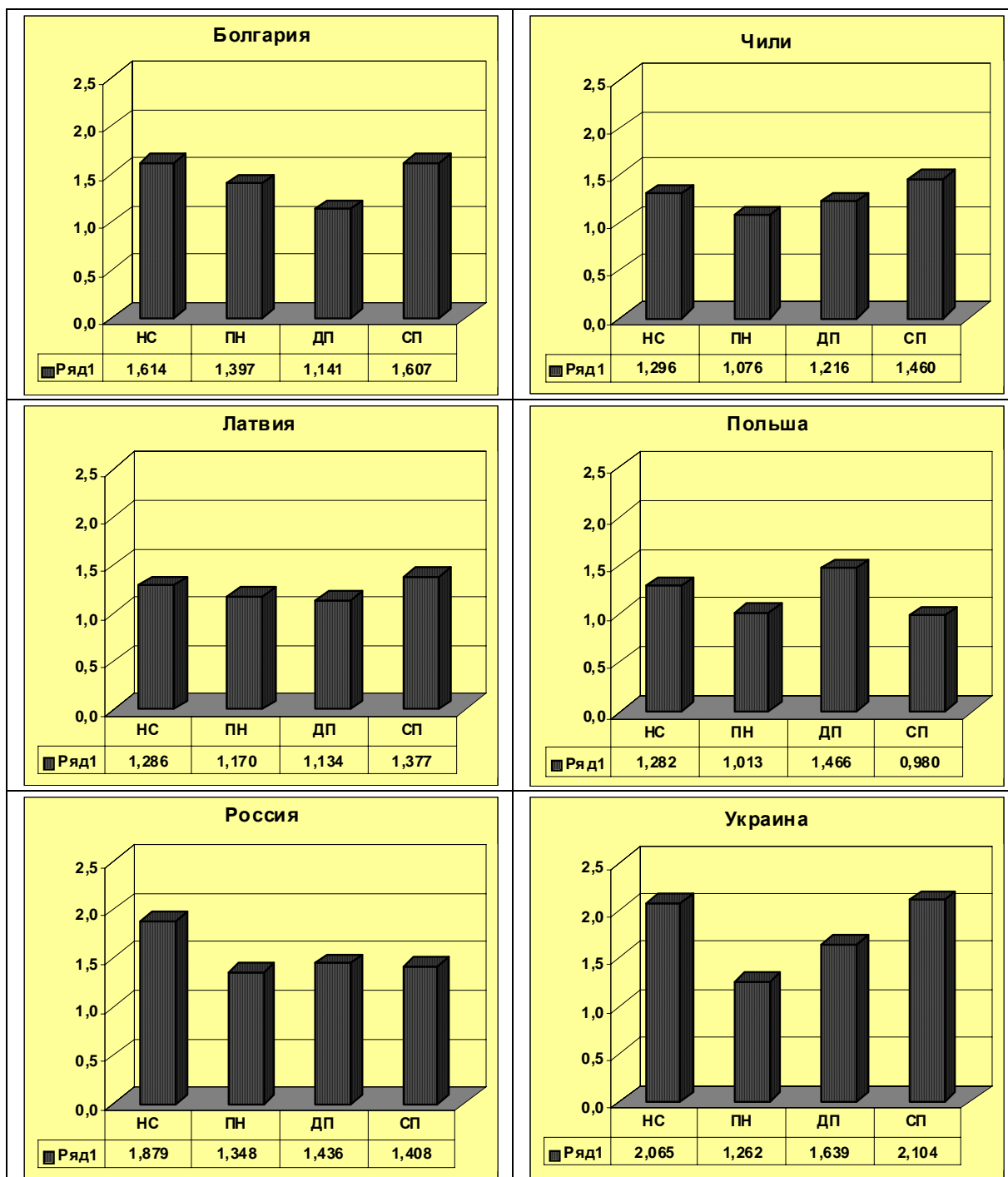
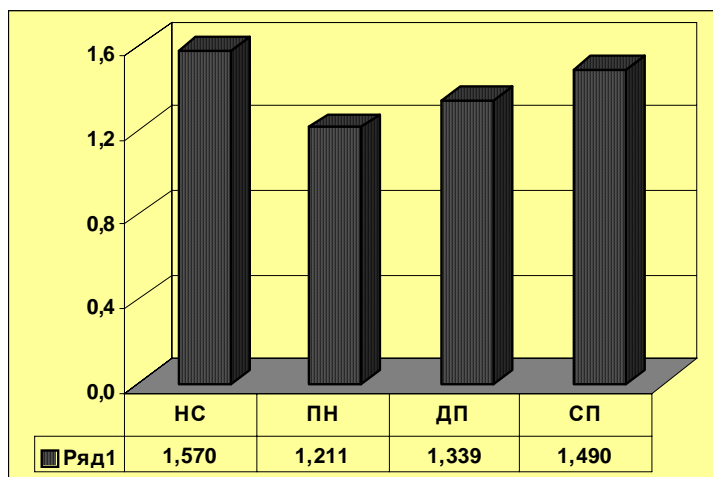

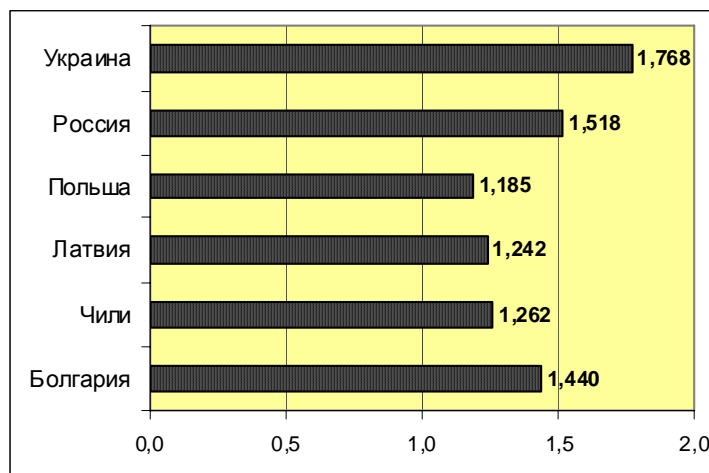
Рисунок 4.2.4. Значения индекса S (во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают формальную сторону по сравнению с неформальной) для шести сравниваемых стран по четырем базовым аспектам работы судебной власти: НС – независимость суда, ПН – процессуальная независимость судей, ДП – доступность правосудия, СП – справедливость правосудия

Наши знания об этих странах, дают основания предполагать, что фиксируемая степень разрыва для страны коррелирует со степенью продвинутой трансформации судебной власти в том смысле, который определяется соответствием неформальных правил формальным нормам.

Другое наблюдение, которое позволяют сделать диаграммы Рисунка 4.2.5, касается структурных различий. Мы видим, что в большинстве случаев для одной страны более высокие разрывы фиксируются для независимости суда и справедливости правосудия. Исключением является, что уже стало привычным, Польша. Переведем оба наблюдения в графическую форму.

Рисунок 4.2.5. Значения индекса S (во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают формальную сторону по сравнению с неформальной), усредненного по шести сравниваемым странам для четырех базовых аспектов работы судебной власти: НС – независимость суда, ПН – процессуальная независимость судей, ДП – доступность правосудия, СП – справедливость правосудия

Рисунок 4.2.6. Значения индекса S (во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают формальную сторону по сравнению с неформальной) для шести сравниваемых стран в среднем по всем четырем базовым аспектам работы судебной власти вместе: НС – независимость суда, ПН – процессуальная независимость судей, ДП – доступность правосудия, СП – справедливость правосудия

Индексы, приписанные на диаграмме Рисунка 4.2.5 четырем базовым аспектам функционирования судебной власти, получены из значений индексов, отображенных на Рисунке 4.2.4, усреднением этих значений по шести странам. Мы видим, что максимальный разрыв свойственен независимости судов и справедливости

правосудия. Интересно, что сходную картину можно наблюдать отдельно для России на диаграмме Рисунка 3.3.1.

Сходным образом, индексы на диаграмме Рисунка 4.2.6 получены для каждой страны усреднением статистики R по четырем аспектам. Мы видим, как Польша, Латвия и Чили образуют группу стран с невысоким разрывом. Следом идут Болгария и Россия. Самый большой разрыв у Украины.

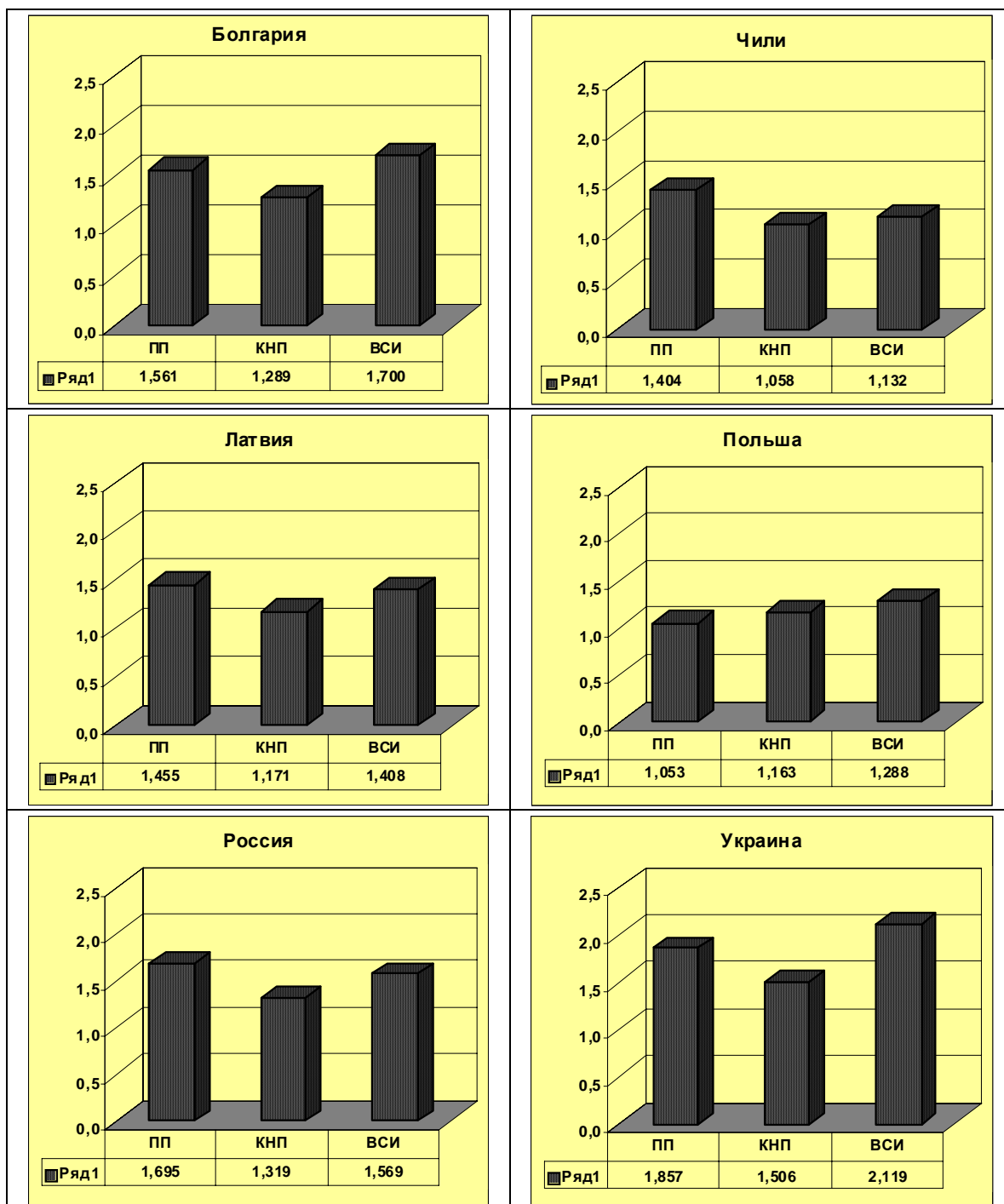
Нам осталось проанализировать несколько обобщенных критериев функционирования судебной власти: «Качество нормативного регулирования», «Качество правоприменительной практики», «Качество неформальных практик» и «Влияние сопряженных институтов». Мы воспользуемся тем же приемом, что и выше, основанном на использовании статистики S. На это раз мы будем сопоставлять с ее помощью три последних критерия с критерием «Качество нормативного регулирования». Это означает, например, что для каждой из шести стран мы будем вычислять, во сколько раз чаще эксперты одной страны используют положительные ответы при ответе на вопросы о нормативном регулировании по сравнению с использованием положительных ответов при ответе на вопросы о правоприменительной практике. Затем точно также мы проведем подобное сопоставление с неформальными практиками и с влиянием сопряженных институтов. В результате каждая страна будет описана тремя числами. Итоги этих вычислений представлены ниже на диаграммах Рисунка 4.2.7. Предварительно заметим, что качество нормативного регулирования оцениваются всеми странами, кроме Польши значениями индекса, варьирующимся в очень узком диапазоне от 0,629 (Болгария) до 0,678 (Россия). Польше ее эксперты выставили оценки, обеспечившие значение индекса, равное 0,872 (см. Таблицу 4.2.1). При этом ранги индексов варьируются от 5 (Латвия) до 3 (Россия). У Польши этот индекс имеет почетный ранг 2 (см. Таблицу 4.2.2).

А теперь обратимся к данным диаграмм Рисунка 4.2.7. Первое, что бросается в глаза – это распределение стран на группы, близкое тому, что мы наблюдали благодаря данным рисунков 4.2.4 и 4.2.6: Польша и Чили выделяются невысокой величиной разрыва, близкого единице; следующую группу образуют Латвия, Болгария и Россия; и потом снова наособицу – Украина с самыми высокими разрывами. Затем обращает на себя внимание сходство структур значений индексов R у разных стран (за исключением Польши): везде качество неформальных практик характеризуется меньшим разрывом, чем у двух остальных критериев.

Если усреднить по странам значения индекса R, то выяснится следующее: минимальное среднее будет у качества неформальных практик (1,251), затем следует правоприменительная практика (1,504), и самое высокое значение, впрочем, с небольшим разрывом, у влияния сопряженных институтов (1,536). Конечно, это обстоятельство не может не радовать, поскольку мы получаем подтверждение Гипотезы 3. Ведь проблема правоприменительной практики – тема весьма обсуждаемая, она на слуху. А о влиянии сопряженных институтов говорят крайне мало, а если говорят, то в контексте отдельных случаев или типовых патологий вроде «телефонного права». И, тем не менее, мы обнаруживаем, что влияние сопряженных институтов занимает первое место из трех.

Однако обольщаться преждевременно. Нельзя исключать, что мы имеем здесь дело со своеобразным проявлением корпоративного инстинкта, согласно которому судьи-эксперты используют ответы на вопросы о влиянии сопряженных институтов как опцию, с помощью которой можно переложить ответственность за проблемы судебной власти с нее на внешние факторы. Конечно, мы не задаем вопросы, подталкивающие к этому, вроде: «Кто больше виноват в проблемах судебной власти,

сами судьи, представители других органов власти или общество?». Но, факт есть факт, такая поведенческая опция существует, а потому мы должны проверить, насколько ее использование вносит вклад в объяснение полученного результата.

Рисунок 4.2.7. Значения индекса S (во сколько раз чаще эксперты положительно оценивают качество нормативного регулирования по сравнению с остальными обобщенными критериями), полученного усреднением по шести сравниваемым странам, по трем обобщенным критериям работы судебной власти: ПП – правоприменительная практика, КНП – качество неформальных практик, ВСИ – влияние сопряженных институтов

Вот возможный вариант проверки: если такой корпоративный эффект действует, то на уровень разрыва для влияния сопряженных институтов должна была бы влиять доля судей среди экспертов одной страны. Однако это предположение не подтверждается расчетами. Это не опровергает выдвинутую версию, но делает ее менее правдоподобной. Тем не менее, влияние субъективных мешающих факторов на конечный результат следует учитывать. Например, низкий результат для неформальных практик может объясняться не их реально низким влиянием, а свойствами массового сознания, которое просто недооценивает влияния неформальных практик по сравнению с формальными нормами. Экспертное мнение также может быть подвержено этому предрассудку. Но все-таки, одного примера результата Украины достаточно, чтобы понимать, что полученное нами подтверждение Гипотезы 3 не может быть отнесено к числу артефактов.

4.3. Портреты стран

В заключении мы проанализируем индивидуальные особенности каждой из стран, ставших объектом нашего исследования. Мы начнем с приема, использованного выше – с отбора вопросов с наибольшим и наименьшим средним индексом. Ниже мы проанализируем содержимое пяти таблиц для пяти стран (Россия описана в разделах 2 и 3), устройство всех таблиц одинаково. Для их формирования отдельно для каждой страны вопросы анкеты сортировались по возрастанию среднего по всем экспертам данной страны значения оцифровки ответов (средняя оцифровка вопроса). Затем отбирались вопросы с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифровок, числом от пяти до восьми в каждой группе, в зависимости от особенностей распределений средних на их хвостах. Наименьшие значения индцировали вопросы, задавающие наиболее проблемные аспекты функционирования судебной власти страны, а наибольшие значения средней оцифровки указывали на вопросы, соответствующие тем аспектам работы судебной власти, которые эксперты данной страны расценивали как наиболее благополучные. Таким образом, мы намерены описывать каждую страну по списку самых тяжелых проблем и самых благополучных сторон работы. Для этого каждая таблица имеет два раздела, первый раздел содержит список «проблемных» вопросов», второй вопрос – список «благополучных» вопросов. Каждый вопрос представлен в списке своим номером, формулировкой и, в правом столбце, средней по экспертам страны оцифровкой ответов. В списках сохранено упорядочение вопросов по возрастанию (сверху вниз) средних оцифровок ответов.

Мы увидим ниже, что иногда эти списки содержат вопросы, касающиеся очень важных сторон функционирования судебной власти. Тогда мы будем отвлекаться, чтобы сравнить по таким вопросам наши шесть стран между собой.

Начнем с Болгарии. Верхний список содержит шесть вопросов. Особняком стоит первый из этих вопросов, с наименьшим значением средней оцифровки. Это вопрос 41, касающийся нормативного регулирования консультативной помощи в суде. Это единственный из вопросов в первом списке, касающийся формально-нормативной стороны функционирования судов. Мы видим, что эксперты из Болгарии указывают своими ответами на важный, с их точки зрения, пробел в регулировании. Если обратиться к Таблице П3.2 Приложения, к ее строке с номером 41, то мы увидим, что этот аспект нормативного регулирования во всех странах оценивается ниже нулевой отметки (вторая по «отрицательности» - Польша). Не исключено, что эксперты из Болгарии подошли к этой проблеме наиболее самокритично.

Таблица 4.3.1. Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифровок ответов для экспертов из Болгарии. В правом столбце – значения средних оцифровок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами	
41. Предусматривают ли нормы, регулирующие работу судов, возможность прибегать к помощи специальных консультантов – работников суда (например, помощников судей и работников канцелярий, секретариатов)?	-0,731
52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,598
17. Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияния на судей?	-0,583
46. Существует ли возможность доступа (в том числе – электронного) к судебной статистике?	-0,500
53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,471
10. В какой мере практика нынешней политической системы обеспечивает независимость судебной системы?	-0,457
Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами	
1. Каким образом, по Вашему мнению, нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на ее независимость?	0,473
12. В какой мере правосознание судейского корпуса влияет на независимость конкретных судей?	0,577
59. В какой степени состязательность и равенство сторон гарантируются нормами, регулирующими судебный процесс?	0,578
58. Предусмотрена ли судебной системой возможность судей встать на защиту прав человека, если возникает конфликт между буквой закона и правами человека?	0,595
57. Предусмотрены ли нормами, регулирующими деятельность судов, возможность вынесения решений с учетом решений международных судов?	0,621

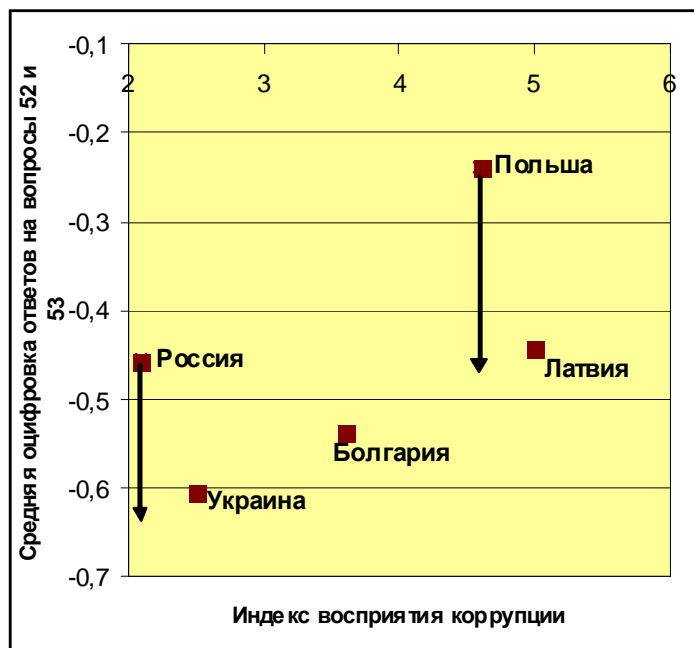
Отдельную группу в первом списке проблемных вопросов образуют два вопроса с номерами 52 и 53; оба вопроса посвящены, фактически, коррупции в судах. Характерно, что оба эти вопроса наличествуют в аналогичных списках для Латвии и Украины. В разделе 2.4 аналогичный список для России также содержит оба эти вопроса. Напомню, что эксперты из Чили на этот вопрос не отвечали, сочтя его бессмысленным для судов своей страны.

Естественно поставить вопрос, в какой мере ответы на вопросы о коррупции разных стран являются объективными. Такая постановка вопроса вполне обоснована, учитывая деликатность вопроса и разнообразие возможных реакций на такую деликатность. Мы видели это на примере российских судей, которые в большинстве своем отказывались отвечать на «неприличные» вопросы. Попробуем ответить на этот вопрос с помощью сопоставления индексов наших вопросов с международными рейтингами коррупционности стран. Один из самых известных рейтингов ежегодно публикуется международной организацией Transparency International. Это так называемый «Индекс восприятия коррупции» (Corruption Perception Index), который определяется по методике, агрегирующей данные различных социологических опросов и других исследований, результатом которых становится сравнение стран по уровню коррупции¹⁵. Значения индекса присваиваются таким образом, что чем меньше коррупция в стране, тем выше значение индекса.

¹⁵ С методикой подсчета Индекса восприятия коррупции, а также других международных рейтингов, которые мы будем ниже использовать, можно в докладе Фонда ИНДЕМ «Разнообразие стран, разнообразие коррупции» по адресу:

Прежде всего, мы сопоставим для шести стран значения Индекса восприятия коррупции со значениями, которые получены усреднением по вопросам 52 и 53 индексов, представленных в таблице ПЗ.2, которыми мы пользуемся сейчас при анализе особенностей стран. Т.е., для каждой страны мы выводим, если можно так выразиться, среднюю «обременительность взятки» и для граждан, и для организаций. Следующий рисунок представляет диаграмму рассеяния для двух описанных переменных.

Рисунок 4.3.1. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс восприятия коррупции (П) за 2008 г. – ось X; среднее средних оцифровок ответов экспертов каждой страны ответов для вопросов 52 и 53 – ось Y

Формальное сопоставление двух рядов значений, представленных на приведенной диаграмме, с помощью коэффициента ранговой корреляции Кендалла дает значение коэффициента, равное 0,4, а доверительная вероятность, определенная по точному критерию, равна 0,242. Это может подтолкнуть к отвержению гипотезы о наличии зависимости между двумя переменными. Однако диаграмма рассеяния своим интересным видом препятствует этой поспешности. Расположение точек-стран на диаграмме в целом указывает на наличие положительной статистической зависимости. Значение доверительной вероятности, подталкивающее к принятию гипотезы о независимости, определяется небольшим числом наблюдений. Но дело не только в этом. Предлагается рассмотреть на диаграмме рассеяния две группы точек. Первая группа – Украина, Болгария и Латвия – лежат на прямой, демонстрирующей положительную линейную зависимость между уровнем коррупции и усредненными оцифровками ответов на вопросы 52 и 53. Тогда вторую группу образуют Россия и Польша. Они совместно демонстрируют ту же зависимость, что и три первые точки-страны, но сдвинутую выше. Такой сдвиг может иметь довольно правдоподобное объяснение: эксперты из России и Польши дают оценки, приукрашивающие реальное положение дел. На диаграмме читатели видят две стрелки; каждая из них имеет своим началом точку-страну второй группы, каждая параллельна вертикальной оси; каждая имеет своим концом воображаемую точку на прямой, соответствующей зависимости, образованной тремя точками-странами первой группы. Мы можем предполагать, что

если бы эксперты из России и Польши давали ответы на вопросы 52 и 53, более точно отражающие ситуацию, то мы получили бы практически идеальную линейную зависимость.

Следует сразу подчеркнуть: это только гипотеза, которую подтвердить трудно. Но несколько проверок мы все-таки проведем. Первая такова: в анкете был вопрос 20 «Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?». Рассмотрим диаграмму рассеяния, подобную диаграмме рисунка 4.3.1, в которой вертикальная ось будет соответствовать средней по экспертам каждой страны оцифровке ответов на вопрос 20. Тут еще важно, что тогда на диаграмме появляется точка, соответствующая Чили. Кроме того, этот вопрос входит в набор наиболее проблемных вопросов для Украины

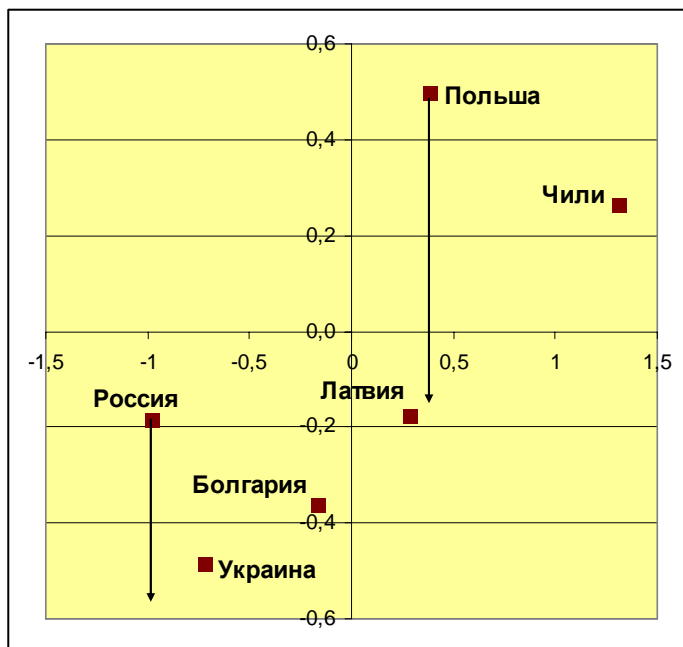

Рисунок 4.3.2. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс восприятия коррупции (ТИ) за 2008 г. – ось X; средняя оцифровка ответов экспертов каждой страны ответов на вопрос 20 – ось Y

В данном случае расчеты дают нам значение рангового коэффициента корреляции Кендэла, равное 0,467, при доверительной вероятности, определенной по точному критерию, равной 0,136. Наши предположения подтверждаются: доверительная вероятность уменьшилась при появлении новой точки. Важно, что точка-Чили легла на зависимость, ранее заданную тремя точками первой группы. А в остальном картина осталась такая же, что и на диаграмме рисунка 4.3.1. Тем самым, мы получаем косвенное подтверждение выдвинутой выше гипотезы о том, что эксперты России и Польши приукрашивают коррупционную действительность своих стран (либо, конечно, обладают заниженными требованиями по сравнению с экспертами других стран, что дает тот же эффект). Подтверждение основано на замене пары вопросов 52 и 53 вопросом 20 на ту же тему коррупции.

Следующая проверка основана на предположении, согласно которому наблюдаемые нами эффекты определяются выбранным способом измерения коррупции – Индексом восприятия коррупции. Чтобы проверить это подозрение, заменим в диаграмме Рисунка 4.3.2 переменную, соответствующую оси X. Вместо Индекса восприятия коррупции воспользуемся индексами, которые ежегодно представляет Всемирный Банк в своем проекте «World Governance Indicators» (WGI).

Задача проекта – присвоить странам индекс эффективности государственного управления, который определяется агрегированием частных индексов, представляющих различные аспекты управления. Один из таких частных индексов называется «Контроль над коррупцией». Диаграмма следующего рисунка представляет результат такой замены одного индекса коррупции на другой.

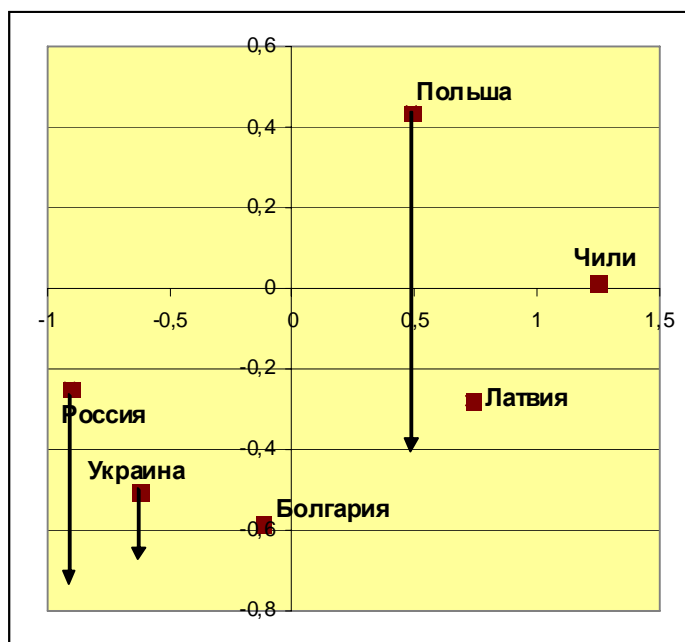
Рисунок 4.3.3. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс «Контроль над коррупцией» за 2008 г. (Всемирный банк) – ось X; средняя оцифровка ответов экспертов каждой страны ответов на вопрос 20 «Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?» – ось Y

Мы снова видим ту же картину. Единственное различие – по индексу коррупции Всемирного банка Польша чуть приличнее Латвии, а по версии TI – чуть хуже. Таким образом, мы видим, что наблюдаемые эффекты не зависят от выбора индекса измерения коррупции.

Последняя проверка, которую мы здесь предложим, должна откликнуться на другое потенциальное возражение. Ведь речь идет – можно сказать – только о коррупции, причем международный индекс касается коррупции вообще, а наши средние оцифровки – коррупции в судах. Поэтому необходимо отойти от темы коррупции и рассмотреть иной сюжет. Воспользуемся для этого вопросом 17 «Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияния на судей?» и средними для каждой страны оцифровками ответов на этот вопрос. (Кстати, этот вопрос также входит в число наиболее проблемных вопросов и для Болгарии, и для Украины.) С этой величиной мы сопоставим значения для тех же стран другого индекса – «Rule of Law¹⁶» из того же исследования WGI Всемирного банка. Естественно полагать, что порядок, устанавливаемый посредством Rule of Law, противоречит политическому или административному вмешательству в работу судов и судей, что и должно отражаться

¹⁶ Мы полагаем, что адекватных коротких переводов этого важного термина не существует. Ближе всего толкование (не перевод) примерно такое: «Управление посредством универсальных законов по сравнению с управлением посредством конкретных директив».

на соответствующей диаграмме рассеяния которую читатели найдут на следующем Рисунке 4.3.4.

Рисунок 4.3.4. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс «Rule of Law» за 2008 г. (Всемирный банк) – ось X; средняя оцифровка ответов экспертов каждой страны ответов на вопрос 17 «Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияния на судей?» – ось Y

Мы видим на диаграмме такую же картину сдвига точек, соответствующих Польше и России, вверх в направлении более позитивных оценок. Единственное отличие от предыдущих конфигураций точек (было бы странно и подозрительно, если бы никаких отличий не было) состоит в том, что точка-Украина сдвинулась несколько вверх, но не так решительно, как Россия и Польша. Итак, мы получили несколько подтверждений гипотезы о том, что оценки России и Польши сдвинуты в сторону констатации более благополучного положения дел, нежели это есть на самом деле. Мы не вдаемся в причины такого сдвига, они могут быть разными. В частности – прямое намерение продемонстрировать более благополучную ситуацию, другой вариант – более низкий «стандарт качества». Как бы то ни было, мы вернемся к этому факту в заключительном разделе, чтобы показать, что этот сдвиг не влияет на наши основные выводы.

Уже упоминалось чуть выше, что изучавшийся только что вопрос 17 входит в шестерку наиболее проблемных вопросов для Болгарии. Мы убедились только что, что этот вопрос коррелируется со степенью осуществления в стране принципа «Rule of Law» в той его части, которая касается независимости судов. Не удивительно, что в эту же шестерку вопросов входит вопрос 10 «В какой мере практика нынешней политической системы обеспечивает независимость судебной системы?», посвященной той же теме. Тем самым, можно сказать, что болгарские эксперты видят главную проблему судебной власти в ее независимости, сопряженной с разного рода влияниями на судей, в первую очередь – коррупционными.

Последний вопрос шестерки проблемных вопросов для Болгарии – вопрос 46 «Существует ли возможность доступа (в том числе – электронного) к судебной статистике?». Есть гипотеза, которая объясняет сочетание проблемы электронного

доступа с проблемами независимости, а также высокие требования к своей судебной власти, выражаемые в негативных оценках, присваиваемых болгарскими экспертами своей судебной власти. Есть основания предполагать, что такие оценки и их структура вызваны высокой требовательностью, взаимосвязанной с устремлениями болгарской элиты в Европу (Евросоюз). Это предположение подтверждается и вторым набором вопросов, относящихся к благоприятным аспектам функционирования судебной власти. Они ориентированы на проблемы независимости суда, европейских стандартов права. Четыре из пятерки вопросов касаются формальных аспектов, и только один (12-й вопрос) – неформального: правосознания судейского корпуса, которое оценивается болгарскими экспертами весьма позитивно. По этому аспекту Болгария лидирует, и с существенным отрывом.

Теперь перейдем к анализу содержимого Таблицы 4.3.2, содержащей списки проблемных и благополучных вопросов для Чили.

Таблица 4.3.2. Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оценок ответов для экспертов из Чили. В правом столбце – значения средних оценок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами

48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,403
68. Насколько охотно судьи используют при вынесении судебных решений практику международных судов?	-0,359
35. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения административных дел?	-0,330
34. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения гражданских дел?	-0,281
55. Каково качество бесплатной правовой помощи?	-0,280
29. В какой мере предшествующая работа судьи влияет на принимаемые им решения?	-0,267

Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами

26. В какой мере судьи проявляют самостоятельность мышления при принятии решений?	0,382
64. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются нормами подзаконных актов?	0,382
59. В какой степени состязательность и равенство сторон гарантируются нормами, регулирующими судебный процесс?	0,384
62. В какой степени полное и всестороннее обоснование судебных решений обеспечивается нормами, регулирующими судебный процесс?	0,387
58. Предусмотрена ли судебной системой возможность судей встать на защиту прав человека, если возникает конфликт между буквой закона и правами человека?	0,391
5. Каким образом, на Ваш взгляд, на независимость судей влияют финансовые гарантии деятельности судей?	0,446
63. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются нормами закона?	0,457
23. Каков уровень исполнения судебных решений?	0,530

Список шести проблемных вопросов в приведенной таблице довольно разрозненный. Он затрагивает следующие проблемы: дороговизна адвокатских услуг, недостаточная численность судей, слабая ориентация на международное право, низкое качество бесплатной правовой помощи. Эксперты из Чили указывают также и на негативное влияние предшествующей работы судьи. Интересно, что на ту же проблему сетуют эксперты из Латвии и Болгарии, а вот эксперты из России или Украины оценивают эту проблему нейтрально.

Наиболее положительным аспектом чилийские эксперты назвали уровень исполнения судебных решений (вопрос 23). В не меньшей степени положительно оценивают этот аспект польские эксперты. И обе страны существенно выделяются по сравнению с остальными. Остальные положительные аспекты также разрознены и не определяют какой-либо специфики судебной власти Чили, которая могла бы быть зафиксирована универсальным инструментом наподобие экспертной анкеты.

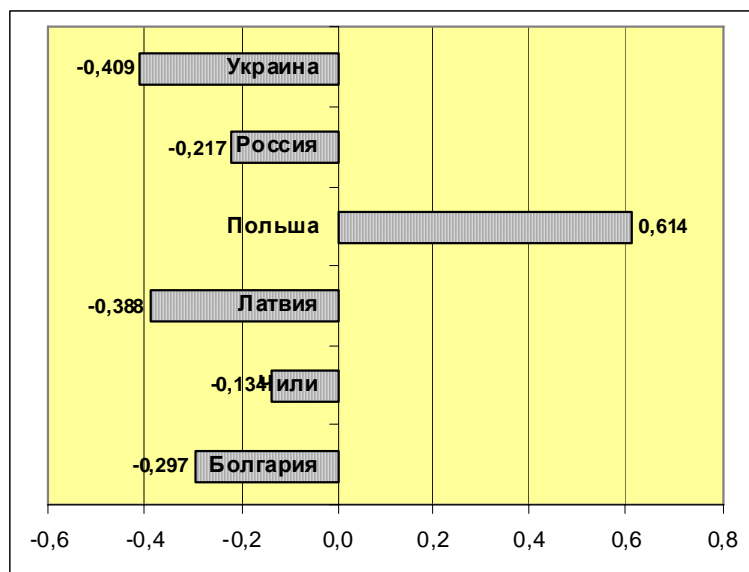
Таблица 4.3.3. Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оценок ответов для экспертов из Латвии. В правом столбце – значения средних оценок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами	
52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,443
53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,439
48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,438
19. Существует ли, и в какой степени, неформальное влияние на судей со стороны судебной бюрократии?	-0,388
34. Достаточно ли количество судей для своевременного рассмотрения гражданских дел?	-0,376
Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами	
64. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются нормами подзаконных актов?	0,505
26. В какой мере судьи проявляют самостоятельность мышления при принятии решений?	0,513
56. В какой мере работа судебного аппарата, обеспечивающего функционирование судов и судей, влияет на отправление правосудия?	0,522
58. Предусмотрена ли судебной системой возможность судей встать на защиту прав человека, если возникает конфликт между буквой закона и правами человека?	0,597
44. В какой мере для желающих развиты возможности электронного доступа (в том числе – через сеть Интернет) к информации о расположении судов и графике их работы?	0,722

Теперь рассмотрим два списка вопросов для Латвии из таблицы 4.3.3. В списке пяти наиболее проблемных вопросов мы видим, прежде всего, два вопроса 52 и 53 об обременительности взяток. К ним по величине индекса примыкает проблема величины затрат на услуги адвокатов. Далее следует пара вопросов, один из которых – снова вопрос о дефиците судей.

Наконец, в список входит важная проблема негативного влияния на судей судебной бюрократии. Поскольку, как показывают наши глубинные интервью, эта проблема крайне важна для России, рассмотрим ее проблематичность для всех шести стран на диаграмме Рисунка 4.3.5. Интересно, что для всех стран кроме Польши средняя оценка проблемы, связанной с вопросом 19, ниже нуля. Т.е. в той или иной степени эта проблема негативно влияет на правосудие в этих странах. Более того, любопытно, что это распространяется и на Чили – страну, которая превосходит в этом наборе всех по индексу «Rule of Law». Польша, составляющая исключение, выделяется крайне существенно, что снова заставляет подумать о завышении оценок польскими экспертами. Следует отметить также значение средней оценки для России, выводящее ее на третье призовое место вслед за лидером-Польшей и сдержанными экспертами Чили. При этом Россия почти в два раза превосходит Литву

с судебной властью, которую международные рейтинги ставят много выше России. Подозрение – то же самое.

Рисунок 4.3.5. Средние для каждой страны оцифровки ответов на вопрос 19 «Существует ли, и в какой степени, неформальное влияние на судей со стороны судейской бюрократии?»

Таблица 4.3.4. Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оцифровок ответов для экспертов из Польши. В правом столбце – значения средних оцифровок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами

46. Существует ли возможность доступа (в том числе – электронного) к судебной статистике?	-0,672
88. Существуют ли традиции контроля над судебной властью со стороны гражданского общества (включая независимые СМИ)?	-0,656
48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,581
54. Насколько эффективна помощь гражданам, обращающимся в суд, работников суда (например, помощников судей и работников секретариатов)?	-0,579
68. Насколько охотно судьи исполняют при вынесении судебных решений практику международных судов?	-0,564
57. Предусмотрены ли нормами, регулирующими деятельность судов, возможность вынесения решений с учетом решений международных судов?	-0,476

Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами

10. В какой мере практика нынешней политической системы обеспечивает независимость судебной системы?	0,905
81. В какой степени судебной практикой обеспечивается состязательность и процессуальное равенство в гражданском процессе?	0,910
74. В какой степени соблюдение принципов состязательности и равноправия сторон является естественной профессионально-этической нормой судьи в уголовном процессе?	0,917
1. Каким образом, по Вашему мнению, нормы, регулирующие организацию и деятельность судебной власти, влияют на ее независимость?	0,917
63. В какой степени судьи при вынесении решений руководствуются нормами закона?	0,917

В наборе шести наиболее проблемных вопросов для Польши (Таблица 4.3.4) снова встречаются вопрос 46 (проблема электронного доступа к судебной

статистике), как в болгарском списке (и российском, следует добавить); вопрос 48 (расходы на услуги адвоката), как в случаях всех стран, кроме Болгарии, которой, видимо, повезло в этом случае; 68 (готовность судей использовать практику международных судов), как и в Чили; 88 (отсутствие традиции гражданского контроля), как и в России. Два вопроса определяют индивидуальное лицо главных проблем Польши. Во-первых, это вопрос 57 (наличие норм, предусматривающих возможность учитывать практику международных судов). Во-вторых, вопрос 54 (эффективность помощи гражданам со стороны работников суда).

Список благополучных аспектов в случае Польши включает набор вопросов, отражающих как формальные, так и неформальные стороны функционирования судов. Характерны очень высокие значения средних оценок и узкий диапазон их варьирования, что делает этот набор практически случайным.

Таблица 4.3.5. Списки вопросов с наибольшими и наименьшими значениями средних оценок ответов для экспертов из Украины. В правом столбце – значения средних оценок ответов

Вопросы, связанные с наиболее проблемными аспектами

48. Насколько обременительны расходы на услуги адвоката для обычного гражданина?	-0,705
52. Насколько обременительны для обычного гражданина неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,614
53. Насколько обременительны для среднестатистического юридического лица неофициальные затраты (подарки, взятки и т.п.) при участии в судебном разбирательстве?	-0,595
17. Существует ли, и в какой степени, неформальное политическое и административное влияния на судей?	-0,500
20. Существует ли, и в какой степени, коррупционное влияние на судей?	-0,485

Вопросы, связанные с наиболее благополучными аспектами

62. В какой степени полное и всестороннее обоснование судебных решений обеспечивается нормами, регулирующими судебный процесс?	0,500
65. В какой степени суды при вынесении решений ориентируются на практику вышестоящих судов?	0,503
24. В какой степени суды при вынесении решений руководствуются соображениями этнической принадлежности, принадлежности к национальным меньшинствам, сторон?	0,515
3. Каким образом нормы, регулирующие принятие решений судьями, влияют на независимость (самостоятельность) судей?	0,552
57. Предусмотрены ли нормами, регулирующими деятельность судов, возможность вынесения решений с учетом решений международных судов?	0,785

Список проблемных аспектов в случае Украины (Таблица 4.3.5) содержит вопросы 48, 52 и 53, которые, как мы видели, входят в списки еще трех-четырех стран. Наличие в списке вопроса 17 (неформальное политическое и административное влияние на судей) роднит Украину с Болгарией. Один вопрос 20 представляют специфичность Украины. За исключением вопроса 48, все остальные вопросы объединяются единой темой коррупции. Список благополучных объектов не выделяется какой-либо отчетливой тенденцией.

Подводя итог проведенному анализу, можно сделать следующие заключения. Во-первых, списки проблемных вопросов в большей степени и более осмысленно характеризуют страны, чем списки благополучных вопросов, которые выглядят не столь систематично. Во-вторых, списки проблемных вопросов содержат позиции, общие для ряда стран. Так, вопрос 48 (дороговизна услуг адвокатов) касается проблемы, важной для пяти стран, исключение – Болгария. Вопросы 52 и 53,

касающиеся коррупции, входят в списки проблем четырех стран (исключения – Чили и Польша). В-третьих, главная тема проблемных списков – коррупция и неформальное влияние на судей.

Теперь для продолжения сравнения стран перейдем с уровня вопросов на уровень индексов. Нам нужно сравнить страны между собой, выделив для каждой из них те характеристики, которые выделяют их и по величине, и в сравнении с другими странами. Для этого мы используем следующий прием. Возьмем в качестве исходных данных значения индекса P_p по всем четырнадцати критериям для каждой страны в отдельности (см. Таблицу 4.2.1). Для каждой страны подсчитаем среднее арифметическое значение всех индексов по четырнадцати критериям и стандартное отклонение тех же четырнадцати чисел. Получим шесть пар средних и отклонений. Затем для каждой страны в отдельности (т.е. для столбцов таблицы 4.2.1) преобразуем значения четырнадцати значений индекса P_p этой страны, вычтя из каждого значения среднее арифметическое индексов этой страны и поделив полученную разницу на стандартное отклонение. Такое преобразование называется стандартизирующим, потому что в результате мы приписываем критериям такие значения, что страны становятся сопоставимыми между собой. Новые значения характеризуют критерии внутри каждой страны не в абсолютном выражении, а в относительном. Они определяют направление и степень отклонения данного критерия относительного среднего значения индексов для данной страны, а отклонение от среднего меряется в единых единицах стандартного отклонения для каждой страны. Полученные таким образом стандартизированные значения индекса P_p собраны в приведенную ниже Таблицу 4.5.6.

Для дополнительного пояснения сути проделанного преобразования приведем пример результата его применения. Сравним Латвию и Польшу по второму критерию – Неформальный аспект независимости судов. В таблице 4.2.1 мы находим, что по этому критерию Латвия уступает Польше (значения индекса P_p равны соответственно 0,723 и 0,963). А в Таблице 3.4.6 мы обнаруживаем, что Польша уступает Латвии (соответственно -0,318 и -0,144). Во втором случае мы видим, что польские эксперты ставят неформальный аспект независимости судов ниже относительно среднего уровня значений индексов для Польши, чем эксперты из Латвии.

Для построения портретов стран в каждой строке Таблица 3.4.6 мы выделим по две страны с наибольшими значениями стандартизированного индекса и по две страны с наименьшими значениями. Иногда, когда это обусловлено значениями в таблице мы будем вместо пары отмечать одно значение, или даже ни одного. Затем выделенные критерии будем использовать как «краски» в портретах стран. Таким образом, если в портрет страны попадает, в положительном или отрицательном смысле, некоторый критерий, то он попадает туда потому, что он имеет достаточно большое или маленькое значение по сравнению со значениями того же критерия у других стран. Теперь рассмотрим образованную таким образом «галерею».

Болгария. Ее позитивными чертами является независимость – и судов, и судей с их решениями. Отрицательные черты в портрете – влияние сопряженных институтов и обеспеченность судов.

Чили. Специфические черты ее портрета связаны с теми критериями, которые отрицательно характеризуют все страны. В трех случаях Чили оказывается наименее плохой, и соответствующие критерии образуют позитивную часть портрета: неформальный аспект независимости судей, формальный аспект доступности правосудия и качество неформальных практик. В двух случаях чилийские эксперты рисуют негативный портрет своей страны мрачнее других: неформальный аспект справедливости правосудия и качество правоприменительной практики.

Таблица 4.3.6. Стандартизированные значения индекса P_p для каждой страны в отдельности по четырнадцати критериям работы судебной власти. Чем выше значение индекса, тем выше качество работы суда по данному критерию с точки зрения экспертов

№	Критерий	Болгария	Чили	Латвия	Польша	Россия	Украина
1	Формальный аспект независимости судов.	1,591	1,494	1,404	1,664	1,587	1,254
2	Неформальный аспект независимости судов.	-0,730	-0,470	-0,144	-0,318	-1,135	-0,976
3	Формальный аспект независимости судей.	1,391	0,614	0,740	0,112	0,746	0,408
4	Неформальный аспект независимости судей.	-0,287	0,072	-0,173	0,019	-0,540	-0,314
5	Формальный аспект доступности судов.	-0,070	0,000	-0,413	-0,430	-0,310	0,207
6	Неформальный аспект доступности судов.	-0,617	-1,265	-1,019	-2,626	-1,500	-1,071
7	Формальный аспект справедливости правосудия.	1,470	1,566	1,760	0,093	1,056	1,947
8	Неформальный аспект справедливости правосудия.	-0,791	-1,169	-0,240	0,243	-0,476	-0,686
9	Качество нормативного регулирования.	0,957	0,639	0,692	0,813	1,151	0,929
10	Качество правоприменительной практики.	-1,009	-1,590	-1,260	0,402	-1,056	-0,917
11	Качество неформальных практик.	-0,270	0,217	-0,221	-0,327	-0,151	-0,414
12	Влияние сопряженных институтов.	-1,296	-0,265	-1,115	-1,009	-0,802	-1,183
13	Обеспеченность судебной власти.	-0,870	-0,831	-1,173	0,617	0,262	-0,355
14	Качество принятия судебных решений.	0,530	0,988	1,115	0,776	1,206	1,142

Латвия. Сходным образом сформирован и портрет этой страны. По сравнению с другими странами ее положительно выделяют неформальные аспекты независимости судов и справедливости правосудия, а отрицательно – формальный аспект доступности судов и обеспеченность судебной власти.

Польша обладает наиболее богатым набором «красок». Положительные стороны ее портрета включают: независимость судов в целом, неформальные аспекты независимости судей и справедливости правосудия, качество правоприменительной практики и обеспеченность судебной власти. Столь же тщательно прописана и негативная сторона портрета, включающая: формальный аспект независимости судей, доступность судов в целом, формальный аспект справедливости правосудия и качество неформальных практик.

Россия (как и Болгария) прорисована наиболее скупо. Ее положительная черта – лишь обеспеченность судов, а отрицательные – неформальные аспекты независимости судов и судей.

Украина имеет портрет несколько более подробный. Она лучше всех оценивает свой формальный аспект справедливости правосудия и доступности судов. Хуже экспертов в других странах украинские эксперты оценивают следующие негативные черты правосудия страны: неформальный аспект независимости судов, качество неформальных практик и влияние сопряженных институтов.

Следует обратить внимание, что две «краски» оказались не использованными в портретах: качество нормативного регулирования и качество принятия судебных решений. По этим критериям эксперты всех стран оценили свои страны как довольно благополучные.

Мы завершим сравнение стран на макроуровне попыткой создать их коллективный портрет, точнее – обобщить и визуализировать сходства-различия между ними, выраженные четырнадцатью критериями. В качестве числового выражения мы будем использовать ранги индексов этих критериев, которые были представлены выше в Таблице 4.2.2. Выбор именно рангов обусловлен выявленными нами выше особенностями работы экспертов отдельных стран, которые затрудняют работу со значениями индексов для сравнения стран друг с другом. Прибегая к рангам индексов мы, тем самым, сопоставляем страны по тому, как они выстраивают иерархию (упорядочение, ранжирование) критериев от благополучных к проблемным. Две страны похожи, если они сходным образом упорядочивают критерии; страны тем более различны, чем больше различаются упорядочения критериев. Тут важно также понимать, что такое сравнение стран осуществляется на основании «экспертной самооценки», а не каких-либо показателей, которым мы вправе придать статус объективных. Можно сказать иначе: мы сравниваем публично отчуждаемую рефлексию экспертов состояния судебной власти своих стран.

Ниже на Рисунке 4.3.6 представлена диаграмма, на которой точки-страны расположены следующим образом. Близко расположенные точки-страны характеризуются сходными иерархиями критериев, далеко расположенным точкам-странам соответствуют страны с различающимися иерархиями критериев. Чем больше различаются иерархии, тем дальше друг от друга на диаграмме точки-страны¹⁷.

---

¹⁷ Приведенная на диаграмме Рисунка 4.3.6 конфигурация точек-стран получена нами применением статистической процедуры неметрического многомерного шкалирования (см., например, Справочник по прикладной статистике. В 2-х т. Т.2: Пер. с англ. / под ред. Э. Ллойда, У.Ледермана, С.А. Айвазяна, Ю.Н.Тюрина, - М.: Финансы и статистика, 1990. С. 240-299). Использовалась стандартная процедура пакета SPSS. В качестве матрицы различий между ранжировками использовалась метрика L1 между

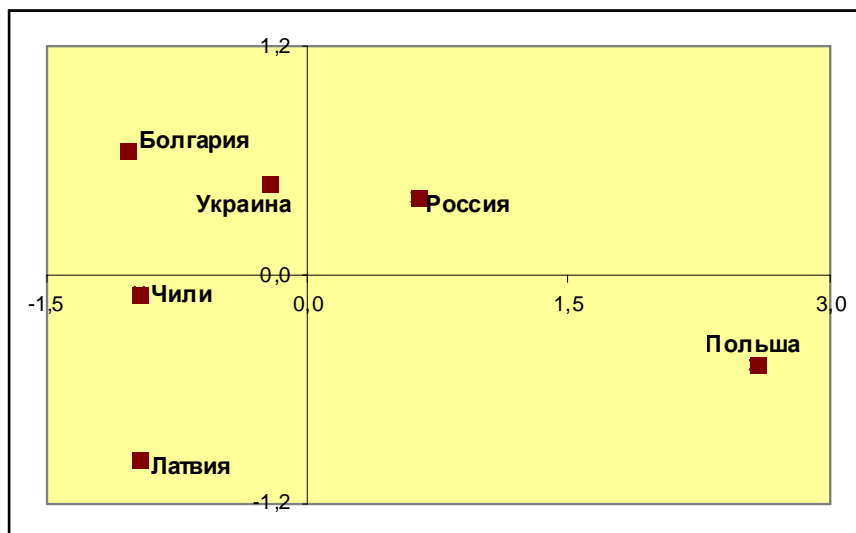

Рисунок 4.3.6. Диаграмма, представляющая структуру сходств-различий между странами, выявленную на основании сравнения иерархий критериев работы судебных властей стран

На диаграмме мы видим сравнительно компактную группу из четырех стран: Болгария, Украина, Чили и Россия. По вертикальной оси от них отделяется Латвия, а по горизонтальной – Польша. Два дополнительных наблюдения, довольно интересных. Первое: факт вхождения Чили в указанную выше группу четырех стран. Второе: ближе всех к Польше оказывается Россия. Еще раз важно подчеркнуть, что здесь сходство-различие состоит не в степени тяжести проблем или величественности достижений, а в структуре этих проблем или достижений. Очень важно, с этой точки зрения, место, занимаемое Чили. Это дает нам основание предполагать, что Гипотеза 1 может быть распространена по своему действию на страны, претерпевающие не обязательно транзит в целом, но лишь трансформацию судебной власти. Но это пока лишь гипотеза, формулируемая на основании полученных данных и их анализа. Ее подтверждение может быть получено только при широком охвате подобным исследованием большой группы стран.

5. Обсуждение полученных результатов и основные выводы

Мы делим этот раздел на три неравные части. Первая, самая большая, часть – верификация некоторых ранее сделанных заключений. В основном это будет касаться заключений из четвертой главы. Для этого будут привлечены данные некоторых сравнительных исследований по различным странам, в которых затрагивается судебная власть. Вторая часть – обсуждение отдельных результатов. И третья часть – собственно основные выводы, которые, на наш взгляд, диктует наше исследование.

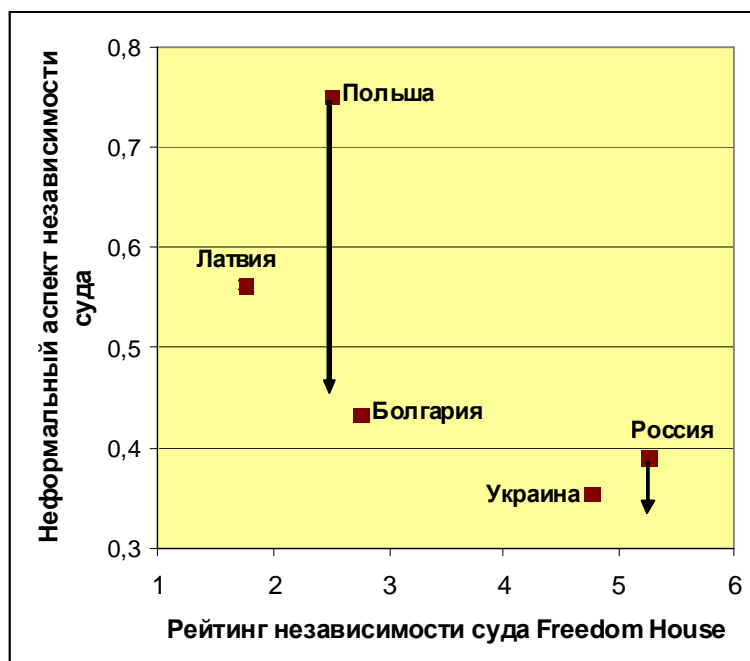
5.1. Субъективность экспертных оценок и надежность выводов

В этом параграфе мы начнем использовать два источника данных, содержащих результаты двух организаций – World Bank и Freedom House. Первая организация ежегодно публикует рейтинги стран (охватываются практически все страны мира), касающиеся различных аспектов государственного управления, включая рейтинг

векторами ранжировок (сумма абсолютных значений разницы рангов). В остальном режим вычислений был стандартный.

«Rule of Law», описывающий, как следует из названия, уровень обеспечения судебной властью (и мы обязаны добавить – сопряженными с ней институтами) власть закона в стране. Вторая организация в рамках проекта «Nations in transit» так же ежегодно публикует рейтинги демократичности транзитных стран, среди которых есть рейтинг «Judicial Framework and Independence Rating». Сразу отметим, что на совокупности транзитных стран эти рейтинги связаны очень высокой линейной статистической зависимостью, характеризуемой коэффициентом корреляции, равным -0,96 (знак минус от разнонаправленности рейтингов).

Прежде всего, обратимся к нашей гипотезе о завышении экспертами некоторых стран оценок состояния судебной власти в своих странах. Фактически, в разделе 4.3 мы уже начали верификацию с помощью международных индексов (см. рисунки 4.3.3, 4.3.4 и связанный с ними текст). Тогда мы делали это в рамках анализа особенностей различных стран на уровне микроанализа. Сейчас мы завершим эту работу на уровне макроанализа, обратившись к индексу «Judicial Framework and Independence Rating» американской организации Freedom House. В этом рейтинге главное – независимость судебной власти как один из важнейших атрибутов демократии. Это обстоятельство позволяет нам сопоставить данные Freedom House с нашими обобщенными экспертными оценками по странам. Мы будем использовать наш критерий «Неформальный аспект независимости судов». Причин тому две. Первая – в отношении формального аспекта независимости судов все изучаемые здесь страны примерно равны (Польша, как обычно, выделяется). Вторая – рейтинги Freedom House строятся на основе экспертных оценок. Но эксперты, как правило, давая подобные оценки, ориентируются больше на практику, нежели на качество норм. Насколько наши предположения верны, показывает диаграмма приведенного ниже Рисунка 5.1.1. Обратите внимание, что на диаграмме отсутствует точка «Чили», поскольку Freedom House изучает лишь транзитные страны.

Рисунок 5.1.1. Диаграмма рассеяния двух переменных: Индекс «Judicial Framework and Independence Rating» (Freedom House) за 2008 г. – ось X; Индекс «Неформальный аспект независимости суда» по пяти странам – ось Y

Мы видим на диаграмме знакомую уже картину: оценки экспертов из Польши и России сдвинуты в положительную сторону. Тем самым, наша гипотеза, высказанная в предыдущем параграфе, подтверждается. Из данных раздела 3 мы уже знаем, что российские данные сдвинуты, в основном, за счет группы экспертов-судей (см. Рисунок 3.1.1). Отдельный анализ данных, полученных от польских экспертов, также позволяет выделить компактную группу экспертов, чьи оценки сдвинуты по отношению к остальным польским экспертам. Эта группа составляет примерно 16 % от всех польских экспертов. В нее входят только судьи, занятые в судах общей юрисдикции со стажем не ниже среднего. Их оценки весьма сходны, что может объясняться, как и в случае с российскими судьями, корпоративной позицией. Следует отметить, что для обеих стран принадлежность судейскому корпусу не полностью (но в основной части) объясняет наблюдаемый нами сдвиг в оценках при сравнениях с международными индексами.

Итак, мы с высокой степенью достоверности можем говорить о наличии групп экспертов, разных профессий или из разных стран, которые дают сдвинутые оценки. Мы проверяли достоверность сдвига в сторону позитивных оценок. Мы вправе предполагать, что тщательный анализ может выявить и систематические верифицируемые сдвиги в сторону негативных оценок. Правда, поверхностный взгляд таких явных сдвигов не обнаруживает на групповом уровне. На индивидуальном уровне – пожалуйста. Например, среди польских экспертов легко выявляется единственный эксперт-диссидент, дающий резко заниженные оценки по сравнению с остальными.

В любом случае, мы обязаны обсудить важный вопрос: насколько выявленные сдвиги влияют на наши выводы, на результаты проверки базовых гипотез. Мы считаем: **такое влияние отсутствует**, и ниже обосновываем это утверждение.

Если вернуться в начало текста к формулировкам наших базовых гипотез, то нетрудно установить, что **объектом нашего изучения является судебная власть** как институт в широком смысле, во всех его взаимосвязях и проявлениях, формальных и неформальных, в процессе трансформации. Экспертные оценки, и, следовательно, эксперты, группы экспертов, образованные по профессиональному признаку или из разных стран, – это инструмент изучения нашего объекта. Наше внимание к инструменту – экспертам и группам экспертов – оправдано в силу специфичности инструмента и в силу порождаемой этой специфичностью субъективностью получаемых «результатов измерения», которую мы должны осознавать и учитывать. Любой ответ эксперта на вопрос, относящийся к некоторому объекту, характеризует и объект, и эксперта. Но это обстоятельство позволяет нам в ходе исследования формировать представления об экспертах и их группах, через них – оценивать и сравнивать между собой страны, не забывая, естественно, о субъективности оценок. Коль скоро экспертные оценки разнообразны, то мы не могли пройти мимо изучения этого разнообразия. Все это наличествовало в приведенном выше анализе. Но все это – «вторичный», хотя и весьма интересный, продукт нашего исследования. Завершая эту линию рассуждений и желая быть предельно точными, мы так сформулируем наше отношение к полученным выше выводам, касающимся описания и сопоставления стран в предыдущем разделе. Следует помнить, что когда мы оцениваем или сравниваем страны, мы фактически оцениваем и сравниваем оценки групп экспертов из этих стран. Поэтому результаты таких описаний и сопоставлений должны восприниматься с учетом наличия субъективной компоненты, которую мы также постарались описать.

Вернемся к «первичному продукту», к объекту нашего исследования. В нем мы описываем суды посредством набора критериев. Важно обратить внимание, что

все три базовые гипотезы, приведенные в начале данного текста, либо сформулированы в терминах соотношений между критериями, либо допускают верификацию с помощью соотношений между критериями или соотношений между ответами на разные вопросы.

Последний факт очень важен, поскольку он соотносится с главной (в данном случае) особенностью психологии экспертной работы. В процессе заполнения экспертной анкеты эксперт непосредственно взаимодействует с вопросами анкеты, выбирая ответы на них. Субъективность ответов эксперта проявляется, главным образом, двумя способами. Первый: объективная субъективность опыта. Эта субъективность полезна. Именно для того, чтобы ее учесть и аккумулировать необходимо разнообразие экспертов и групп экспертов. Второй – оценочная субъективность. Она проявляется в том, что эксперт, отвечая на вопросы анкеты, воспроизводит систематический сдвиг оценок в позитивную (как мы зафиксировали) или негативную стороны. Нам не важно происхождение этого сдвига. Он существует и систематически влияет на оценки (ответы). Но самое главное следующее. **Эксперт, систематически воспроизводя при ответах свойственную ему в той или иной степени оценочную субъективность, не контролирует, в подавляющей массе, соотношения между своими ответами на разные вопросы**¹⁸. Именно поэтому мы наблюдали сходство структур (упорядочений) индексов критериев у экспертов из разных групп (см. рисунки 3.2.2 и 4.2.3). То же самое касается и наблюдавшихся нами соотношений между вопросами или небольшими группами вопросов (см., например, параграф 2.3). Все это означает, что фигурирующие в данных, выявляемые нами статистически надежные соотношения между ответами экспертов несут более объективную информацию, чем сами ответы. Но именно на таких соотношениях основаны наши гипотезы и (или) их проверка. Тем самым, **наши выводы, прежде всего касающиеся достоверности выдвинутых базовых гипотез, не страдают от наблюдаемой и описываемой нами субъективности экспертных оценок.**

5.2. Поле права в соотношении с другими субполями власти

Для дальнейшей верификации полученных нами результатов мы подключим к нашему исследованию упомянутые выше результаты проекта Всемирного банка «World Governance Indicators» (далее – WGI). В рамках этого проекта Всемирный банк ежегодно, начиная с 1996 г., определяет и публикует значения шести рейтингов-индикаторов-индексов для более чем двухсот стран мира¹⁹. Каждый из индексов по специальной методике определяется по совокупности международных сравнительных исследований, проводящихся различными национальными и международными организациями, на основании опросов и экспертных оценок предпринимателей, экспертов и т.п. Следует иметь в виду, что на протяжении всего проекта происходили определенные изменения в названиях и трактовках индикаторов. Приведенная ниже

---

¹⁸ В качестве любопытной аналогии можно привести следующий эффект. Люди в своей речи обычно контролируют ее содержание: суждения оценки и т.п. (исключения – психические аномалия или крайнее возбуждение). Но они не в состоянии контролировать используемые ими в речи метафоры (которые также по своей роли выполняют функцию взаимосвязей между понятиями, смыслами). См., например: *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем, М.: Едиториал УРСС, 2004.

¹⁹ Об этих индикаторах можно прочитать в цитированном выше докладе Фонда ИНДЕМ «Разнообразие стран и разнообразие коррупции». Но лучше прибегнуть к первоисточникам: D. Kaufmann, A. Kraay, and P. Zoido-Lobaton. Aggregating Governance Indicators (World Bank Policy Research Working Paper 2195) October 1999. D. Kaufmann, A. Kraay, and P. Zoido-Lobaton/ Governance Matters (World Bank Policy Research Working Paper 2196) October 1999.

таблица содержит перечень этих рейтингов в той редакции, которая используется в последние годы.

Таблица 5.2.1. Перечень рейтингов программы WGI Всемирного Банка. Приведены применяемый здесь код рейтинга, его английское название и русский перевод названия

Код	Русский перевод	Оригинальное название
VaA	Право голоса и подотчетность	Voice and Accountability
PSaAV	Политическая стабильность и ненасилие	Political Stability & Absence of Violence/Terrorism
GE	Эффективность управления	Government Effectiveness
RQ	Качество регулирования	Regulatory Quality
RoL	Верховенство закона	Rule of Law
CoC	Способность ограничивать коррупцию	Control of Corruption

Каждый индикатор откалиброван таким образом, чтобы он изменялся в диапазоне от -2,5 (наихудшее качество) до 2,5 (наилучшее качество). Ниже всем шести индикаторам даны более подробные разъяснения.

1. **Право голоса и подотчётность** – используются оценки развитости гражданских свобод, ответственности властей перед избирателями, прозрачности механизмов управления, демократичности избирательной системы и т.п.
2. **Политическая стабильность и ненасилие** – рассматриваются различные аспекты стабильности-нестабильности, включая террористические угрозы, этнических вопросах, социальную сферу и т.п.
3. **Эффективность управления** – учитываются характеристики принятия и реализации решений, структурные характеристики управления (персонал, чиновничество, его структура, ротация и пр.).
4. **Качество регулирования** – здесь учитываются необоснованное вторжение государства в нетипичные для него сферы деятельности и контроля, а также конкуренция, банковская система, ценовой контроль и т.п. в той мере, в какой они определяются государством.
5. **Верховенство закона** – оценка силы закона и уважения к нему; развитость неофициальных и незаконных видов деятельности; характеристики судебной системы и т.п.
6. **Способность ограничивать коррупцию** – обобщаются данные значительного числа исследований по оценке уровня коррупции в различных странах.

Трактовка данного набора индикаторов затруднена с социологической или институциональной точек зрения. Если говорить об индикаторе, который интересует нас в первую очередь, то ясно, к примеру, что верховенство закона обеспечивается не только одним институтом судебной власти. Уровень коррупции, если говорить только о власти, зависит от совокупного действия различных властных институтов. Второй индикатор – «Политическая стабильность и ненасилие» – вообще относится не столько к функционированию власти, а к результирующей внешних обстоятельств и множества внутренних факторов, из которых эффективность властных институтов – лишь одна из частных. Учитывая все это, мы решили использовать для социологической трактовки этих индикаторов категорию поля по Бурдьё. С первым

индикатором мы будем ассоциировать поле политики, с третьим – поле исполнительной власти, с четвертым – поле законодательства, с пятым – поле права, а для последнего введем понятие «поле коррупции».

Отправной точкой нашего анализа мы сделаем результат естественной попытки проверить, насколько тесно взаимосвязаны между собой все шесть индикаторов. Понятно, что результат будет зависеть от набора стран. Поскольку мы изучаем, в основном, транзитные страны, то мы проделаем это для соответствующей выборки стран для данных WGI 2008 г.²⁰ Ниже в таблице 5.2.2 приводятся значения линейных коэффициентов корреляции для всех пар индикаторов.

Таблица 5.2.2. Коэффициенты линейной корреляции между индикаторами исследования WGI Всемирного банка 2008 г. по транзитным странам

	VaA	PSaAV	GE	RQ	RoL	CoC
VaA	1,000	0,630	0,872	0,930	0,915	0,916
PSaAV	0,630	1,000	0,677	0,568	0,738	0,687
GE	0,872	0,677	1,000	0,910	0,950	0,932
RQ	0,930	0,568	0,910	1,000	0,910	0,883
RoL	0,915	0,738	0,950	0,910	1,000	0,966
CoC	0,916	0,687	0,932	0,883	0,966	1,000

Мы видим, что значения коэффициентов очень велики, доверительные вероятности таковы, что отклонение гипотезы о независимости сопряжено с ошибкой, вероятность которой описывается исчезающе малой величиной. Диаграммы рассеяния между переменными, связанными с индикаторами указывают на наличие линейных зависимостей или монотонных зависимостей, слабо отличающихся от линейных. Может возникнуть предположение, что все шесть индикаторов измеряют почти одно и то же. Но это поспешное предположение.

Дело в том, что все шесть переменных из таблицы 5.2.2 связаны сложными структурными соотношениями, которые не выявляются при простейшем корреляционном анализе. Тому есть три формальные причины: первая – каждая парная взаимосвязь рассматривается изолированно от других; вторая – корреляционные зависимости симметричны и не указывают на причинные взаимосвязи. Третья причина – самая важная. Конкретная корреляционная зависимость, фиксируемая при анализе, может оказаться ложной корреляцией. Это означает, что существует некоторая третья переменная, влияющая одновременно на две первые и определяющая наблюдаемую корреляционную зависимость между первыми двумя переменными. Забегая вперед, приведем пример из нашего анализа. Мы видим из таблицы 5.2.2, что между переменными CoC и PSaAV имеется корреляция равная 0,687 – вполне почтенная корреляция, подталкивающая к выводу, что чем выше стабильность, тем меньше коррупция (или наоборот – чем меньше коррупция, тем выше стабильность). Однако если с помощью специальной статистической техники, о которой речь пойдет ниже, ввести в анализ переменную

²⁰ Эта выборка стран включала следующие страны: Албания, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Грузия, Венгрия, Казахстан, Киргизстан, Латвия, Литва, Македония, Молдавия, Черногория, Польша, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан. Кроме того, к этим странам была добавлена Португалия, которая очень часто становилась ориентиром развития для российской политической элиты. Тем более, что Португалия проходила процесс транзита, правда раньше. Кроме того, по совокупности значений индикаторов эта страна очень близка наиболее продвинутым транзитным странам.

RoL, т.е. рассмотреть, какова взаимосвязь между CoC и PSaAV при разных значениях RoL, то выяснится, что корреляция между CoC и PSaAV падает до значения $-0,147$, т.е. до статистически незначимого значения, позволяющего сделать вывод об отсутствии непосредственного взаимовлияния между CoC и PSaAV. Вместо этого мы можем сделать следующий вывод: чем выше верховенство права, тем, в среднем, меньше коррупция (или выше способность ограничивать коррупцию) и тем выше стабильность. Это влияние и обуславливает непосредственно наблюдаемую корреляцию между CoC и PSaAV.

В этом примере переменная RoL называется *контролирующей переменной*, а вычисленная при учете ее влияния корреляция между CoC и PSaAV называется *частной корреляцией*, а сама техника, позволяющая исследовать влияние одних переменных на корреляции между другими, называется *метод частных корреляций*²¹. Он славен тем, что не только позволяет выявлять ложные корреляции, как корреляция между CoC и PSaAV, но и устанавливать направление выявленных зависимостей. В нашем примере верховенство права в большей степени влияет на коррупцию, нежели наоборот, хотя некоторое обратное влияние тоже существует.

Наш пример показывает, как контролирующая переменная может повлиять на высокую корреляцию между переменными, уменьшив ее до незначительной частной корреляции. Если бы мы в нашем примере в качестве контролирующей переменной взяли VaA вместо RoL, то частная корреляция оказалась бы почти такой же, как исходная прямая корреляция между CoC и PSaAV. Т.е. в данном примере переменная RoL влияет на связь между CoC и PSaAV и сами переменные CoC и PSaAV, а переменная VaA – не влияет. Иными словами: переменная RoL лучше переменной VaA объясняет переменные CoC и PSaAV и связь между ними. Это дает подсказку, как различать шесть исследуемых переменных по их влиянию на остальные. Соответствующая статистическая техника исследования частных корреляций, развитая в ходе нашего проекта, описана в Приложении 4. Из всех описанных там конструкций, мы воспользуемся только последней – величиной ξ . Она характеризует степень влияния одной из переменных в некотором наборе на остальные переменные этого набора и взаимосвязи между этими остальными переменными. Величина ξ меняется в интервале от -1 до 1 . Если величина ξ_i больше 0 , то можно говорить, в определенном статистическом смысле, что i -я переменная влияет на все остальные переменные и связи между ними тем больше, чем больше величина ξ_i , чем ближе ее значение к 1 . Если величина ξ_i меньше 0 , то можно говорить, что i -я переменная не только не влияет на остальные переменные, но и «зашумляет» связи между ними. Иными словами, в статистическом смысле, значение величины ξ_i определяет место i -й переменной в системе причинно-следственных связей совокупности исследуемых переменных.

После этих комментариев обратимся к диаграмме Рисунка 5.2.1. На нем представлена диаграмма-«профиль» значений величина χ_i – вектора, каждая компонента которого соответствует одному из рейтингов проекта WGI. Рейтинги расположены на рисунке в порядке, который задан структурой данных,

---

²¹ Метод частных корреляций позволяет рассматривать сразу несколько контролируемых переменных. Но в нашем случае это не продуктивно. Так, в рассмотренном нами примере никакое добавление к RoL какой-либо другой переменной в качестве контролирующей не приводит к какой-либо существенно новой картине зависимости между CoC и PSaAV. Поэтому мы будем применять метод частных корреляций только в части влияния одной контролирующей переменной на корреляции между остальными. Кроме того, метод работает, когда фиксируемые связи близки к линейным.

предложенных на сайте Всемирного банка. Для сравнения на той же диаграмме приведен профиль переменной β .

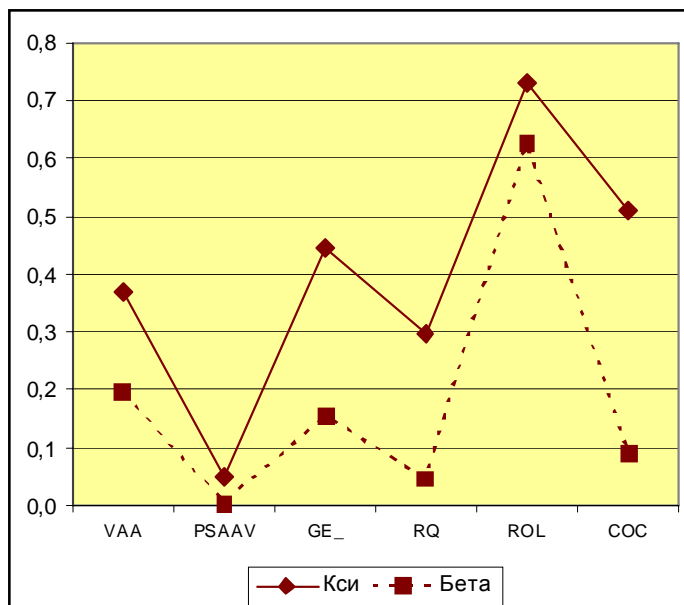

Рисунок 5.2.1. «Профиль» значений переменных ξ и β , характеризующих влияние рейтингов WGI на остальные по данным 2008 г.

Данные, демонстрируемые диаграммой Рисунка 5.2.1 весьма вдохновляющие. Чтобы убедиться в их надежности, сопоставим профили величины ξ за несколько лет. Это сопоставление осуществлено для 2000, 2003, 2006 и 2008 гг. на диаграмме рисунка 5.2.2.

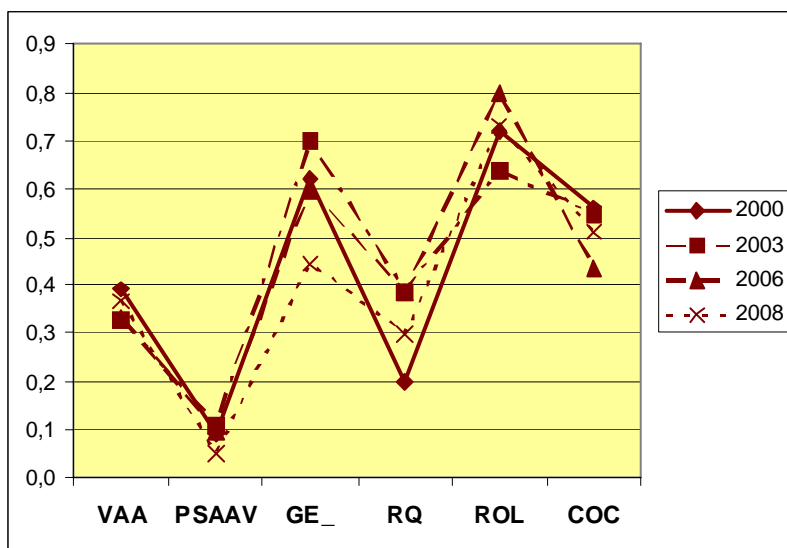

Рисунок 5.2.2. Профили значений переменной ξ , характеризующей влияние рейтингов WGI на остальные по данным за четыре года

Мы видим на диаграмме Рисунка 5.2.2, что четыре различных года, разделяемых апофеозом террористического противостояния, повторяют полностью тенденции, характеризующие соотношения между рейтингами WGI. У нас есть все основания утверждать, что выявленные соотношения являются не артефактом или

случайно проявленной картиной, а устойчивой фундаментальной тенденцией. Тут, что важно, нет различия между интерпретацией данных диаграммы 5.2.1 или 5.2.2.

Итак, первое, что важно зафиксировать, хотя это не имеет прямого отношения к проверяемым гипотезам: из шести полей, охватываемых рейтингами WGI, доминирующим по влиянию на остальные является поле права. Иными словами, **главное, что определяет различия между транзитными странами, это степень верховенства права**. Это, бесспорно, существенно с точки зрения объекта нашего проекта. Тут интересно и то, что, как уже упоминалось выше, рейтинги наподобие индексов WGI характеризуют, прежде всего, неформальные аспекты функционирования судебной власти. И тут существенно положение в профиле (профилях) рейтинга RQ – «качество регулирования». Именно этот рейтинг характеризует формальные аспекты общего поля власти. Мы видим, этому рейтингу соответствуют низкие значения переменной ξ . Тем самым, мы видим, что неформальные, скорее всего, аспекты функционирования судебной власти, являются более определяющим фактором для функционирования субполей власти, чем качество нормативного регулирования.

Конечно, мы должны иметь в виду, что рейтинг RQ характеризует качество регулирования не судебной власти, а, в первую очередь, экономических институтов. Бесспорно, что переменная RoL может трактоваться достаточно широко, и эта трактовка не обязана существенно корреспондироваться с какими-либо аспектами функционирования судебной власти, рассматриваемыми в нашем проекте. Но, как бы то ни было, мы видим: «Rule of Law» – определяющее субполе власти, в большей степени влияющее на все остальные, нежели остальные на него. А качество регулирование – некая не самая важная посредственность²², скорее подверженная влиянию, нежели определяющее все прочее. Тем самым, у нас есть основания для предположения, согласно которому **состояние судебной власти во всей ее полноте, включая неформальные аспекты, много важнее, чем состояние законодательства**. Возможно, что Гипотеза 1 нашего исследования, описывает лишь частный случай некоторой более общей закономерности, которая и проявляется, в частности, в результатах, полученных при анализе частных корреляций между рейтингами WGI. Очень важно: расчеты показывают, что то же самое соотношение между RQ и RoL сохраняется при изменении выборки стран. Нами это проверено на выборке западных стран с устоявшейся демократией и выборке всех стран, охваченных исследованием WGI, за те же четыре года – 2000, 2003, 2006, 2008. Таким образом, есть все основания считать полученный результат весьма доказательной и важной верификацией Гипотезы 1 на данных совершенно иной природы.

Было бы просто трудно обойти комментариями другие интересные факты, извлекаемые из диаграмм 5.2.1 и 5.2.2. Поражает, что лелеемая многими политиками и гражданами стабильность (рейтинг PSaAV) оказывается всего лишь следствием иных обстоятельств (состояний субполей), но совсем не условием для чего бы то ни было. Но это тема для другого исследования. Другое наблюдение: важность контроля над коррупцией (иначе – уровня коррупции) как субполя, влияющего на остальные. Наконец, в ряду других факторов, влияющих на прочие, располагается эффективность исполнительной власти, конкурирующая по уровню влияния с коррупцией, но весомо уступающая верховенству закона. И последнее: состояние политической конкуренции (рейтинг VAA) оказывается столь же посредственно нейтральным, как и качество

---

²² Термин «посредственность» используется здесь не в уничижительном, а, скорее, «геометрическом» смысле, отсылающем к таким коннотациям как «середина», «посредник».

регулирования. И это тоже факт, чреватый отдельным исследованием, выходящим за рамки нашего проекта.

Вот что поразительно, и что, бесспорно, необходимо отметить в первую очередь. Полученные по рейтингам WGI результаты вступают в полное противоречие с идеологией и практикой модернизационных транзитных проектов. В них судебная власть – сугубо вспомогательный институт. Основное внимание уделяется новым законам и их качеству (мы видели выше, какое посредственное место занимает субполе законодательства), политической конкуренции (тот же комментарий) и исполнительной власти (уступающей существенно по влиянию судебной власти, как видно из результатов нашего анализа). И вот что парадоксально, если обратиться к проведенному нами анализу частных корреляций рейтингов WGI на выборке западных демократических стран, то обнаружится, что эффективность исполнительной власти (GE) сравнивается по уровню посредственности (в районе нуля) с качеством нормативного регулирования и уровнем политической конкуренции (VAA). Лидируют два субполя – права и коррупции²³.

Все перечисленное навеивает некоторые мысли по поводу стандартных стратегий модернизации. Главным признаком тоталитарных и авторитарных режимов является доминирование вертикальных систем отношений, среди которых выстраивание «вертикалей власти» – лишь частный случай. Любые горизонтальные системы отношений оказываются врагами вертикалей. Любые властные институты выстраиваются или искажаются таким образом, чтобы обслуживать вертикальные системы отношения, и прежде всего – отношения властного доминирования по вертикали. Это касается и судебной власти. Именно такова была советская судебная власть, встроенная в тоталитарную вертикаль. Современная демократическая судебная власть устроена совершенно по-другому именно потому, что она настроена на обслуживание горизонтальных отношений, особенно в сфере предпринимательства. Такая возможность обеспечивается позицией судебной власти в качестве посредника. Причем посредничество осуществляется не только между фирмами или между гражданами, но также между другими органами власти – с одной стороны – и фирмами или гражданами – с другой. Тем самым независимый суд-посредник «горизонтализует» отношения между органами власти и гражданами или юридическими лицами.

Обычно полагают критерием успешности транзитных модернизационных проектов повышение эффективности управления, в первую очередь – экономикой. Однако, представленные здесь соображения подталкивают к предположению иного толка: самое главное в транзитных модернизационных проектах – перестройка институтов с обеспечения вертикальных отношений на обеспечение горизонтальных отношений. Но из всех институтов власти именно судебная власть отвечает за это качественное принципиальное изменение. Данный факт, как следует из предлагаемого объяснения, и выдвигает на первое место по влиятельности именно

---

²³ Летом 1998 г. в Париже состоялась международная конференция по проблемам коррупции, инициированная европейскими организациями и Всемирным банком. На заключительном заседании российская делегация (все трое – из Фонда ИНДЕМ) выступила со следующим заявлением, обращенным к международным финансовым институтам: «Вы регулярно предоставляете разного рода кредиты нашей стране, за что мы вам благодарны. Предоставление этих кредитов сопровождается перечнем некоторых условий их предоставления, что вполне естественно. Однако, насколько нам известно, ни разу среди этих условий не содержалось требование снижения коррупции. Между тем, всем нам понятно, что коррупция делает ваши кредиты мало эффективными. Намерены ли Вы продолжать подобную практику?». Это обращение, к нашему удовлетворению, повлекло некоторые последствия, что от радно. Однако оно, как сейчас ясно, было неполным. Мы ничего не сказали тогда про судебную власть. Не понимали еще.

поле права. То обстоятельство, что в паре с полем права в лидерах влияния выступает поле коррупции, подкрепляет предлагаемое объяснение. Ведь коррупция внедряет горизонтальные неформальные отношения там, где неэффективны вертикальные формальные отношения. (Но, компенсируя дефекты управления, коррупция разлагает как управление, так и другие институты.)

5.3. Основные выводы

Начнем с наиболее важных методических выводов. В целом мы рискуем утверждать, что разработанный и использованный в данном экспертном исследовании инструментарий (анкета и процедуры анализа) продемонстрировал надежность и продуктивность. То факт, что он позволяет выявлять как общие тенденции так и специфические особенности при сравнении стран, дает основания предполагать, что этот инструментарий будет эффективен и при сравнении состояния судебной власти одной страны в разные годы. Такой вывод опирается на следующее рассуждение: когда мы сравниваем различные транзитные страны, мы фиксируем не только различия в культурах или судебных системах, но и разные фазы транзита. Наш вывод означает, что **данный инструментарий может использоваться при мониторинге состояния судебной власти**. Конечно, для этого необходимо небольшая коррекция тех недоработок, которые были выявлены в ходе исследования, о чем пойдет речь следом.

За исключением нескольких вопросов эксперты не испытывают затруднений при ответах на вопросы. Средний уровень использования ответа «Затрудняюсь ответить» не оказывает значимого влияния на точность наших выводов. Вместе с тем есть несколько вопросов, которые могут неоднозначно пониматься экспертами (вроде вопроса 71). Эти вопросы нуждаются либо в корректировке, либо в замене. Однако их число не велико, а используемый методический инструментарий нивелирует их возможное искажающее влияние. Зафиксированы эффекты сдвига оценок для отдельных групп экспертов. Но дополнительный анализ показывает, что с помощью адекватных статистических методов этот сдвиг компенсируется, и наши выводы относительно базовых проверяемых гипотезы не подвержены влиянию таких сдвигов.

Когда вопросы касаются не судебной власти, а общества, эксперты склонны выдавать желаемое положение дел за действительное. Такой эффект зафиксирован, в частности, при ответах на вопрос 21 о востребованности обществом информации о работе судов. Но этот вопрос не вошел в какие-либо группы вопросов, связанные с построениями индексов. Также российские эксперты переоценивают, относительно полученных нами социологических данных, интенсивность обращения граждан в суд (вопрос 47). В целом, можно утверждать, что агенты поля юстиции имеют довольно смутное представление о клиентах поля юстиции.

Главный вывод: **исследование подтвердило справедливость трех базовых гипотез, сформулированных в начале текста**. Об этом свидетельствуют и данные исследования, и верификация наших выводов с помощью данных международной статистики. Важно также, что сходным образом гипотезы подтверждаются как на российских данных, так и на данных экспертов из других транзитных стран. Тем самым, мы вправе предполагать, что наши гипотезы справедливы для стран, претерпевающих глубокую трансформацию судебной власти.

Наше исследование позволяет не только проверить базовые гипотезы, но и выявить особенности их реализации. Ниже мы перечислим наиболее важные из них.

Гипотеза 1: «Для удовлетворительного функционирования судебной власти, находящейся в процессе трансформации, внеинституциональные факторы создают больше препятствий, чем дефекты или пробелы институционального дизайна».

Рассмотрим критерии работы судебной власти, выделяющиеся с точки зрения экспертов:

- наиболее проблемной зоной эксперты сочли практику реализации норм, регулирующих работу судебной власти и неформальный аспект доступности судов;
- из проблемных критериев внеинституционального толка наименее проблемным эксперты сочли «Неформальный аспект независимости судей»;
- наиболее благополучными аспектами функционирования судов эксперты определили «Формальный аспект независимости судов» и «Качество норм, регулирующих работу судебной власти»;
- в списке благоприятных аспектов наименее благоприятным эксперты определили «Формальный аспект доступности судов».

Если говорить о разрывах между формальными и неформальными аспектами работы судебной власти, то наиболее высокие разрывы фиксируются для независимости суда и справедливости правосудия. Интересно также, что фиксируемая степень разрыва для страны коррелируется со степенью продвинутой трансформации судебной власти в том смысле, который определяется соответствием неформальных правил формальным нормам.

Гипотеза 2. «Российское правосудие поделено на две неравные составляющие фракции (в химическом, а не политическом смысле). Большая, по валовому показателю числа рассматриваемых дел, фракция характеризуется рутинными делами, лишёнными внешнего интереса и влияния, а потому решаемыми в соответствии с законом и справедливостью (правом). Меньшая фракция касается дел, в которых задействован внешний интерес. Именно в таких делах проявляются основные дефекты правосудия».

Наше исследование позволило достаточно убедительно выявить одну из зон внешнего интереса (влияния): **участие власти в судебных процессах в качестве одной из сторон снижает состязательность и процессуальное равенство сторон.** Тем самым мы выделяем один из признаков зоны судебного поля, в которой проявляется специфичность проблем функционирования судебной власти. Однако, возможно существование и других зон, выявление которых требует дополнительных исследований. Это вытекает из того, что в странах, где дефекты судебной власти значительны, Гипотеза 2 действует по-разному, проявляясь разными способами в зависимости от судебной системы, культуры, традиций, истории развития и трансформации судебной власти. Однако и есть общее для многих стран. Это коррупционное влияние, отмеченное как существенная проблема экспертами большинства стран.

Гипотеза 3. «Сопряженные с судебной властью институты в большинстве своем оказывают на ее функционирование существенное, недооцениваемое влияние, снижают качество правосудия и искажают цели трансформации судебной власти». Поскольку речь идет о гипотезах, относящихся ко всему проекту, то различные стороны данной гипотезы проверялись и в других исследованиях проекта. В данном экспертном исследовании мы должны были подтвердить значимость влияния сопряженных институтов на функционирование судебной власти (по оценкам экспертов, конечно). Тут еще нужно учитывать то обстоятельство, что проблема, к примеру, правоприменительной практики – тема весьма обсуждаемая, она на слуху. А о влиянии сопряженных институтов говорят крайне мало, а если говорят, то в контексте отдельных случаев или типовых патологий вроде «телефонного права». И, тем не менее, мы обнаруживаем, что влияние сопряженных институтов занимает

первое место среди трех обобщенных критериев, характеризующих внеинституциональные факторы работы судебной власти: «Качества неформальных практик», «Правоприменительная практика» и «Влияния сопряженных институтов», когда мы сопоставляем оценки этих критериев с оценкой критерия «Качество нормативного регулирования».

Сравнение стран между собой с помощью выделения индексов, наиболее контрастно характеризующих позитивные и негативные стороны функционирования судебных властей этих стран, проявило весьма важную и показательную тенденцию. А именно: страны сравнительно благополучные (Чили, Латвия Польша) чаще содержат в списке позитивных свойств те, которые характеризуются критериями, относящимися к неформальным, внеинституциональным аспектам. А среди негативных сторон встречаются формальные аспекты. Для менее благополучных стран (Болгария, Россия, Украина) верна противоположная тенденция. Этот вывод крайне важен, поэтому мы попробуем его подкрепить.

Для этого мы снова обратимся к данным проекта Всемирного Банка WGI за 2008 г. Возьмем список развитых демократических стран европейской культуры²⁴ и подсчитаем для них средние значения шести индексов, рассматривавшихся выше (Таблица 5.2.1). Этот набор средних будем рассматривать как некоторый эталон. Затем рассчитаем для наших шести стран значения величин, имеющих смысл расстояния до эталона (среднее значение шести – по числу индексов – абсолютных значений разницы между эталонным значением индекса и значением индекса для данной страны). После этого (для удобства применения традиционной числовой интуиции) мы полученные числа вычтем из константы, равной 2,5 (напомним, что таково максимальное значение всех индексов WGI). Последнюю величину мы будем рассматривать как меру «продвинутости» страны по пути модернизации. Будем называть ее «Близость к европейскому стандарту». Чем больше ее значение, тем ближе страна к построенному нами эталону, европейскому стандарту, тем дальше она (страна) продвинулась по пути модернизации (в духе вестернизации).

Далее мы сопоставим новую построенную нами величину с некоторыми критериями работы судебной власти, определявшиеся нами с помощью экспертных оценок в нашем исследовании. Обратимся сначала к рисунку 5.3.1. На диаграмме рассеяния рисунка по оси Y отложены значения близости к европейскому стандарту, чем выше на диаграмме страна, тем ближе к стандарту. Мы видим, что явным лидером является Чили, затем тесной парой движутся Латвия с Польшей, потом отстает Болгария, в некотором отрыве от нее Украина, и замыкает колонну Россия. По горизонтальной оси отложены значения индекса «Качество нормативного регулирования»; использована его стандартизированная форма (см. параграф 4.3 и Таблицу 4.3.6). Это связано с тем, что исходная форма этого индекса практически не различает страны, за исключением Польши, выделяющейся как обычно.

На диаграмме Рисунка 5.3.1 отчетливо просматривается линейная отрицательная статистическая зависимость. Сопоставление упорядочений значений указывает только на одну инверсию по сравнению с полным совпадением упорядочений. Применение точного критерия позволяет установить, что в такой ситуации отвержение гипотезы о независимости чревато ошибкой с вероятностью меньше одной сотой. Теперь о самой статистической закономерности: мы видим, что

---

²⁴ Мы включили в этот список следующие страны: Австралия, Австрия, Канада, Дания, Финляндия, Германия, Исландия, Ирландия, Лихтенштейн, Люксембург, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Швеция, Швейцария, Великобритания. Все эти страны характеризуются тем, что значения всех индексов для них близки к единице или выше.

чем ближе страна к европейскому стандарту, тем ниже эксперты страны оценивают качество нормативного регулирования работы судебной власти.

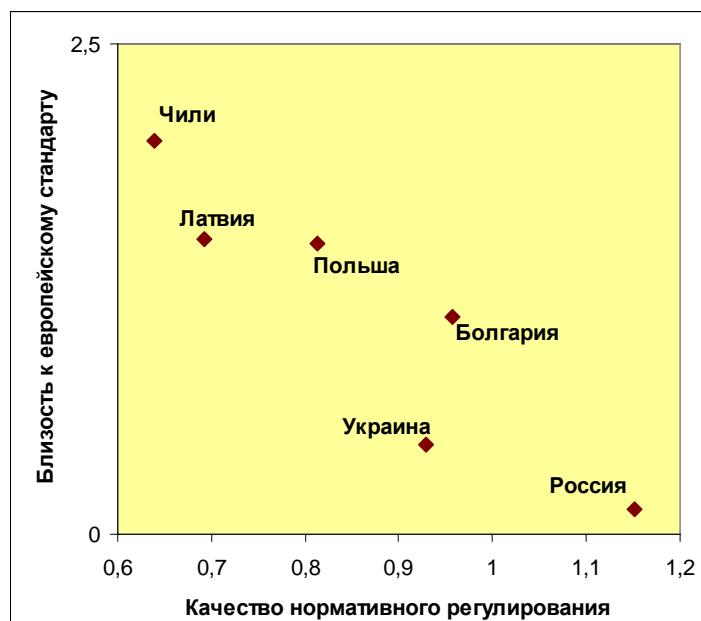

Рисунок 5.3.1. Диаграмма рассеяния двух переменных: индекс «Качество нормативного регулирования» в стандартизированном виде – ось X; индекс «Близость к европейскому стандарту» – ось Y

Данный факт может иметь различные объяснения. Но сравнение этих объяснений будет уместнее делать, рассмотрев еще две диаграммы рассеяния, приведенных на двух следующих рисунках.

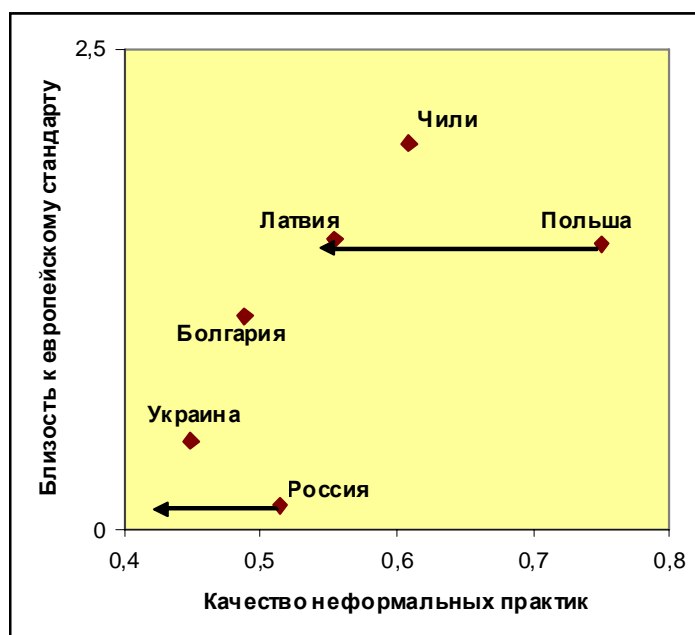

Рисунок 5.3.2. Диаграмма рассеяния двух переменных: индекс «Качество неформальных практик» в стандартизированном виде – ось X; индекс «Близость к европейскому стандарту» – ось Y

Рисунок 5.3.3. Диаграмма рассеяния двух переменных: индекс «Влияние сопряженных институтов» в стандартизированном виде – ось X; индекс «Близость к европейскому стандарту» – ось Y

На диаграммах рассеяния рисунков 5.3.2 и 5.3.3 вертикальная ось соответствует той же переменной, что и на диаграмме рисунка 5.3.1, - «Близость к европейскому стандарту». По горизонтальной оси отложены два других критерия, используемых в нашем исследовании. Оба критерия – «Качество неформальных практик» и «Влияние сопряженных институтов» представлены индексами вида P_p (частота выбора положительного ответа). Но эти критерии уже касаются внеинституциональных факторов. Поэтому на диаграммах рассеяния мы наблюдаем другую статистическую зависимость – линейную положительную. Это означает следующее: **чем ближе страна к европейскому стандарту, тем позитивнее оценивают эксперты этих стран влияние на работу судебной власти неформальных практик и сопряженных институтов.**

На обеих диаграммах мы видим тот же эффект положительного сдвига оценок экспертов из Польши и России, что фиксировался раньше (сравните с рисунками 4.3.2, 4.3.3, 4.3.4, 5.1.1). Возможный сдвиг помечен стрелками так же, как и на перечисленных рисунках.

Теперь вернемся к возможным вариантам объяснения наблюдаемых эффектов. Их два: субъективное и объективное. Субъективное объяснение состоит в следующем. Закономерность, представленную на рисунке 5.3.1 можно объяснить тем, что эксперты из стран, близких к европейскому стандарту, имеют более высокие требования к законодательству, а потому оценивают его с большей требовательностью, что приводит к снижению оценок. Но если такое объяснение справедливо, то эксперты должны были бы со столь же высокой требовательностью относиться к неформальным практикам и влиянию сопряженных институтов. Из этого следовало бы, что на диаграммах рисунков 5.3.2 и 5.3.3 мы наблюдали бы такие же положительные зависимости, что и на диаграмме рисунка 5.3.1. Однако этого не происходит. Значит, субъективное объяснение не работает.

Поэтому мы обратимся ко второму объяснению, объективному. Оно предполагает, что экспертные оценки в целом отражают ситуацию в своих странах, независимо от сдвига в оценках, который, как обсуждалось выше, не влияет на

соотношение оценок. А ведь именно оно проявляется в различиях закономерностях, положительной и отрицательных, которые мы наблюдаем на диаграмме рисунка 5.3.1, с одной стороны, и диаграммах рисунков 5.3.2 и 5.3.3 – с другой²⁵. Но совмещая эффекты, проявляющиеся на всех трех диаграммах, мы должны сформулировать следующий вывод.

В ходе продвижения процесса модернизации и, тем самым, по мере приближения страны к европейскому стандарту меняется соотношение между институциональными и внеинституциональными факторами, определяющими качество работы судебной власти. Для ранних стадий характерна концентрация на качестве законодательства, которое обесценивается негативным влиянием неформальных практик и сопряженных институтов. На более продвинутых стадиях недостатки законодательства компенсируются внеинституциональными факторами²⁶.

Этот вывод крайне важен. Ведь он влечет множество практических следствий. Именно поэтому он нуждается в дальнейших подкреплениях.

Теперь кратко сформулируем рекомендации, вытекающие из полученных результатов, которые могли бы использоваться при разработке стратегий модернизации и при планировании трансформации судебной власти.

1. Несомненно, что судебная власть – ключевой институт в процессе модернизации. Эффективность ее работы в первую очередь определяет работу других институтов. Между тем, при транзите главным образом концентрируются на институтах политической конкуренции, экономических институтах и исполнительной власти. Судебная власть рассматривается как служебный второстепенный институт. В итоге слабость судебной власти становится проблемой для налаживания работы остальных институтов. Представляется настоятельно необходимым ставить реформу судебной власти в число ключевых приоритетов стратегии модернизации. Это не умаляет значение прочих институтов. Несомненно, к примеру, что реальная политическая конкуренция способствует формированию судебной власти как независимого института. Речь о том, чтобы восстановить дисбаланс, возникающий из-за ослабленного внимания к судебной власти.

2. Трансформацию судебной власти необходимо мыслить как преобразование поля права в целом. В первую очередь это означает, что институциональные преобразования судебной власти должна идти синхронно с модернизацией сопряженных с ней институтов. Это касается, прежде всего, прокуратуры, адвокатуры, милиции (следствия, дознания), исполнительного производства. Эти преобразования должны происходить не только синхронно, но и согласованно.

В порядке иллюстрации: в России параллельно трансформации судебной власти реформировалась прокуратура; с некоторым запозданием вводился институт исполнительного производства. А прокуратура сначала практически не реформировалась, а поздние трансформации были несистемны, конъюнктурны и никак не корреспондировались с изменениями, происходившими в судебной власти.

---

²⁵ Если вместо «Качества неформальных практик» и «Влияния сопряженных институтов» рассмотреть построенные на их основе статистики S (смотри Рисунок 4.2.7), которые показывают разрыв между этими индикаторами и индикатором «Качество нормативного регулирования», то результат будет тот же. Более того, нивелируется сдвиг Польши (останется только сдвиг России).

²⁶ На одном из экспертных обсуждений результатов нашего проекта в Институте современного развития Т.Г.Морщакова заметила, что немецкие юристы довольно низко оценивают качество законодательства, регулирующего работу судебной власти в своей стране, но считают, что традиции, неформальные практики и правосознание легко компенсируют дефекты или пробелы.

3. Та же посылка, что лежит в основе предыдущего тезиса, порождает еще одно важное следствие. Трансформация судебной власти должна включать в качестве важной части влияние на правосознание, неформальные практики, традиции. Возможные инструменты – образование, пресса, искусство²⁷, деятельность общественных организаций. Специальное внимание должно быть обращено на правосознание представителей судебного корпуса.

4. Отдельный комплекс мер (в случае России) должен быть предназначен для снижения административного и политического влияния на принятие судебных решений (независимость судей). Здесь наиболее действенным инструментом является политическая конкуренция.

---

²⁷ Можно в качестве примера указать на важную роль, которую сыграло кино в изменении установок белых американцев в отношении афроамериканцев.